ПУТЕШЕСТВІЕ

ВО

ВНУТРЕННЮЮ АФРИКУ

Е. КОВАЛЕВСКАГО.

(Автора «Странствователя по сушѣ и морямъ» и проч.).

τοῦ δὲ Νείλου τὰς πηγὰς οὐδεὶς ὑπέσχετο εἰδέναι, εἰ μὴ ἐν Αἰγύπτῳ ἐν Σάϊ πόλι ὁ γραμματιςὴς τῶν ἱρῶν χρημάτων τῆς Ἀθηναίης. οὗτος δ' ἔμοιγε παίζειν ἐδόκεε φάμενος εἰδέναι ἀτρεκέως.

«Никто ничего не зналъ объ источникахъ Нила, кромѣ хранителя священныхъ вещей въ храмѣ Минервы въ Саисѣ, въ Египтѣ, но и тотъ, кажется, шутилъ, говоря, что знаетъ опредѣлительно.»

Геродотъ кн. II. 28.

منبع النيل فى الجنّة

«Источники Нила въ раю.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1849.

Г 98

К 56 / 91 (6) 3

Ревизія 1917 - 5884

БИБЛИОТЕКА им. Е. Маркса

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
Сев.-Кав. им. К. Маркса
9
324.222
БИБЛИОТЕКА
Проверено
1937 г.
910.46

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, генваря 7 дня, 1849 года.

Ценсоръ *И. Срезневскій.*

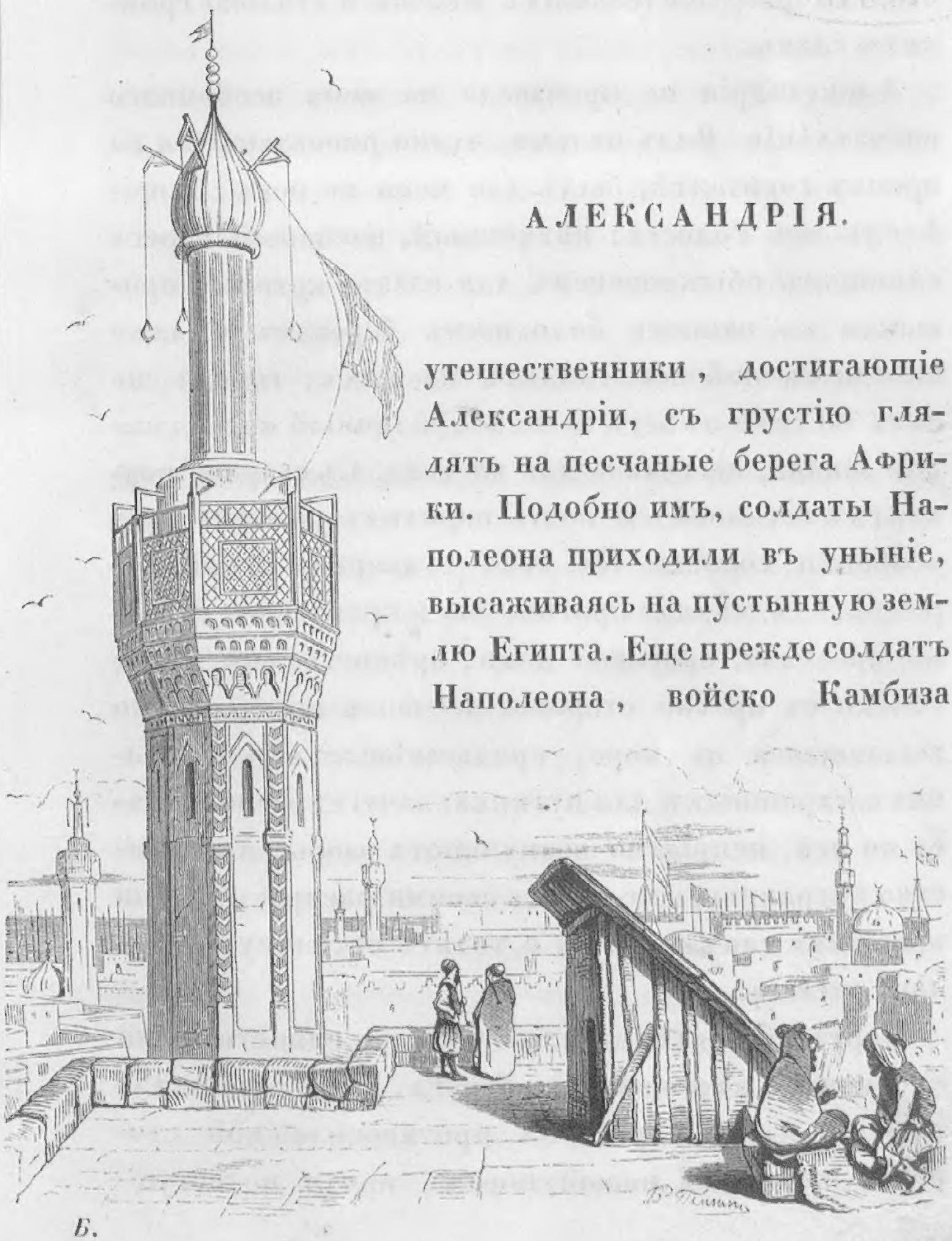
Въ то время, когда читатель прiймется за эту книгу, я буду далеко отъ-сюда. На этотъ разъ пребыванiе мое въ Петербургѣ было не продолжительно, и я не успѣлъ обработать, какъ бы хотѣлъ, нѣкоторые предметы въ издаваемой мною книгѣ, какъ, на-примѣръ, о происхожденiи разныхъ племенъ, населяющихъ Египетъ, Нубiю и Суданъ, и оставилъ не изданнымъ путешествiе свое по Сирiи и Палестинѣ. Кто знаетъ трудности иллюстрированнаго изданiя у насъ, тотъ удивится, какъ я могъ издать свою книгу въ такомъ видѣ въ это короткое время.

Марта 10 д. 1849 года.
С. Петербургъ.

ЧАСТЬ I.

ЕГИПЕТЪ И НУБІЯ.

ГЛАВА I.



АЛЕКСАНДРІЯ.

утешественники, достигающіе Александріи, съ грустію глядятъ на песчаные берега Африки. Подобно имъ, солдаты Наполеона приходили въ уныніе, высаживаясь на пустынную землю Египта. Еще прежде солдатъ Наполеона, войско Камбиза

возставало противъ своихъ полководцевъ, приведшихъ его въ эту раскаленную зноемъ страну, и еще прежде рабы Фараоновъ проклинали землю, на которой строили пирамиды, — пирамиды, пережившіе столько разрушительныхъ вѣковъ и столько громкихъ славъ.

Александрія не произвела на меня особеннаго впечатлѣнія. Видъ пальмъ, чудно рисовавшихся на яркомъ горизонтѣ, былъ для меня не новъ: я пріѣхалъ изъ Родосса; низменный, песчаный берегъ слишкомъ обыкновененъ для глазъ, которые привыкли къ нашимъ болотнымъ берегамъ и даже иногда съ любовью глядятъ на нихъ; городъ же самъ по себѣ имѣетъ весьма приличный видъ даже для запада, не только для востока. Съ стараго порта, гдѣ остановился нашъ пароходъ, Александрія особенно хороша. На лѣво — дворецъ паши, гаремъ, садъ, маякъ; противъ насъ прекрасное строеніе арсенала, красивые дома, крѣпость, еще сады; только съ правой стороны песчаная коса, далеко выдавшаяся въ море, предвозвѣщаетъ о пустыняхъ, страшныхъ для путника; лачуги, расползшіяся по ней, непріятно возмущаютъ взоры, а множество вѣтрянныхъ мельницъ своими распростертыми крыльями такъ кажется и хотятъ оттолкнуть каждаго отсюда.

Портъ превосходный; къ тому же единственный вдоль всего африканскаго берега, начиная отъ Туниса до Александріи. Съ противоположной стороны находится новый портъ, почти недоступ-

ный для большихъ судовъ; но старый такъ великъ, что можетъ вмѣстить въ себѣ флотъ всей Европы.

Основаніе Александріи, какъ и основаніе Константинополя, сопровождалось чудомъ. На востокѣ ни на шагъ безъ чуда; въ этомъ отношеніи время не измѣнило нравовъ. Александръ Македонскій былъ пораженъ выгоднымъ положеніемъ Рокотоса, небольшаго селенія: успувши съ мыслію о всемірномъ тороговомъ городѣ, изъ котораго бы имя его удобнѣе разносилось во всѣ концы вселенной, онъ увидѣлъ облитаго свѣтомъ и пламенемъ старика (Константину великому явилась старуха), который пророческимъ голосомъ, стихами любимой Александромъ великимъ Одиссеи, указалъ мѣсто для подобнаго города: это было именно селеніе Рокотосъ. На другой же день принялся онъ съ ученымъ Динакрисомъ чертить планъ города, который и по нынѣ носитъ его имя, хотя древняго города Александра давно не существуетъ.

Странно: люди никакъ не хотятъ признать генія въ дѣлѣ, на которое не хватило бы ихъ самихъ. Для объясненія великаго подвига, они готовы сочинить сказку, признать вліяніе случая, неизбѣжность судьбы, только не превосходство человѣка. Но Наполеонъ понялъ геній Александра; величайшій изъ завоевателей, онъ сказалъ, что Александръ нашелъ себѣ больше славы въ сооруженіи Александріи, чѣмъ во всѣхъ своихъ завоеваніяхъ. Жаль, что эта прекрасная мысль пришла нѣсколько

поздно Наполеону. Пораженный, подобно древнему герою Греціи, выгодностью положенія города на рубежѣ Азіи и Африки, въ виду Европы, онъ несомнѣвался въ томъ, что Александрія можетъ служить столицею міра; къ этому надо прибавить — въ рукахъ такого полководца, какъ Наполеонъ, потому что Александрія не имѣетъ природной защиты, и непріятель можетъ взять и бралъ ее безъ большихъ затрудненій съ суши и моря. Это не то что Константинополь. У этого Босфоръ и Дарданеллы, простертые подобно двумъ могучимъ рукамъ къ сѣверу и югу для соединенія ихъ на миръ и торговлю, подобно двумъ могучимъ рукамъ всегда готовы и на защиту его.

Только въ Александріи узнали мы, что по случаю открывшейся въ Константинополѣ холеры, всѣ пріѣзжающіе сюда должны выдерживать десятидневный карантинъ. Можно вообразить, каково это извѣстіе пришлось намъ, имѣвшимъ столько поводовъ торопиться къ своей цѣли. Насъ отдѣлили отъ другихъ пассажировъ и повезли въ маленькой дворецъ, занимаемый Ибрагимъ-пашей во время пребыванія его въ Александріи, гдѣ вскорѣ мы остались одни — одинехоньки.

Изъ обширной крестообразной залы выходили окна на всѣ четыре стороны; отовсюду видно было тихое море и прозрачное небо съ ярко-алымъ горизонтомъ, съ котораго только что скатилось солнце, — небо, какого мнѣ давно не случалось видѣть. Ночь упала незапно, и не смотря на то, что

небо покрылось миріадами звѣздъ, была темна. Глухо отдавались шаги мои на мраморномъ полупустынномъ, тускло-освѣщеннаго дворца....

Александрія! Египетъ!... Есть надъ чѣмъ призадуматься. Александрія, откуда Греки черпали образованіе, мудрость, религію, вѣрованія, завѣщая ихъ свѣту. Египетъ, земля полная библейскихъ подвиговъ, облитая кровію первыхъ мучениковъ, пріявшая изъ первыхъ устъ завѣтъ христіанскаго ученія.... Земля Нила и пирамидъ, земля вѣчнаго, неистощимаго и неувядаемаго произрастенія!... Сколько воспоминаній, сколько ожиданій, изъ которыхъ, увы, многимъ не суждено было осуществиться! Вѣрованія дѣтства,—самыя свѣтлыя, радужныя вѣрованія! счастливъ тотъ, кто съ ними пройдетъ всю жизнь и у кого горькій опытъ не потушитъ ихъ на пути, замѣнивъ инымъ свѣтомемъ, представляющимъ предметы и людей уже въ другомъ видѣ!...

Мы были приняты съ рѣдкимъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Не смотря на то, заточеніе наше становилось все тяжелѣй и тяжелѣй, и когда насталъ день освобожденія, мы до разсвѣта отправились въ городъ.

Александрія, во время Плинія, заключала въ себѣ 600.000 жителей, изъ которыхъ 300.000 было гражданъ и 300.000 рабовъ. Амру, взявшій Александрію, донесъ Омару, что въ городѣ находится 4.000 дворцевъ, 4.000 банъ, 400 театровъ и 12.000 магазиновъ. Во время экспедиціи Наполеона въ

Египетъ, Александрія представляла развалины, служившія убѣжищемъ пиратовъ; въ ней было однако до 8000 жителей. Наполеонъ ничего не успѣлъ сдѣлать для города, кромѣ нѣкоторыхъ укрѣпленій. Мегеметъ-Али нашелъ Александрію въ самомъ жалкомъ положеніи: въ ней едва оставалось четыре или пять тысячь жителей. Наученый опытомъ еще недавней высадки Англичанъ на берега (1807 г.), паша поспѣшилъ возобновить древнюю стѣну, построенную преемниками Саладина для защиты города отъ крестоносцевъ и сдѣлалъ новыя укрѣпленія: это было первою его работой; потомъ уже взялся онъ за городъ, на который обратили вниманіе свѣта Александръ и Наполеонъ!

Нынче Александрія не только снаружи, но и внутри имѣетъ видъ европейскаго города съ темнымъ колоритомъ востока, который не совсѣмъ присталъ къ ней. Городъ чистъ и опрятенъ, какъ большая часть городовъ въ Египтѣ, что особенно кидается въ глаза путешественника, послѣ городовъ турецкихъ. Вотъ что было первоначальной, побудительной къ тому причиной. Мегеметъ-Али, непривыкшій къ противудѣйствію, испытывалъ безпрестанныя пораженія отъ чумы, съ которой вступилъ въ самую отчаянную борьбу; напрасно онъ окружалъ карантинной линіей не только береговыя мѣста, но и внутреннія своихъ владѣній, населялъ ихъ европейскими докторами и смотрителями, принималъ самыя строгія мѣры, — чума не переставала появляться время отъ времени

въ Египтѣ, собирая обильную жатву смерти. Наконецъ, не помню кто изъ европейцевъ надоумилъ его; примѣняясь къ правамъ востока вообще и къ характеру Мегеметъ-Али особенно, онъ высказалъ ему свои предположенія въ видѣ извѣстной басни о пастухѣ, который, засадивъ своихъ овецъ за плотную ограду, самъ сталъ у воротъ и караулилъ ихъ день и ночь, между тѣмъ овцы все гибли да гибли, потому что волкъ забрался въ овчарню прежде еще, чѣмъ пастухъ сталъ на сторожѣ.

— Такъ что-жъ тутъ дѣлать? спросилъ Мегеметъ-Али: оставить волка, пока онъ самаго пастуха не задушитъ!

— Нѣтъ, надо разрушить до основанія его логовище.

— А гдѣ оно?

— Въ той нечистотѣ, которою завалены улицы всѣхъ городовъ до того, что по нимъ пройдти нельзя.

Этого было довольно, чтобы Мегеметъ-Али принялся за дѣло со всею, ему одному свойственною, энергіей. Съ тѣхъ поръ города, каковы бы они ни были, не только вычищены, выметены, но даже политы каждый день водою, и чума, въ добрый часъ сказать, не появлялась уже около десяти лѣтъ въ Египтѣ!

До нынѣшняго года въ Александріи считали 80.000 жителей; но по ревизіи, которая приходитъ къ концу во всемъ Египтѣ и дастъ намъ возможность представить вѣрныя свѣденія о населеніи

страны, по этой ревизіи оказалось въ Александріи 145.000.

Въ городѣ есть площадь, довольно обширная; посерединѣ фонтанъ безъ воды, правда, но къ этимъ странностямъ надо привыкать на востокѣ; фонтанъ очень красивъ. На площадь выходятъ дома европейскихъ генеральныхъ консуловъ, — собственные, казенные или нанятые у Ибрагимъ-паши, потому что одна сторона площади занята почти вся его домами, дома богатыхъ купцовъ, построенные въ италіанскомъ вкусѣ, нѣсколько магазиновъ, гостинницъ и кофеенъ. Надо замѣтить, что консула и богатые купцы составляютъ аристократію на востокѣ.

Эта площадь напоминаетъ площади италіанскихъ городовъ: таже толпа народа, вѣчно движущаяся, суетливая, тѣже костюмы, тотъ же языкъ, то же энергическое судорожное движеніе у гуляющихъ и разговаривающихъ, которое очень похоже на пугливую суету мѣлкихъ животныхъ передъ наступленіемъ бури.

Мы зашли къ обязательному Т, остававшемуся повѣреннымъ нашего генеральнаго консульства, по случаю пребыванія его въ Каирѣ, гдѣ находился и дворъ паши; вмѣстѣ съ Т. отправились мы къ Артимъ-бею. Артимъ-бей, министръ иностранныхъ дѣлъ и коммерціи въ Египтѣ; послѣднее званіе заставляетъ его жить постоянно въ Александріи. Онъ родомъ армянинъ, воспитывался во Франціи и очень хорошо образованъ; замѣнивъ, по мѣсту, из-

вѣстнаго Богосъ-бея, бывшаго столько лѣтъ сподвижникомъ и самымъ близкимъ человѣкомъ Мегеметъ-Али, Артимъ-бей умѣлъ также снискать довѣренность стараго вице-короля, который не слишкомъ легко поддается новымъ людямъ.

Востокъ въ Александріи надо искать на базарахъ: тутъ пестро, тѣсно, темно, таинственно, какъ въ сказкахъ тысячи и одной ночи. Васъ поразитъ тяжелая одежда женщинъ: онѣ, въ полномъ смыслѣ слова, закутаны въ черныя атласныя хабры, и въ черное покрывало, тарха; кромѣ того, боргу спускается на лицо, черезъ переносье, въ видѣ треугольника, черной же матеріи. Носъ кажется вдавленнымъ; драпировки никакой; женщина не можетъ управлять покрываломъ, которое лежитъ на ней, какъ тяжелое бремя супружескаго запрета. Въ Константинополѣ со всѣмъ иначе. Легкое, бѣлоснѣжное, оно окутываетъ граціозно ея голову и лицо; придерживаемое снизу руками, оно слегка открывается, будто по невольному движенію, и вы часто видите, кромѣ черныхъ гагатовыхъ глазъ, матовой бѣлизны щеки и чрезвычайно правильный носъ. Дурныя женщины гордятся тѣмъ, что никогда не нарушаютъ завѣта Магоммета, и хорошо дѣлаютъ, какова бы ни была причина такого поведенія.

Загородные дома, утопающіе въ садахъ, прекрасны, особенно вдоль канала Махмудіе; не далеко отъ нихъ, на холмѣ, возвышается величественная колонна, украшенная капителью составнаго орде-

на. Не стану распространяться кому именно посвящена эта колонна, извѣстная подъ именемъ Помпеевой; ему ли, Діоклиціану, котораго имя находится вверху, или основателю Александріи, какъ полагаютъ другіе; замѣчу только, что гробница Александра была не здѣсь, какъ утверждаютъ многіе и не надъ его могилою стояла эта колонна. Тутъ были царскіе чертоги, храмы, можетъ быть даже храмъ Сераписа и жилище жрецовъ. Тѣло Александра, какъ извѣстно, было перевезено въ царственный его городъ Птоломеемъ I въ гробницѣ изъ чистаго золота. Птоломею Коклесу понадобилось золото и онъ переселилъ великаго завоевателя изъ золотаго въ хрустальный гробъ, находившійся въ противоположномъ концѣ города. Мы посвятимъ этому предмету особую статью, въ которой постараемся подтвердить свои слова.

Иные говорятъ, что первоначальная форма этой и многихъ подобныхъ ей колоннъ заимствована отъ кипариса, другіе поэтически объясняютъ сказаніе древнихъ о сжатыхъ листьяхъ лотоса, принимая ихъ за первообразъ капители; по моему мнѣнію колонна съ капителями возродились въ подражаніе пальмы съ ея распадшейся верхушкой, а минаретъ—въ подражаніе кипариса. Первая колонна поставлена въ странѣ пальмъ, минаретъ—въ странѣ кипарисовъ.

У набережной новой гавани, возлѣ воротъ, находятся два обелиска; оба они вывезены изъ Мем-

фиса греками во время владычества ихъ въ Египтѣ. Одинъ стоитъ на подточенномъ цоколѣ, другой лежитъ въпыли; но тотъ и другой не мало пострадали; на одной сторонѣ стоящаго обелиска всѣ почти гіероглифы изгладились; говорятъ, будто его избичевало пескомъ во время хамсима, который дуетъ въ апрѣлѣ и маѣ: трудно повѣрить, не испытавши на себѣ дѣйствія этого вѣтра; мнѣ предстоитъ это впереди. Гіероглифы съ другихъ сторонъ, и особенно съ противоположной, сохранились совершенно: они очень красивы.

Обелискъ извѣстенъ подъ именемъ Клеопатриной иглы.

Оба монолита подарены Мегеметомъ-Али, одинъ Франціи, другой Англіи; но какъ ни великолѣпны они, ни та, ни другая по сю пору не увезли ихъ, потому что перевозка чрезвычайно дорога.

Видъ отъ этихъ обелисковъ съ набережной на море, на городъ, живой и мертвый, некрополисъ,— этотъ видъ чрезвычайно хорошъ и вы забываете, что за вами лачуги солдатскихъ женъ и полунагія дѣти, вопіющія о бакшишѣ, милостынѣ.

Въ Александріи, или правильнѣе за Александріей, есть катакомбы: если путешественникъ не затеряется и не задохнется въ нихъ, то будетъ очень доволенъ, когда выйдетъ на бѣлый свѣтъ и вдохнетъ въ себя чистый воздухъ. Есть еще такъ называемыя клеопатрины бани; но почему эти лазейки названы банями, и даже клеопатриными банями, — этого я уже не знаю.

Общественной жизни въ Александріи, какъ и на всемъ востокѣ, нѣтъ. Театръ есть, но плохъ и непосѣщается хорошимъ обществомъ; два три дома радушно открыты для путешественниковъ.

Теперь вы знаете нынѣшнюю Александрію, и даже можетъ быть знаете съ лучшей ея стороны. Обратимся за 2132 года назадъ и посмотримъ, чѣмъ она была тогда? Я не стану вамъ описывать ея зданій, ея памятниковъ; эти мертвые знаки не такъ ясны, не такъ понятно говорятъ душѣ, какъ самая жизнь, внутренняя жизнь города.

Въ Александріи торжество: Птоломей Сотеръ объявляетъ своего сына, Птоломея Филадельфа, соправителемъ (*). Они уже въ павильонѣ, который нарочно для этого построенъ, въ павильонѣ, сіяющемъ золотомъ, серебромъ, тканями Персіи и Индіи, драгоцѣнными и рѣдкими камнями всѣхъ странъ. Наконецъ двинулась и самая процессія. Въ головѣ идутъ знаменщики различныхъ корпорацій. За ними греческіе жрецы въ порядкѣ своей іерархіи; это празднество было, по преимуществу греческое и выражало собою главнѣйшіе миѳъ Бахуса, а потому жрецовъ было безчисленное множество, всѣ въ богатыхъ колесницахъ, представляя различныя сцены изъ жизни этого бога.

За ними слѣдовала колесница на четырехъ колесахъ, везомая шестидесятью человѣками; на ней была огромная статуя города Низы, одѣтая въ жел-

---

(*) Колликсенъ родосскій.

тую тунику, шитую золотомъ; сверху—лаконійскій плащь. Въ лѣвой рукѣ она держала жезлъ; голова украшалась листьями плюща и винограда изъ чистаго золота съ драгоцѣнными камнями. Движимая хитрымъ механизмомъ, статуя вставала сама, лила изъ полной чаши молоко и опять садилась.

За этою статуей сто человѣкъ везли колесницу, на которой лежалъ прессъ. Шестьдесятъ сатировъ, подъ начальствомъ Силена, при звукахъ пѣсень и флейтъ, давили виноградъ, и ручей сладкаго вина лился по слѣдамъ ихъ во всю дорогу.

Далѣе, цѣлое отдѣленіе съ вазами, урнами, различными принадлежностями служенія жрецовъ, треножниками, посудой, кухней и проч.—все изъ чистаго золота, превосходной работы и необыкновенной цѣны. Мы пропускаемъ изчисленіе всѣхъ этихъ вещей, величины и вѣсу каждой изъ нихъ.

Тысячу шестьсотъ дѣтей, одѣтыхъ въ бѣлыя туники, съ вѣнками на головахъ, слѣдовали за этими драгоцѣнностями, неся различные золотые и серебряные сосуды и кувшины для вина.

Нельзя не упомянуть объ огромной клѣткѣ, которую везли пятсотъ человѣкъ. Изъ нея безпрестанно вылетали голуби и горлицы, обвитые длинными лентами, за которыя зрители ловили ихъ. Съ самой же колесницы били два фонтана, одинъ молочный другой винный. Нимфы, съ золотыми коронами на головахъ, окружали ее.

Особенная колесница везла вещи, употреблявшіяся Бахусомъ, на обратномъ его пути изъ Индіи. Са-

мая статуя Бахуса, огромнаго размѣра, вся въ пурпурѣ, съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ, въ золотой обувѣ, ѣхала на разукрашенномъ слонѣ. Передъ нею, на шеѣ слона, сидѣлъ Сатиръ. 120 сатиръ и 120 дѣвочекъ съ золотыми коронами на головахъ шли впереди, позади—500 дѣвочекъ въ пурпурныхъ тушикахъ, опоясанныхъ золотыми шнурками, а за этой невинной свитой Бахуса, толпились на ослахъ силены и сатиры въ золотыхъ коронахъ; ослы также были разукрашены золотомъ и серебромъ. Далѣе, двадцать четыре колесницы, запряженныя слонами, шестьдесятъ— козлами и множество другихъ —различными животными, оленями, дикими ослами, наконецъ страусами; на нихъ сидѣли дѣти въ туникахъ; при каждомъ было дитя въ видѣ ассистента, съ мечомъ и копьемъ въ рукѣ, въ пышномъ золотомъ платьѣ.

Потомъ медленно двигались колесницы, запряженныя верблюдами, наконецъ мулами; на нихъ были непріятельскія палатки, а въ палаткахъ женщины изъ Индіи, одѣтыя какъ невольницы. Далѣе везли различныя ароматы, ладанъ, рисъ, шафранъ кассію и проч. Возлѣ нихъ шли эфіопскіе невольники съ различными подарками, слоновою костью, эбеновымъ деревомъ, золотымъ пескомъ и проч. За ними охотники, въ золотѣ; они вели 2400 собакъ различныхъ породъ; до 150 человѣкъ несли огромныя деревья, съ которыхъ висѣли различные звѣри и птицы: фазаны, пентады, попугаи, павлины и проч. Послѣ многихъ другихъ отдѣленій, гнали

различныхъ породъ быковъ и барановъ, предназначенныхъ, разумѣется, для пищи народа, вели леопардовъ, пантеръ, тигровъ, львовъ, бѣлаго медвѣдя и проч.

Богато-одѣтыя женщины, носившія имена Іоніи и другихъ Греческихъ городовъ и хоръ изъ 600 человѣкъ, съ золотыми коронами на головахъ сопровождали колесницу съ огромнымъ храмомъ изъ чистаго золота, окруженную статуями и животными; 3200 золотыхъ коронъ, между которыми отличалась корона посвященная таинствамъ, украшенная драгоцѣнными камнями, множество золота въ оружіи и принадлежностяхъ одежды, два бассейна изъ чистаго золота, кувшины, чаши проч. везлись на особыхъ колесницахъ.

Наконецъ все шествіе заключали войска, состоявшія изъ 57,600 пѣхоты и 23,200 конницы, великолѣпно одѣтой.

Коликсенъ Родосскій присовокупляетъ, что онъ описалъ только драгоцѣннѣйшія принадлежности этой процессіи, пропустивъ многое другое, по его мнѣнію менѣе значительное. Я въ свою очередь сократилъ описаніе правдиваго историка.

Древніе писатели съ удивленіемъ восклицаютъ: могли ли когда другіе города, Персеполь, Вавилонъ, во время ихъ славы, или земли, орошаемыя благословеннымъ Патрокломъ представить подобныя богатства? Конечно нѣтъ! Одинъ Египетъ въ состояніи былъ это сдѣлать.

Я оканчивалъ эту выписку, когда хлопанье бича раздалось на улицѣ и заставило меня взглянуть въ окно. Скороходъ бѣжалъ размахивая бичемъ на право и на лѣво, задѣвая нерѣдко полунагихъ пѣшеходовъ. За нимъ слѣдовала небольшая вѣнская кабріолетка, которая остановилась у моего подъѣзда. Вскорѣ вошелъ человѣкъ, весьма просто одѣтый, съ тарбушомъ на головѣ: это былъ министръ иностранныхъ дѣлъ и коммерціи, первый министръ нынѣшняго правителя Египта, Артимъ-бей, заѣхавшій проститься съ нами.

ГЛАВА II.

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНІЕ, ПРОИЗВЕДЕННОЕ ВИДОМЪ ПУСТЫНЬ. НИЛЪ И КАИРЪ.

До пристани отправились мы въ экипажахъ. Загородные дома, сады, обдававшіе насъ надушенною цвѣтомъ жесмининыхъ и лимонныхъ деревьевъ мягкой, влажной, сладострастной атмосферой, яркая зелень, которую можно видѣть здѣсь только зимою, самый каналъ Махмудіе, полный водою, потомъ движеніе народа по набережной, многочисленнаго и разряженнаго по случаю праздника, рядъ экипажей, довольно щегольскихъ, изъ которыхъ выглядывали фигуры въ разнородныхъ костюмахъ, словно во время карнавала въ италіанскомъ городѣ, — все это оставляло впечатлѣніе довольно пріятное на прощанье съ Александріей.

Мы помѣстились на маленькомъ пароходѣ, который буксировалъ барку съ нашими неразлучными спутниками Мустафой-беемъ, вторымъ

сыномъ Ибрагимъ-паши и его многочисленною свитой. Черезъ четверть часа плаванія, видъ совершенно измѣнился: пустыня песковъ слилась съ пустынею водъ озера Мареотійскаго (Бахръ-эль-Маріутъ), такого же унылаго, такого печальнаго какъ она.

Все было мертво кругомъ. Самый горизонтъ, на которомъ угасали лучи закатившагося солнца, горизонтъ блѣдный, безжизненный, казался только продолженіемъ пустыни, а потому не видно было и конца ея. Переходъ отъ жизни къ смерти разителенъ. Эта пустыня сопутствовала насъ до самаго Нила, и тамъ еще оставалась вѣрною самой себѣ въ цѣломъ, и измѣнялась только въ частностяхъ.

Каналъ Махмудіе соединяетъ Александрію съ Ниломъ на пространствѣ 25 лье. Онъ вырытъ Мегеметомъ-Али въ первые годы его правленія; стоилъ многихъ милліоновъ рублей и до 30 т. человѣкъ, погибшихъ при работахъ. Думали только о томъ, какъ бы скорѣе окончить каналъ; иногда нагоняли до 300,000 рабочихъ за разъ, которые, говоря буквально, когтями рыли землю и выносили ее горстями; все это толпилось на тѣсномъ пространствѣ, въ душной, пыльной атмосферѣ, давило другъ друга обрывами береговъ, ведя неправильныя работы, гибло отъ голоду и глазныхъ болѣзней, и безъ того свирѣпствующихъ въ странѣ; къ этому забросьте сюда хоть на недѣлю чуму, и вы увидите, какую жатву соберетъ она. За то въ 10 мѣсяцевъ каналъ

былъ оконченъ. Слѣды этой поспѣшности замѣтны и теперь: каналъ кривъ и косъ; видно, что работали вдругъ на нѣсколькихъ пунктахъ безъ предварительныхъ соображеній. До нихъ ли было! Когда у Мегеметъ-Али зарождалась какая мысль, она не давала ему покоя и какъ кошемаръ мучила его и днемъ и ночью, пока наконецъ не осуществлялась, большею частію удачная и полезная, или совсѣмъ не распадалась, за невозможностью въ исполненіи; но до такого убѣжденія Мегеметъ-Али доходилъ только послѣ всевозможныхъ попытокъ и усилій, иногда дорого обходившихся ему. Это натура, незнающая для себя преградъ.

Близь Афте кончается каналъ; тутъ ожидалъ насъ большой пароходъ, который плаваетъ по Нилу. Было темно; шелъ частый мелкій дождикъ, что здѣсь за большую рѣдкость. Въ Афте, гдѣ давно уже все спало, вдругъ замелькали огоньки и потянулись по направленію къ намъ. Вскорѣ раздался крикъ и шумъ, потомъ цѣлая толпа полунагихъ людей, гонимая курбачемъ, нахлынула на пароходъ и завладѣла нашими вещами: мы ровно ничего не понимали; толпа отхлынула, оставивъ насъ въ совершенной темнотѣ, на опустошенномъ ею пароходѣ. Положеніе наше было очень жалкое.

— Этакъ они все разкрадутъ, сказалъ въ отчаяніи одинъ изъ нашихъ людей.

— Не думаю, отвѣчалъ кто-то изъ-за меня, довольно чисто по-русски; арабы, правда, первые мо-

шенники въ свѣтѣ, но они какъ огня боятся Мегеметъ-Али.

— Вы русскій, спросилъ я, не обращая вниманія на его не слишкомъ успокоительныя слова и радъ-радехонекъ, что нашелъ человѣка, который не только понимаетъ меня, но еще беретъ трудъ отвѣчать.

Я.... служу здѣсь.... для порядка, при отправленіи пассажирскихъ вещей.

— Хорошъ порядокъ, подумалъ я. Какъ же вы не заведете такого порядка, какъ въ Европѣ?

— Пробовалъ было.

— Что же?

— Вышло хуже; чуть мѣсто не потерялъ; такъ я уже и оставилъ по прежнему: ничего, идетъ.

За тѣмъ онъ вызвался проводить насъ къ пароходу, что стоялъ на Нилѣ. Ужъ онъ насъ водилъ, водилъ, по переулкамъ, лѣстничкамъ, надъ обрывами береговъ; кажется ему хотѣлось договорить свою исторію, но мнѣ было не до нея: я едва успѣвалъ идти за его длинной фигурой; закутанная въ широкій бурнусъ, она представляла странныя, фантастическія формы, то ложась безконечной тѣнью на водѣ, то полуизчезая въ темнотѣ узкихъ улицъ. При томъ же, я такъ привыкъ къ похожденіямъ этихъ фантюристовъ, что напередъ знаю ихъ исторію, и то что они станутъ о себѣ расказывать, рисуясь передъ вами жертвами неумолимаго рока, и то что они вамъ не доскажутъ изъ любви къ себѣ и уваженія къ вамъ.

Приближаясь къ пароходу, мы услышали страшныя ругательства на французскомъ языкѣ съ примѣсью арабскаго, и вскорѣ открыли особу, изрыгавшую ихъ: она стояла надъ грудою разбросанныхъ вещей и увидя нашего проводника, который робко жался за нами, вскинулась на него.

Ясно было что французъ былъ здѣсь распорядителемъ. — Гдѣ наши вещи? спросилъ я его.

— До вашихъ мнѣ вещей! Сей-часъ будетъ индійская почта; ступайте скорѣе, не-то пароходъ отойдетъ безъ васъ; вещи послѣ найдете.

Не доставало только того, чтобы пароходъ, назначенный собственно для моего переѣзда, отправился безъ меня! Впрочемъ, чего добраго: слово, индійская почта, имѣетъ здѣсь магическое дѣйствіе, и не мудрено, если для ея парохода прогонятъ нашъ изъ пристани. Англичане и здѣсь умѣли поставить себя на твердую ногу.

А дождь все шелъ. Я уже заботился не о вещахъ, а о томъ, куда бы пріютить самого себя на ночь: въ каютахъ все было занято; я опять къ французу, который одной ногой стоялъ на сходахъ парохода, приказывая отваливать, но на этотъ разъ предъявилъ ему права свои.

— Послушайте, сказалъ онъ дружелюбно, узнавши что пароходъ былъ въ моемъ р поряженіи, — тутъ никто не признаетъ правъ другаго; сила все беретъ. Ступайте въ любую комнату, прикрикните построже на тѣхъ, кто ее занялъ, въ случаѣ нужды,

погрозите кулакомъ, такъ они увидятъ, что вы точно имѣете право и очистятъ для васъ комнату.

Ну, подумалъ я, тутъ видно порядки другаго рода: дай испытаю средствъ француза, и попытка на первый разъ удалась совершенно.

Пароходъ уже давно несся, по египетскому обычаю, сломя шею, спотыкаясь безпрестанно на мели и не рѣдко задѣвая за берега. Было за полночь, но я не могъ уснуть. Мысль, что я на Нилѣ, боготворимомъ нѣкогда Нилѣ, котораго неразгаданныя простыми смертными таинства, жрецы Египта передали грекамъ, а тѣ, преобразивъ ихъ по своему обыкновенію въ поэтическіе образы, завѣщали намъ, — эта мысль не давала мнѣ покою. Мечты дѣтства бились въ груди моей; увы! этимъ мечтамъ, которыхъ не въ силахъ была задушить мятежная жизнь, суждено было разрушиться самимъ собою, при видѣ нагой существенности.

Я поднялся до солнечнаго восхода. Нилъ текъ тихо, величаво. Мы уже вышли изъ розетской его вѣтви и Нилъ былъ въ полной широтѣ своей, почти вдвое шире Невы, какъ она у Исакіевскаго моста. Берега пологи, унылы; ряды пальмъ стоятъ единообразно, какъ частоколъ, отороченный иглами. Если гдѣ и мелькнетъ изъ-за нихъ деревня, то такая, что лучше бы ее во все было не видно. Вдали тянется гряда горъ, темная, избитая, нагая, полузанесенная пескомъ. Такъ вотъ этотъ Нилъ! подумалъ я. Впрочемъ, есть предметы, какъ и лица, въ

которые чѣмъ болѣе всматриваешься, чѣмъ болѣе изучаешь ихъ, тѣмъ болѣе находишь красоты и глубокаго значенія. Можетъ быть таковъ и Нилъ, и уже безъ сомнѣнія не вездѣ одинаковъ, на пространствѣ слишкомъ трехъ тысячь верстъ, которыя мы прослѣдимъ съ вами, читатель, если у васъ достанетъ на то терпѣнія, вы, — въ покойныхъ креслахъ, въ прохладной комнатѣ, и даже въ постелѣ, я — то на водѣ, то на верблюдѣ, то пѣшкомъ, то на ослѣ: въ зной 45° по Реомюру, но все-таки мнѣ не хуже вашего: я буду видѣть живую природу, вы будете читать мертвое слово.

Мы съ намѣреніемъ прошли молчаніемъ гигантскія работы устройства шлюзовъ на Нилѣ, у соединенія рукавовъ его; онѣ требуютъ подробнаго и продолжительнаго изслѣдованія и мы займемся ими на обратномъ пути. Здѣсь кстати замѣтить, съ какою легкостію и самоубѣжденіемъ путешественники произносятъ приговоръ о людяхъ и вещахъ. Князь Пюклеръ-Мускау, выписываетъ изъ сочиненія Клотъ-бея (разумѣется не упоминая о немъ) описаніе проэкта шлюзовъ на Нилѣ инженера Линанъ-бея, утверждая, что работы производятся подъ надзоромъ его. Клотъ-бей былъ правъ, потому что въ то время, когда печаталась его книга, работы дѣйствительно производились Линанъ-беемъ и по его плану; но когда путешествовалъ въ Египтѣ Пюклеръ-Мускау, тогда эти работы были брошены и принятъ новый проэктъ Мюжо, осно-

ванный на другихъ началахъ, и опредѣлявшій для устройства шлюзовъ другое мѣсто.

Поздно вечеромъ, того же дня, мы пристали у дворца Ибрагимъ-паши. Видъ на Каиръ, утопавшій въ сумеркахъ и яркой зелени садовъ — живописенъ. Мы переночевали на пароходѣ и на другой день утромъ отправились въ городъ.

Каиръ остается теперь единственнымъ типическимъ городомъ магометанскаго востока, не нынѣшняго востока, пресмыкающагося въ невѣжествѣ или рабствѣ, но прежняго, временъ его славы, временъ калифовъ. Посмотрите, какъ хороша, величава во всей изящной простотѣ своей эта мечеть, какъ легки, воздушны, граціозны минареты! Высоко встаютъ они отъ земли и будто собственною волею стремятся одинъ за другимъ все выше и выше въ небо; не успѣешь слѣдить за ними, не успѣешь уловить ихъ взоромъ; а эти рѣзные, точеные балконы, обвитые, словно кружевомъ, тоненькою рѣшеткою, а окна филаграмовой работы, въ которыхъ вполнѣ разыгралась фантазія востока, а улицы, крытыя гдѣ полотномъ, гдѣ деревомъ: въ нихъ и въ самый полдень вы защищены отъ солнца; а ночью, ночью какъ таинственны эти улицы! Вѣришь, что приключенія тысячи и одной ночи могли въ нихъ случаться. Да, Каиръ сильно поражаетъ на первый разъ путешественника, настроеннаго къ чудесному, утомленнаго единообразнымъ видомъ городовъ нашей положительной Европы. Но, увы!

мечети и минареты разрушаются, ни кѣмъ не поддерживаемые; дома ломаютъ, чтобы расширить улицы, или поставить, вмѣсто старыхъ, другіе, въ левантскомъ вкусѣ, составляющемъ безобразную смѣсь европейской и восточной архитектуры. Можетъ быть отъ этого Каиръ и выиграетъ въ одномъ отношеніи, хотя, конечно, не столько какъ Александрія, увлекшая его своимъ примѣромъ, — Александрія, которая изъ грязной деревушки превратилась въ обширный полуевропейскій городъ, но уже конечно не выиграетъ ни въ отношеніи архитектуры, ни въ отношеніи поэзіи. Скажутъ, кто нынче объ этомъ думаетъ? нужно одно полезное, существенное, положительное: правильныя, широкія улицы даютъ просторъ воздуху, облегчаютъ сообщеніе, пріучаютъ къ порядку, — замѣчаніе очень благоразумное; но ужели вы думаете, что и прежде не разсуждали также благоразумно, и что люди, еще носившіе въ душѣ воспоминаніе о безпредѣльныхъ пустыняхъ не заботились о просторѣ? Дѣло въ томъ, что на этихъ широкихъ, открытыхъ улицахъ васъ сожжетъ полуденное солнце; вотъ чего очень благоразумно избѣгали всѣ города юга среднихъ временъ, устроивая у домовъ висячіе балконы, которые составляютъ родъ кровли надъ улицами. Просторъ любили арабы, просторъ въ домѣ, расписанномъ, разрисованномъ арабесками, раззолоченномъ, просторъ на широкомъ дворѣ, устланномъ мозаикой, застланномъ густою зеленью виноградниковъ и

фигъ, прохлажденномъ вѣчно-бьющимъ фонтаномъ: тутъ можетъ быть и не было нашего комфорта; но была роскошь, нѣга, пища фантазіи, удручаемой житейскою заботой. Какъ бы-то ни было, дѣло въ томъ, что единственный, вполнѣ сохранившійся памятникъ чисто арабской архитектуры, скоро изчезнетъ и дѣти наши уже принуждены будутъ изучать ее въ рисункахъ и преданіяхъ.

Съ напряженнымъ любопытствомъ смотрѣлъ я по сторонамъ: мнѣ казалось, что этотъ городъ, столь отличный отъ другихъ городовъ, долженъ и жить иною жизнію, что духъ калифовъ, хотя скорбный и унылый, однако все еще покровительствующій любимому городу, витаетъ надъ нимъ: кругомъ пестро, но вяло; нищета и бѣдность выказываются острыми углами изъ подъ стараго, шитаго золотомъ бурнуса...

Засмотрѣвшись вокругъ себя, я совсѣмъ было наткнулся на странную чету: одинъ — въ лахмотьяхъ, безобразный; онъ колотилъ въ бубенъ, что было силы, припрыгивая въ тактъ; другой—почти нагой, ревѣлъ благимъ матомъ.

— Что это такое? спросилъ я своего проводника-драгомана.

— Фантазія.

— Что такое?

— Фантазія, повторилъ онъ презрительнымъ тономъ, кидая двѣ три пары на простертый передъ

нами бубенъ. — Пускай будетъ и фантазія, подумалъ я и послѣдовалъ его примѣру.

Между тѣмъ дикіе звуки другой музыки неслись прямо на насъ, приближаясь, и мы опять поспѣшили посторониться, чтобы дать мѣсто процессіи: впереди шелъ цѣлый оркестръ оглушительной турецкой музыки; за нимъ, подъ тяжелымъ балдахиномъ, поддерживаемымъ нѣсколькими дюжими носильщиками, двигалось медленно, очень медленно, что-то ведомое, или, правильнѣе, тащимое, совсѣмъ закрытое, со всѣмъ незримое, походившее на вѣшалку, на которой въ безпорядкѣ нагромождены всякаго рода дорогія матеріи; за тѣмъ шла толпа народа, шли какіе-то крикуны, и наконецъ, на изукрашенной богатой сбруей лошади, ѣхалъ, весь убранный въ парчу, мальчикъ лѣтъ шести; за нимъ опять валилъ народъ, опять шумъ и крикъ.

— Это что такое? спросилъ я.

— Фантазія, отвѣчалъ самодовольно драгоманъ, продолжая съ любопытствомъ глядѣть на процессію.

При словѣ фантазія, я опять было вынулъ деньги, какъ человѣкъ, понимающій въ чемъ дѣло, но драгоманъ отрицательно покачалъ головою.

— Да что же это наконецъ такое, ваша фантазія?

— Извѣстное дѣло — фантазія! отвѣчалъ онъ тономъ глубокаго убѣжденія. Нечего дѣлать, надо было ожидать другаго случая или другаго

человѣка, который могъ бы мнѣ объяснить каирскую фантазію.

— Ее поведутъ по всему городу, говорилъ драгоманъ, продолжая путь и не обращаясь ко мнѣ.

— Фантазію?

— Невѣсту.

— Да гдѣ же невѣста?

— Развѣ вы не видите, подъ балдахиномъ.

А, такъ эта движущаяся вѣшалка—невѣста! Не она ли и есть фантазія? Однако, изъ тѣхъ уродливыхъ фигуръ, которыхъ мы прежде встрѣтили:— одинъ нагой, другой въ рубищахъ, — конечно не было невѣсты, а между тѣмъ была фантазія.

Мы шли къ нашему консулу. Чтобы сократить путь, драгоманъ повелъ меня черезъ какой-то дворъ, и потомъ небольшой садикъ, полный деревьями олеандровъ и розъ въ цвѣту. Я невольно остановился полюбоваться ими.

— Стоитъ ли смотрѣть, сказалъ мнѣ драгоманъ: вотъ Шубра такъ садъ, а это что? просто фантазія.

Какъ, все-таки фантазія! вотъ истинно самый фантастическій городъ, подумалъ я, и уже не спрашивалъ о значеніи слова. Молча продолжали мы путь и вскорѣ достигли Эзбекіи, гдѣ стоялъ консульскій домъ.

На площади опять сцена: сцена печальная, тяжелая, возмутительная для души, хотя я не въ первый разъ вижу ее. Во всеувидѣніе, какъ осуж-

денная стояла женщина, едва прикрытая лахмотьями. По чертамъ и цвѣту лица легко было догадаться, что это абиссинянка, а по выраженію — что это невольница; не далеко отъ нея, стоялъ равно-

душный къ ея участи, безпечный продавецъ ея. Я поспѣшилъ укрыться въ домѣ нашего консула.

Вслѣдъ за мною, пришелъ къ консулу египетскій чиновникъ и объявилъ, что мнѣ приготовили квартиру у Камиль-паши, зятя Мегеметъ-Али, куда мы и отправились.

Домъ Камиль-паши расположенъ какъ и дворецъ, въ которомъ мы жили въ Александріи, какъ почти всѣ домы богатыхъ турковъ:—крестообразная зала и въ каждомъ углу ея по комнатѣ, гдѣ двѣ; только комнаты отличались роскошью и даже вкусомъ убранства. Хозяинъ встрѣтилъ меня. Это былъ типъ тѣхъ турковъ чистой крови, если можно такъ выразиться, которые, по несчастью, нынче со всѣмъ переводятся. Манеры его, исполненныя благородства, достоинства, внушали невольно къ нему уваженіе; въ лицѣ было выраженіе кротости и покровительства; разговоръ цвѣтистъ, вѣжливъ, но безъ лести. Камиль-паша образованъ въ восточномъ родѣ, то есть, кромѣ турецкаго языка, знаетъ прекрасно арабскій и персидскій, къ тому же порядочно говоритъ по французски, хотя еще нѣтъ года, какъ началъ учиться этому языку. Онъ теперь пишетъ исторію правленія Мегеметъ-Али, по порученію своего тестя. Рѣчь, произнесенная послѣднимъ въ собраніи своихъ властей, удивившая всѣхъ по новости идей и надѣлавшая довольно шуму, рѣчь, исполненная многихъ благородныхъ чувствъ, была написана, разумѣется подъ вліяніемъ Мегеметъ-Али, Камиль-пашей, а не Семилемъ, какъ многіе утверждали.

ГЛАВА III.

МЕГЕМЕДЪ-АЛИ И ПИРАМИДЫ.

Мегеметъ-Али пригласилъ насъ въ тотъ же день къ себѣ обѣдать, — почетъ, которымъ онъ рѣдко кого удостоиваетъ. Къ завтраку онъ приглашаетъ часто, иногда даже дамъ, особенно жену французскаго консула, Баро, но обѣдаютъ съ нимъ только люди близкіе, турки, большею частію его родственники, всего человѣкъ шесть семь.

Мегеметъ-Али сидѣлъ уже за столомъ, когда мы вошли въ столовую, и послѣ ласковаго привѣта, просилъ насъ садиться. На лицѣ его изображалась тяжкая болѣзнь: это было начало той болѣзни, которой, увы, суждено было впослѣдствіи такъ неожиданно, такъ страшно разразиться; руки его дрожали; онъ едва могъ держать ложку и почти ничего не ѣлъ; но голосъ былъ твердъ, и, перемогая свои недуги, старый паша не переставалъ быть привѣтливымъ хозяиномъ.

Съ любопытствомъ всматривался я въ лицо этого человѣка, который такъ долго занималъ собою

вниманіе Европы. Его выставляли то геніемъ, то злодѣемъ, но каковъ бы онъ ни былъ, исторія жизни его, во всякомъ случаѣ чудная и таинственная, вѣрно не разъ заставляла биться сердце читавшаго ее. Исторія эта всѣмъ извѣстна, и я не стану разсказывать ее подробно; припомню только важнѣйшія событія.

Мегеметъ-Али родился въ маленькомъ приморскомъ городкѣ Румеліи, Кавалѣ, въ 1769 году, какъ говоритъ онъ самъ, но старики изъ Кавалы утверждаютъ, что ему теперь стукнуло добрыхъ 90 лѣтъ. Оставшись сиротою въ дѣтскихъ лѣтахъ, онъ былъ призрѣнъ однимъ добрымъ агой; мальчикъ полюбился агѣ, который отличилъ его отъ прочихъ домочадцевъ и выбралъ ему довольно богатую невѣсту. Молодой Мегеметъ-Али съ легкой руки началъ торговать табакомъ, скопилъ себѣ маленькое состояньице и строилъ планы болѣе обширной торговли, какъ вдругъ пришло въ Кавалу приказаніе набрать 300 человѣкъ и вмѣстѣ съ другими отправить въ Египетъ, гдѣ турки уже воевали противъ арміи Наполеона: Мегеметъ-Али попалъ въ число этихъ 300 человѣкъ. Онъ былъ храбръ, въ этомъ всѣ отдаютъ ему справедливость, уменъ, объ этомъ и говорить нечего, а потому не мудрено, что скоро выставился впередъ изъ среды полудикихъ албанцевъ. Послѣ абукирской битвы, онъ уже былъ произведенъ въ сарешесме (въ начальники 1000), а когда французы покинули Египетъ, онъ былъ посланъ противъ мамелюковъ, въ качествѣ начальника отряда.

Тутъ начинается для Мегеметъ-Али тотъ не вѣрный, тернистый и вмѣстѣ скользкій путь, по которому властолюбцы идутъ къ своей цѣли: бездна у ногъ; одинъ не вѣрный шагъ, и гибель неизбѣжна. Надо однако сказать, что не всегда эти пираты счастья пускаются по немъ преднамѣренно, съ сознаніемъ цѣли: нѣтъ! иногда случай сталкиваетъ ихъ на эту дорогу, иногда судьба увлекаетъ по ней. Мегеметъ-Али, рядомъ побѣдъ, интригъ, силою несокрушимой воли и гибкаго ума дошелъ до того, что шейхи Каира, выбросивши Кошруда изъ пашалыка, предложили Египетъ смѣлому албанцу. Мегеметъ-Али послѣдовалъ общей, весьма странной уловкѣ людей въ его положеніи; нѣсколько времени онъ ломался, отказывался и наконецъ согласился сдѣлать милость каирскимъ жителямъ и шейхамъ,—принялъ Египетъ; порта, не смотря на всѣ свои противодѣйствія, принуждена была утвердить его въ званіи вице-короля: фирманъ послѣдовалъ 9 іюля 1805 года.

Проходимъ молчаніемъ рядъ послѣдующихъ побѣдъ его и завоеванія Аравіи, Сиріи, Сенаара, Кордафана. Освобожденіе святыхъ городовъ Мекки и Медины изъ рукъ мусульманскихъ еретиковъ, вагабитовъ, противъ которыхъ ничего не могли сдѣлать войска султана, доставило ему громкую славу и уваженіе въ мусульманскомъ мірѣ; но вскорѣ потомъ начинается для Мегеметъ-Али рядъ пораженій всякаго рода: смерть любимыхъ сыновей Тусума и Исмаила, ужасное пораженіе въ Греціи,

частая чума въ Египтѣ, наконецъ отнятіе Сиріи и Аравіи, и вслѣдъ за тѣмъ уничтоженіе многихъ монополій, приносившихъ ему огромный доходъ, мѣра, которую онъ долженъ былъ принять противъ воли. Но старый паша не упадалъ духомъ, и продолжалъ по прежнему дѣло преобразованія въ оставшемся ему Египтѣ, въ Сенаарѣ и Кордафанѣ: какъ онъ переобразовалъ ихъ, это мы увидимъ во время своего путешествія, а теперь обратимся къ нашему обѣду.

Обѣдъ былъ очень хорошъ и сервированъ по европейски; всѣ торопились ѣсть или пропускали блюда, не прикасаясь къ нимъ, чтобы не утомлять больнаго продолжительнымъ сидѣніемъ за столомъ; французъ дворецкій, понимавшій общее желаніе, исполнялъ свое дѣло живо; слуги передвигались въ совершенной тишинѣ, какъ тѣни; только слышна была мѣрная, внятная, кадансовая рѣчь переводчика, который съ главнымъ драгоманомъ, лицомъ очень важнымъ въ управленіи Египта, стоялъ у стула больнаго и передавалъ намъ по французски едва внятныя слова его.

Мегеметъ-Али не больнаго роста; сьеженный лѣтами и болѣзнію, онъ казался миніатюрнымъ, крошечныя руки и голова соотвѣтствовали всей его фигурѣ; рѣдкая, бѣлая борода и маленькіе усы не скрывали лица, которое нѣкогда было красиво, теперь блѣдно, покрыто морщинами, но нисколько не непріятно, какъ это часто бываетъ у стариковъ, напротивъ, внушало уваженіе и довѣренность, а

свѣтло-каріе, глубоко вдавленные глаза, подвижные, живые, все еще блестящіе, какъ-то странно озаряли эту фантастическую фигуру свидѣтельствуя, что жизнь въ ней еще бьетъ ключемъ и мятежный духъ также дѣятеленъ теперь, какъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Только по временамъ, какое-то страшное вскрикиваніе, которое, казалось, вырывалось изъ глубины души больнаго, неожиданно, безъ всякаго участія его самаго, невольно пугало насъ; другіе привыкли къ нему, потому что всякая болѣзнь вице-короля сопровождалась подобными криками; ихъ не могли истребить ни его твердая воля ни всѣ усилія врачей. Говорятъ, это произошло отъ чрезвычайнаго нравственнаго напряженія его во время войны съ вагабитами. Окруженный отвсюду сильнымъ непріятелемъ, угрожаемый своими, изъ которыхъ многіе уже отказались ему повиноваться, онъ рѣшился на отчаянный подвигъ: взять приступомъ крѣпость, такъ сказать висѣвшую надъ головою и громившую его лагерь; однимъ этимъ онъ могъ возстановить упавшій духъ въ оставшемся у него отрядѣ, открыть себѣ путь во внутрь страны и устрашить непріятеля. У него была только горсть людей, и съ нею-то, ночью, кинулся онъ на крѣпость. Неожиданный успѣхъ увѣнчалъ дѣло, и война съ вагабитами приняла другой оборотъ; но возвратившись съ поля битвы, Мегеметъ-Али почувствовалъ въ первый разъ эти нервическіе, судорожные крики, которые, въ началѣ, приводили его въ совершенное отчаяніе.

За обѣдомъ разговоръ кружился около моей экспедиціи. Мегеметъ-Али хотѣлось, чтобы я переждалъ періодическіе дожди въ Каирѣ, и потомъ уже отправился въ Сенааръ; онъ утверждалъ, что первые дожди въ Суданѣ начнутся въ будущемъ мѣсяцѣ (февралѣ). Мысль, что я долженъ жить въ Каирѣ безъ всякаго дѣла около полугода, пугала меня; при томъ же, хотя Мегеметъ-Али и былъ однажды за линіей періодическихъ дождей, слѣдовательно могъ судить по опыту, однако, я зналъ отъ людей бывалыхъ во всякое время года въ этихъ краяхъ, что сильные дожди, харифъ, отъ которыхъ бѣгутъ люди и звѣри, въ горахъ начинаются не ранѣе мая мѣсяца; я рѣшился объяснить это Мегеметъ-Али, разумѣется какъ можно легче. Онъ сомнительно покачалъ головой и обратился съ вопросомъ къ другимъ. Многіе изъ находившихся тутъ были въ Суданѣ, но только одинъ, изъ слугъ, рѣшился отвѣчать, что хотя эфендина совершенно правъ и дожди бываютъ въ февралѣ, однако большею частію начинаются въ маѣ. Мегеметъ-Али взглянулъ на него такъ, что тотъ попятился невольно къ стѣнѣ; но тутъ же объявилъ, что совершенно согласенъ отпустить меня, когда я хочу, и что велитъ немедленно снаряжать экспедицію; только ради моего здоровья желалъ онъ оставить меня подолѣе здѣсь. И дѣйствительно, какъ я узналъ впослѣдствіи, Мегеметъ-Али, по совѣту добраго Клотъ-бея, хотѣлъ чтобы мы акклиматизировались въ Каирѣ, и сколько по

этому, столько по возникшимъ непріятельскимъ дѣйствіямъ съ Абиссиніей, со стороны Сенаара, хотѣлъ насъ удержать нѣсколько времени при себѣ, хотя самъ нетерпѣливо желалъ поскорѣе добиться результатовъ нашей экспедиціи, а результатовъ онъ ожидалъ огромныхъ.

— Я приказалъ генералъ-губернатору послать въ Фазоглу 10,000 человѣкъ для работъ на золотыхъ рудникахъ, сказалъ паша, а если нужно такъ еще прибавлю столько же.

Съ удивленіемъ слушалъ я его. Что мы станемъ дѣлать съ 10,000 думалъ я, когда еще нѣтъ и рудниковъ, не говорю уже о горныхъ людяхъ, которые бы могли руководить всю эту толпу людей; но предупрежденный напередъ и видя по опыту, какъ не любитъ противорѣчій старый паша, избалованный своими и европейцами, которые изъ уваженія къ его лѣтамъ и заслугямъ, изъ боязни можетъ быть, во всемъ соглашаются съ нимъ, хотя не всегда поступаютъ по его волѣ, я на этотъ разъ не противорѣчилъ, рѣшившись однако, при первомъ свиданіи объясниться съ нимъ обстоятельнѣй и показать вещи съ настоящей точки зрѣнія. Иншаллахъ! сказалъ я; дай только Богъ, чтобъ было золото!

— О, вы непремѣнно найдете и золото и серебро и мѣдь: тамъ всего много.

Я хотѣлъ было говорить, но обращенные на меня отвсюду умоляющіе взоры принудили къ молчанію.

1977
1879
69

Послѣ обѣда мы ушли въ другую комнату, роскошно убранную, разрисованную въ восточномъ вкусѣ цвѣтами и арабесками, съ огромными зеркалами на простѣнкахъ и съ мягкими диванами вдоль двухъ стѣнъ. Мегеметъ-Али усѣлся по турецки въ углу дивана, со всѣмъ погрузившись въ свою шубу; мы сѣли возлѣ, на покойныхъ креслахъ; изъ всѣхъ бывшихъ въ столовой, одинъ главный драгоманъ послѣдовалъ за нами. Напившись кофе и втянувъ въ себя по нѣскольку глотковъ дыму изъ огромныхъ, украшенныхъ брилліантами янтарныхъ мундштуковъ, мы хотѣли откланяться, чтобы не утомлять больнаго.

— Мнѣ скучно; останьтесь, пожалуйста, и будемте о чемъ нибудь болтать, сказалъ онъ добродушно.

И стали говорить. Зная его слабую сторону, консулъ завелъ разговоръ о торговлѣ, и Мегеметъ-Али оживился, увлекся. Мы оставались у него около часу послѣ обѣда.

Никогда не забуду я словъ его, произнесенныхъ съ особеннымъ выраженіемъ, какъ бы пророческимъ голосомъ: «насъ трое сверстниковъ» — говорилъ онъ: «Луи-Филиппъ, король французовъ, Метернихъ и я; если свернется одинъ изъ насъ, то другіе немедленно послѣдуютъ за нимъ.» Этимъ словамъ суждено было слишкомъ скоро осуществиться.

Приготовленія къ экспедиціи шли быстро: Ме-

геметъ-Али умѣлъ пріучить своихъ подчиненныхъ къ подвижности.

Насъ собралось въ то время человѣкъ семь русскихъ, что чрезвычайно рѣдко случается въ Каирѣ, и большею частію знакомыхъ съ давнихъ временъ. Утромъ ѣздили мы за городъ, осматривать или *окаменѣлый лѣсъ*, или пирамиды, или мечети; вечеръ проводили большею частію у нашего консула. Каждый русскій вѣрно вспоминаетъ съ благодарностью о томъ обязательномъ вниманіи, о томъ радушномъ гостепріимствѣ, которое оказывали ему наши консула на востокѣ.

Вечеромъ являлся къ намъ почтенный докторъ Прюсъ, членъ парижской медицинской академіи, присланный въ Каиръ для изслѣдованія чумы и пользовавшій Мегеметъ-Али и Клотъ-бей; они говорили, что приходили въ русскую колонію, какъ называли наше общество, отдыхать отъ труднаго дня, проведеннаго при больномъ, о которомъ сообщали намъ свѣдѣнія, не всегда утѣшительныя. Не мы одни, всѣ въ Каирѣ находились въ какомъ-то трепетномъ ожиданіи конца этой болѣзни.

Пора наконецъ сказать нѣсколько словъ о пирамидахъ: о нихъ кажется уже истощены всѣ споры всѣ восклицанія, всѣ прилагательныя превосходной степени, такъ что мнѣ не многое остается прибавить.

Пирамиды, когда на нихъ глядишь изъ-дали, напримѣръ, изъ дворца Мегеметъ-Али, дѣйствительно поражаютъ своимъ величіемъ; тѣмъ болѣе, что воо-

браженіе заранѣе приготовлено къ чудесному, но по мѣрѣ того, какъ приближаешься къ нимъ, — онѣ сжимаются, мельчаютъ, принимаютъ обыкновенный видъ, и наконецъ вамъ представляется огромная, конусообразная масса обтесанныхъ камней, сложенныхъ одинъ на другой, уступами и выведенныхъ въ одну точку вверхъ. Нѣкогда пирамиды были одѣты плитами. Все пространство внутри ихъ выполнено такими же камнями, кромѣ двухъ трехъ комнатъ, большею частію расположенныхъ одна надъ другою, до которыхъ съ трудомъ можно достигнуть, ползкомъ, съежившись, по темнымъ и низкимъ корридорамъ, да еще можетъ быть нѣсколькихъ неизвѣданныхъ подземелій.

Основаніемъ пирамидъ служитъ срѣзанная и сглаженная скала; входъ стережетъ гигантскій сфинксъ съ задумчивой физіономіей, избитый временемъ и кажется сокрушающійся о томъ, что оно не совсѣмъ истребило его и допустило быть свидѣтелемъ другой эпохи, жалкой эпохи, другихъ событій, невѣроятныхъ событій для сфинкса фараоновыхъ временъ.

До сихъ поръ несправедливо считали пирамиды высочайшимъ зданіемъ въ мірѣ: колокольня въ Ревелѣ, двумя тремя футами выше ихъ. Изчислено, что если разобрать одну пирамиду, то изъ камней ея можно сдѣлать небольшую стѣну вокругъ всей Франціи. Боже мой, сколько труда, сколько поту и крови человѣческой пролито и какъ безполезно! Теперь, самымъ справедливымъ мнѣніемъ считается то,

что эти пирамиды служили гробницами фараоновъ: такъ вотъ для какой суетной цѣли жертвовали тысячами людей! Но пусть лучше за насъ говоритъ самъ Геродотъ, этотъ поклонникъ, этотъ обожатель мудрости жрецовъ, правдивый Геродотъ, котораго однако иногда совращали съ пути правды пристрастіе и увлеченіе къ предмету. Вотъ какъ строились пирамиды.

«Передъ начатіемъ работъ, Хеопсъ закрылъ храмы и запретилъ жертвоприношенія; все было устремлено къ одной цѣли. Нѣкоторые изъ египтянъ были осуждены тесать камни въ аравійскихъ горахъ и доставлять ихъ оттуда къ Нилу, другіе перевозили эти камни черезъ рѣку, тащили ихъ изъ Ливіи къ мѣсту построекъ; сто тысячъ человѣкъ, перемѣняемыхъ каждые три мѣсяца, были безпрестанно заняты работами и десять лѣтъ едва были достаточны для того только, чтобы устроить дорогу для перевозки камней.... Сооруженіе самой пирамиды, носящей имя Хеопса, продолжалось 20 лѣтъ.»

«Чтобы достать денегъ для этихъ огромныхъ работъ, Хеопсъ дошелъ до того, что принудилъ дочь торговать собою. Мнѣ не сказывали, какую сумму выручила она, продолжаетъ Геродотъ, но увѣряютъ, что вздумавши составить памятникъ собственно для себя, она потребовала отъ каждаго изъ своихъ любовниковъ по камню, и изъ этихъ камней соорудила пирамиду (*)....»

(*) Her. CXXIV, CXXVI.

Къ этому надо прибавить, что механическія пособія не были извѣстны во время фараоновъ, сколько не толкуютъ о египетской мудрости; изображенія на стѣнахъ древнихъ храмовъ сохранили намъ вточности тогдашній способъ перевозки камней: тысяча человѣкъ, запряженныхъ веревками въ полозья, перевозятъ на себѣ колонну или камень.

Признаюсь, я смотрѣлъ не съ восторгомъ, къ которому былъ подготовленъ всѣми описаніями путешествій по Египту, но съ невольнымъ ужасомъ на эту громаду, свидѣтельствующую втеченіи пяти тысячъ лѣтъ о тиранствѣ фараоновъ. Пускай бы изящныя формы, искусство увлекли васъ, заставили умолкнуть воспоминаніе, это другое дѣло: можетъ быть я бы и опомнился, впослѣдствіи, отъ удивленія, но уже высказавшись; или я уже такъ устарѣлъ, что не могу восхищаться красотою пирамидъ! Однако же я засматриваюсь на обломокъ греческой статуи, на отторгнутую руку или ногу и создаю по ней въ своемъ воображеніи цѣлое съ любовью, какъ зоологъ по одной кости создаетъ давно погибшее съ лица земли животное.

Я всходилъ на самый верхъ пирамиды, нисходилъ въ глубину ея тайниковъ, вездѣ отыскивалъ чуда, которымъ восхищаются путешественники и не найдя его, усталый, воротился домой. Не описываю здѣсь всѣхъ измѣреній камней, число ступеней, различныхъ входовъ и выходовъ въ пирамидахъ, все это, если занимаетъ васъ, вы найдете

въ любомъ описаніи *путешествія по Египту*. Не стану также на этотъ разъ описывать другихъ памятниковъ Каира, оставляю ихъ до своего возвращенія, а теперь займусь настоящимъ.

Вице-королю сдѣлалось нѣсколько лучше и я отправился проститься съ нимъ. Доступъ къ нему свободенъ каждому, кто былъ уже представленъ: таковъ древній обычай востока. Мегеметъ-Али былъ все еще слабъ, однако видимо въ хорошемъ расположеніи духа, какъ человѣкъ выздоравливающій: ему позволили выйти въ пріемную комнату и онъ былъ окруженъ посѣтителями. Усадивши меня возлѣ себя, онъ распрашивалъ о Россіи, о Сибири, шутилъ, стараясь представить мнѣ настоящее путешествіе въ пріятномъ видѣ.

Здѣсь, говорилъ онъ между прочимъ, я долженъ безпрестанно перемѣнять бѣлье отъ поту, а въ Суданѣ едва намокнетъ оно, какъ уже и высохло и шелеститъ будто бумага—кракъ, кракъ!

Я ему отвѣчалъ, что у насъ случается тоже въ Сибири: едва намокнетъ бѣлье и замерзнетъ, и потомъ тоже шелеститъ какъ бумага—кракъ, кракъ! Это замѣчаніе долго его тѣшило:

Тутъ я увидѣлъ, какъ каждый, въ свою очередь, хотѣлъ развеселить стараго пашу, точно балованное дитя: надо однако сказать, что Мегеметъ-Али не употреблялъ во зло этой всеготовности принести себя на жертву насмѣшки; онъ трунилъ очень

кротко, только глаза лукаво мелькали по сторонамъ, какъ бы слѣдя за впечатлѣніемъ другихъ.

Я пробылъ у него около двухъ часовъ: эта простота обращенія, эта заботливость о моемъ путешествіи, обнимавшая самыя мелочи, которыя даже я забывалъ, наконецъ его замѣчанія, то дѣтски наивныя, то исполненныя глубокой мысли, самая наружность, изнеможенная, кроткая, внушающая любовь и состраданіе, все это, особенно если представляется въ яркомъ свѣтѣ его протекшей жизни производитъ глубокое впечатлѣніе....

То что я написалъ отзывается похвалой, но если и похвала, то оставайся она: Мегеметъ-Али, любопытный ко всему что пишутъ объ немъ, не узнаетъ этого: увы, для него сокрытъ свѣтъ поэзіи!... При томъ же, я пишу, что чувствую, и съ такимъ же безпристрастіемъ буду описывать дурное, котораго конечно довольно увижу на пути своемъ.

Какъ ни пріятно было въ Каирѣ, но экспедиція горою лежала у меня на плечахъ: надо было торопиться; почтенный Клотъ-бей, Хозревъ-бей и нѣкоторые другіе помогали мнѣ дѣятельно въ сборахъ и черезъ десять дней все было готово.

«Non ut,... claram delatus in urbem
«Delicias videam, Nile jocose tuus.

«Не за тѣмъ пріѣхалъ я, чтобы принять участіе въ наслажденіяхъ твоихъ, о Нилъ роскошный.»

Овидій.

Надобно однако замѣтить, что со временъ Овидія, *Нилъ роскошный* очень измѣнился и при обыкновенномъ порядкѣ вещей, путешественникъ рискуетъ умереть отъ скуки на берегахъ его. Я жалѣлъ только, что не могу присутствовать на празднествахъ, которыя должны были начаться черезъ нѣсколько дней, когда караваны съ магометанскими поклонниками возвращаются изъ Мекки. Празднества эти заключаются чрезвычайнымъ торжествомъ, которое можно видѣть только въ Каирѣ: я говорю о «досе!»

Съ ранняго утра толпа дервишей, со знаменами, стекаются на Эзбекіе. Появляется и старый шейхъ, глава ордена Саадіе, сильнаго и важнаго въ мусульманскомъ мірѣ; тогда человѣкъ сто этого ордена кидаются ницъ; дервиши другихъ конгрегацій укладываютъ ихъ плотно одинъ подлѣ другаго, составляя такимъ образомъ изъ человѣческихъ тѣлъ живой мостъ. Нѣсколько человѣкъ, какъ бы для пробы, пробѣгаютъ по нимъ, съ крикомъ ударяя въ бубенъ; толпа въ благоговѣніи смотритъ на чудо. Наконецъ шейхъ, на сѣрой лошади, которую давно уже видятъ при этихъ церемоніяхъ, въ свѣтло-голубой шубѣ, въ темно-зеленой чалмѣ,—принадлежность его высокаго происхожденія, пускается по тѣламъ лежащихъ; два человѣка ведутъ лошадь, которая, замѣтьте, подкована; одинъ идетъ по головамъ, другой по ногамъ дервишей; всякій, черезъ кого уже прошла лошадь, вскакиваетъ и съ крикомъ Алла! Алла! слѣ-

дуетъ за шейхомъ. Такимъ образомъ онъ совершаетъ шествіе до своего дома. Говорятъ, никогда не случается при этомъ большихъ бѣдъ. Разъ, однако, замѣчаетъ Lane (*), лошадь заартачилась на этомъ живомъ пути и чуть не пошла вскачь по головамъ лежащихъ; но и тутъ онъ видѣлъ только одного дервиша, который, поднявшись, сильно жался и морщился.

(*) An accont of the monnors and customs of the modern Egyptians. By Edward Williams Lane. London. 1846.

ГЛАВА IV.

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ КАИРА И ПЛАВАНІЕ ПО НИЛУ ДО МИНІЕ.

$\frac{8}{20}$ января, 1848 года, собралось у меня нѣсколько человѣкъ, большею частію русскихъ, близкихъ мнѣ по многимъ отношеніямъ, присѣли, затихли, перекрестились.... и простились! Но мы еще не разстались; меня проводили до парохода. Двое русскихъ и одинъ французъ ѣхали съ нами до Ассуана, перваго катаракта, черезъ который не смѣютъ пускаться пароходы: это будетъ верстъ 1,000 отъ Каира.

Пароходъ дымился; народъ шумѣлъ и хлопоталъ на пароходѣ; при всякомъ, сколько нибудь необыкновенномъ случаѣ суетятся арабы, а тутъ и подавно: надо было взять съ собою все нужное для жизни на долгое долгое время: на пути ничего не найдешь. Не безъ грусти глядѣли на эти приготовленія многіе, не безъ удивленія европейцы. Мегеметъ-Али, прощаясь со мною, отечески подалъ нѣкоторые совѣты, какъ беречь здоровье при такомъ быстромъ переходѣ изъ Сибири къ 8° широты.

Раздался звонокъ, сопровождаемый пронзительнымъ визгомъ выпускаемаго пара.—Прощайте, прощайте! Когда-то увидимся опять и гдѣ? Прощай, Каиръ! кто-то воротится изъ насъ!... И пароходъ, по обычаю египетскому, понесся что́ было силы у машины, мало обращая вниманія на мѣли Нила и на плывущія встрѣчу и въ перерѣзъ барки, съ которыхъ слышался крикъ испуга и тщетныя просьбы. Къ счастію, пароходъ сидѣлъ очень мало въ водѣ и былъ славный ходокъ, какъ большая часть пароходовъ египетскихъ; онъ былъ сдѣланъ въ Англіи и только что прибылъ въ Каиръ: мы обновляли его.

Матеріалы и люди, нужные для экспедиціи, были прежде отправлены въ Фазоглу; со мною ѣхали: русской молодой натуралистъ Ц., докторъ, родомъ славянинъ, котораго придалъ мнѣ паша, драгоманъ-арабъ, воспитывавшійся во Франціи, французъ — въ качествѣ живописца и архитектора, а вмѣсто фирмана, и гораздо сильнѣе всякаго фирмана, подполковникъ Юсуфъ-эфенди, родомъ черкесъ; извѣстно какъ сильно такое олицетворенное повелѣніе для властей египетскихъ; одинъ турокъ способенъ разогнать цѣлую деревню арабовъ. Кромѣ этихъ лицъ, со мною были русскіе штейгера, слуги всѣхъ возможныхъ націй и цвѣтовъ, бѣлые, черные, желтые, коричневые и наконецъ метръ-д'отель паши. Таково было наше не большое, но пестрое общество, которое втеченіи многихъ мѣсяцевъ должно было раздѣлять труды путешествія водою, — на

пароходѣ и баркѣ, черезъ пустыни Нубіи — верхомъ на верблюдѣ, на лошади, на ослѣ, наконецъ въ Суданѣ — пѣшкомъ и терпѣть всѣ превратности экспедиціи.

Я уже замѣтилъ, что дней на пять общество наше увеличивалось очень пріятнымъ для насъ образомъ.

Съ одной стороны мелькали сады Булака, Роды, одного изъ лучшихъ садовъ въ свѣтѣ, городъ, подымающійся неровною, сѣрою массой и высылающій къ небу свои минареты, эти вѣстники молитвы и раскаянія, цитадель, наконецъ горы Макатама — и все это слилось очень скоро въ пустыню, почти безжизненную. Съ другой — пустыня начинается противъ самаго Каира, даже гораздо ранѣе и ливійскіе пески обозначаются ярко; эта пустыня провожаетъ васъ далеко, и среди нея, слѣдуя по Нилу, возвышаются тѣмъ громаднѣй, тѣмъ безжизненнѣй вѣковыя могилы — пирамиды, сначала Гизе, потомъ Саккара!... Кой-гдѣ мелькнетъ купа пальмъ: тамъ значитъ есть деревенька, но вы ее не видите изъ за-низменныхъ береговъ, или видите какія-то кучки, болѣе похожія на норы сурковъ, на убѣжища животныхъ, чѣмъ на жилища людей.

Вотъ наконецъ и бендеръ, городъ, говоритъ съ гордостію драгоманъ, указывая на какія-то развалины; хорошъ городъ, нечего сказать! Вотъ другой, третій, — мимо ихъ. Но вотъ наконецъ Бени-суэфъ, одинъ изъ самыхъ торговыхъ и фабричныхъ городовъ Египта; онъ стоитъ близъ канала Бахръ-

эль-Юсуфъ, который несетъ воды Нила, его плодородіе и торговлю въ оазисъ Фаюма.

Бахръ-эль-Юсуфъ, или, какъ обыкновенно его называютъ всѣ и самъ умный Клотъ-бей (*), каналъ Іосифа, начинается противъ монастыря св. Антонія. Почему называютъ его каналомъ? — не спрашивайте; это одна изъ тѣхъ, освященныхъ давностію истинъ, въ которыхъ никто и сомнѣваться не долженъ.

Можетъ быть я смотрю на памятники древняго Египта съ другой точки, но я не навязываю никому своего обзора воззрѣнія, даже всячески избѣгаю ученыхъ столкновеній съ другими, зная по опыту, что споры почти никогда ничего не доказываютъ, и, помилуй Богъ, какъ наскучаютъ читателямъ, которымъ насильно тычутъ всякую египетскую, греческую и латинскую мудрость, не для того чтобы научить ихъ, нѣтъ, чтобы показать свою собственную ученость; а самый предметъ споровъ остается по прежнему въ неопредѣленномъ туманѣ.

Если бы рѣчь шла только о каналѣ Іосифа, я бы прошелъ его молчаніемъ, но съ нимъ связанъ другой вопросъ великой важности для древняго Египта, вопросъ о Меридовомъ озерѣ.

Обратимся сначала къ каналу Іосифа. Не углубляясь ни въ какія историческія изысканія, я укажу вамъ только на естественную сторону предмета, на

(*) Стр. 360-я 2-го тома, изд. 1840. Aperçu général sur l'Egypte.

тысячи извилинъ, которыми прокладываетъ себѣ путь Бахръ-эль-Юсуфъ, какъ бы сообразуясь въ этомъ съ своеволіемъ Нила, въ паралель котораго онъ течетъ, извилинъ, которые дадутъ двойное протяженіе канала, противъ того, если бы онъ былъ проведенъ по прямой, и, замѣтимъ, болѣе удобной линіи, и спрашиваю васъ, какой народъ, даже въ самомъ дѣтствѣ своемъ (а вамъ извѣстно сколько мудрости приписываютъ египтянамъ) не пойметъ этого и станетъ рыть каналъ такимъ образомъ. Теперь обратимъ вниманіе на дно его: вездѣ вы увидите обнаженія кварцоватаго извѣстняка, составляющаго окрестную формацію, которая, какъ бы сообразуясь съ капризнымъ теченіемъ потока, то подымается, то опускается, представляя всѣ признаки натуральнаго ложа рѣки; неговорю уже о несоразмѣрной и разнообразной широтѣ Бахръ-эль-Юсуфа, не свойственной каналу; это еще можно кое-какъ пояснить обвалами береговъ и наносами ила.

Кажется этого достаточно для убѣжденія въ томъ мнѣніи, что каналъ Іосифа есть просто рукавъ Нила: такихъ рукавовъ множество; рѣка, стѣсненная естественными преградами, отдѣляетъ отъ себя излишекъ водъ, который прокладываетъ самъ себѣ путь, пока не представится удобнаго склона, чтобы вновь войти въ лоно матери рѣки.

Отчего же, спросятъ, называется этотъ рукавъ по имени Іосифа? Развѣ мы не видимъ и теперь, что воздвигаемые города, открываемыя земли но-

сятъ названія людей, которыя нисколько не причастны ни къ построенію первыхъ, ни къ открытію послѣднихъ. При томъ же, тутъ есть дѣйствительно не большой каналъ, проведенный отъ этого рукава въ Фаюмъ; если этотъ каналъ, древность котораго несомнѣнна, вырытъ по приказанію Іосифа, то этого довольно, чтобы и весь рукавъ носилъ его имя.

Разсмотримъ теперь вопросъ о мѣстонахожденіи Меридова озера, въ которое, будто бы, каналъ Іосифа велъ воды Нила.

До сихъ поръ за Меридово озеро принимали находящееся въ Фаюмѣ, древнемъ Арсаноитѣ, озеро Биркетъ-эль-Керунъ. Самое геологическое строеніе береговъ озера убѣждаетъ во томъ, что оно обязано существованіемъ своимъ естественнымъ причинамъ, а не рукамъ человѣческимъ; но это было бы слишкомъ простое, хотя и ясное опроверженіе укоренившагося мнѣнія; нужны изысканія историческія, чтобы опровергнуть убѣжденія, основанныя на показаніяхъ древнихъ и умный Линанъ-де-Бельфонъ хорошо понялъ это; онъ посвятилъ большую часть своей брошюры (*) для опроверженія гипотезы, и доказалъ древними же писателями всю несообразность ея, поколебалъ на всѣхъ пунктахъ, разрушилъ въ основаніи и потомъ разсыпалъ самый прахъ: теперь ей никто болѣе не вѣритъ. Я отсылаю любопытныхъ къ умной брошюрѣ. Они

(*) Mémoire sur le lac Moeris, etc. Alexandrie. 1843.

прочтутъ ее еще съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ ученыя изысканія извѣстнаго Жомара, напечатанныя въ огромномъ изданіи объ изслѣдованіяхъ Наполеоновской французской экспедиціи въ Египтѣ.

Казалось, почтенный Линанъ-бей на этомъ могъ бы и остановиться,—нѣтъ! Увлекшись изысканіями древнихъ, ступивши на соблазнительную и скользкую для многихъ ученыхъ почву, онъ уже не могъ устоять и понесся по ней безъ оглядки. Ему нужно было непремѣнно найдти Меридово озеро, его робкому воображенію казалось страшнымъ остаться безъ этого памятника египетской мудрости, странно оставить свѣтъ безъ этого чуда-свѣта, къ которому изъ-дѣтства вы привыкли, какъ къ какому-нибудь колоссу Родосскому, къ баснословнымъ садамъ Семирамиды или Вавилонскому столпотворенію. И вотъ Линанъ сталъ искать вездѣ суррогатъ Меридова озера. Разумѣется, первою заботою было пригнать его къ такому именно мѣсту, чтобы къ нему приходились и лабиринтъ, и пирамиды, и дорога изъ Мемфиса, и Крокодилополисъ, словомъ, сколько возможно, всѣ разнородныя показанія древнихъ писателей; онъ долго искалъ такого пункта и, вообразите его радость,—отыскалъ!... Чего, подумаешь, не сдѣлаетъ умный человѣкъ съ доброю волею! Когда я говорю, что онъ отыскалъ Меридово озеро, то не думайте, чтобы это было *озеро*, сообразно съ вашими старыми понятіями объ озерахъ: нисколько! во первыхъ, въ немъ нѣтъ и капли воды, во вторыхъ, оно образуетъ равнину; но, на-

дѣюсь, что для такого важнаго открытія, вы можете сдѣлать маленькія уступки. Что же служитъ естественными указаніями озера?

Г. Линанъ отыскалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ груды камня и кирпича, приписываемыя имъ древнимъ работамъ, которыя, по его мнѣнію, должны были составлять крѣпи озера. Хотя весь Египетъ состоитъ скорѣе изъ развалинъ, чѣмъ изъ жилыхъ мѣстъ, однако авторъ, открывъ желанныя указанія, проводитъ по нимъ черту, дополняя воображеніемъ тѣ мѣста (*), гдѣ линія должна оборваться за неимѣніемъ данныхъ, и такимъ образомъ обрисовываетъ площадь, къ которой какъ нельзя лучше приходятся обозначенные древними пункты. Я съ намѣреніемъ указалъ на страницу брошюры, чтобы могли повѣрить меня, не выставляю же здѣсь имянъ деревень и урочищъ, черезъ которыя проводитъ свою линію Линанъ, потому что никто не обязанъ знать географію Фаюма во всѣхъ его подробностяхъ.

Слѣдуя тактикѣ Линана, мы, въ подтвержденіе своего мнѣнія, сошлемся на тѣхъ же древнихъ писателей, которыхъ онъ приводитъ въ свое оправданіе. Геродотъ полагаетъ окружность озера въ 3,600 стадій (**).

Такъ какъ это пространство дѣйствительно огромное, то мы охотно готовы согласиться съ другими, что здѣсь рѣчь идетъ о малыхъ стадіяхъ, ко-

(*) Стр. 19 брошюры

(**) Herod. lib 11. cap. 149.

торыя равняются 99,75 метрамъ, что все таки составитъ площадь въ 359,100 метровъ.

Въ переводахъ древнихъ измѣреній на новѣйшія, мы вездѣ будемъ слѣдовать Жомару, какъ самому добросовѣстному изслѣдователю, и потому удерживаемъ французскую мѣру, чтобы каждый могъ повѣрить насъ.

Діодоръ повторяетъ то, что сказалъ Геродотъ (*); показаніе Плинія (**), съ небольшими натяжками можно подвести подъ тотъ же уровень. За то Помпоній-Мела (***) даетъ совсѣмъ другую мѣру озеру.

Мы основываемся конечно на указаніи Геродота, признанномъ за достовѣрнѣйшее.

И такъ мы сказали, что площадь Меридова озера по Геродоту занимаетъ 359,100 метровъ. Глубина его 50 оргій (****), что составляетъ почти 92 метра.

Послѣ этого уже вамъ не трудно будетъ самимъ вычислить, сколько нужно вынуть земли, чтобы получить бассейнъ указанныхъ размѣровъ, и вы увидите ужасающую цифру въ тысячу милліардовъ кубическихъ метровъ.

Не говорю уже о томъ, что подобный трудъ почти внѣ человѣческихъ силъ, особенно для одного царствованія, спрашиваю только, гдѣ дѣвалась

(*) Diod. lib. 1.

(**) Plin. lib. V. cap. 9.

(***) Pomponius Mella, de situ Orbis, lib. 1. cap. 9.

(****) Her. lib. 11, cap. 149.

огромная масса вынутой земли, которую не только 40 вѣковъ, 400 не въ силахъ изгладить въ странѣ, гдѣ почти не бываетъ дождей?.. Нѣтъ даже слѣдовъ ея, между тѣмъ, какъ замѣтны еще бугры по берегамъ небольшихъ каналовъ фараонова времени.

Этого еще мало: Меридово озеро существовало для отвода излишка воды во время прибыли Нила и для снабженія его водою во время значительной убыли. Геродотъ говоритъ: шесть мѣсяцевъ воды Нила текли въ озеро, шесть мѣсяцевъ воды озера текли въ Нилъ и, замѣтьте, однимъ и тѣмъ же каналомъ. И послѣ этой басни, показаніе его разбираютъ серьезно. Первый взглядъ на страну убѣдитъ васъ въ невозможности выполненія подобнаго условія. Но это еще не все. Вычисливъ количество воды, протекаемой въ минуту во время наибольшей прибыли въ Нилѣ и принявъ въ соображеніе пространство и глубину озера, вы увидите, что весь Нилъ на нѣкоторое время нырнетъ въ него и нижній Египетъ останется безъ воды. Линанъ-бей слишкомъ свѣдущій инженеръ и легко сдѣлаетъ повѣрку моихъ словъ. Но ученый авторъ брошюры скажетъ, и даже говоритъ, что Геродотъ ошибался въ изчисленіи окружности, что онъ еще больше, еще грубѣе ошибался въ показаніи глубины. А! здѣсь такъ онъ ошибался, когда вамъ это нужно; почему же не ошибаетесь вы, или почему уже за одно не сказать, что отецъ исторіи ошибался въ предположеніи искусственнаго Меридова озера, что это басня, которую сказали ему жрецы, тѣмъ болѣе,

что, какъ очень справедливо замѣтилъ г. Линанъ, древніе египтяне были также хвастливы, какъ и нынѣшніе. Они ввели Геродота не въ одну ошибку, Геродота, котораго нѣкоторыя географическія указанія и теперь поражаютъ своею точностію и вѣрностію. Очень вѣроятно, что Меридъ вырылъ каналъ, который черезъ посредство Бахръ-эль-Юсуфа отводилъ излишнія воды Нила въ озеро Кейрунъ. Благодѣтельное вліяніе этой мѣры для жителей провинцій, выше лежащихъ, исполнило удивленія, благоговѣнія къ фараону, не вѣрили, чтобы одинъ каналъ могъ принести такую пользу, считали, что онъ сотворилъ чудо; слухъ о немъ мало по малу превращался въ басню, которой способствовали жрецы и наконецъ эта басня разсказана была за дѣйствительность Геродоту, а тотъ сообщилъ ее на удивленіе свѣту. За Геродотомъ повторяли другіе историки, которые, не находя въ Фаюмѣ другаго озера, кромѣ Кейрунъ, приняли его за искусственное, какъ вѣроятно принялъ и самъ Геродотъ.

Да какъ же быть, спросите вы, неужели и остаться совсѣмъ безъ Меридова озера?

Не знаю, какъ вы, а я рѣшительно не вѣрю въ него! Да и откуда возьмется у египтянъ, — не въ обиду будь сказано ихъ мудрости, — знаніе гидравлическихъ работъ въ такой высокой степени, чтобы они могли устроить шлюзы и вообще выполнить эту гигантскую работу, когда цѣлыя пустыни, находившіяся такъ сказать въ центрѣ Египта,

оставались безъ воздѣлыванія, потому только, что требовали нѣсколько сложной системы канализаціи.

Возвратимся въ Бенисуэфъ.

По части фабрикъ Бенисуэфъ славится коврами, бумажными тканями, разумѣется самыми простыми, милаями,—полосатыми бумажными матеріями, употребляемыми особенно женщинами для верхней одежды. Онъ еще знаменитъ своимъ именемъ, потому что Бенисуэфъ значитъ сыны сабель; этимъ онъ обязанъ со всѣмъ не храбрости своихъ сыновъ, какъ бы можно заключить изъ названія: здѣсь нѣкогда дрались другіе и поверили дѣло на саблях. Наконецъ Бенисуэфъ стоитъ на мѣстѣ древняго Птоломейдона. Къ такой важности присоединяется еще то, что въ городѣ очень дешевы бараны, и эта послѣдняя примѣчательность болѣе другихъ заставила нашего начальника квартиры просить позволенія остановиться на часъ времени. Нельзя было не согласиться ради столькихъ причинъ. Юсуфъ-эфенди немедленно отправился за провизіей къ мѣстному начальнику, а мы пошли въ городъ.

Было около 11 часовъ. Полная луна и толпы звѣздъ свѣтили изъ всѣхъ силъ, не знаю только для кого, потому что въ улицахъ не было ни духа: словно вымершій городъ, а въ немъ было до 8,000 жителей; это было подобіе Помпеи, какова она теперь. Странно было видѣть безъ привычки домы безъ крышъ, часто до половины разрушенные,

безъ оконъ, домы, въ которыхъ съ трудомъ отыщешь какую нибудь лазейку, служащую дверью, а иногда и вовсе не отыщешь ее, эту путаницу лавокъ, жилищъ и мечетей, составляющихъ какъ бы что-то общее, безъ раздѣла, безъ затворовъ, а между прочимъ ничего въ нихъ не видишь, ничего не слышишь. Наконецъ присутствіе людей на улицахъ въ такую необыкновенную пору, и главное, людей европейскихъ, которыхъ собаки чуютъ изъ-далека, пробудили и возмутили болѣе безпокойную изъ нихъ: она подняла лай, ея примѣру послѣдовали другія и скоро сверху, снизу, изъ подъ ногъ сыпались и выходили собаки, которыя гнались за нами до парохода. Людей все таки мы не видали. Домовъ, въ полномъ значеніи этого слова, и даже хорошихъ домовъ видѣли нѣсколько; всѣ они принадлежатъ или туркамъ, или торговцамъ, повѣреннымъ Мегеметъ-Али и Ибрагимъ-паши.

Еще до Бенисуэфа природа нѣсколько оживляется. Деревни видны чаще, по берегамъ мелькаютъ, гдѣ верблюды, гдѣ буйволы, или бараны. Сакіи повсемѣстны и всегда въ работѣ; посѣвы сахарнаго тростника желтѣютъ полусозрѣвшіе: значитъ мы не вдалекѣ отъ огромной сахарной фабрики компаніи Ибрагима, Камиль-паши и людей близкихъ Мегеметъ-Али, съ которыми ему не стыдно быть заодно по торговымъ дѣламъ. Тутъ уже не рощи, а цѣлые лѣса пальмъ. Пальма красива одна, отдѣльно стоящая среди здѣшнихъ безжизненныхъ пу-

стынь или въ купѣ трехъ, четырехъ; но цѣлый лѣсъ единообразенъ, почти безъ тѣни, безъ яркой зелени, безъ примѣси другихъ деревьевъ. Сикоморъ попадается рѣдко, всегда одиноко, у сакіи, чаще у могилы святаго. Эти могилы благодѣтельны для правовѣрныхъ, равно какъ и для невѣрныхъ; возлѣ нихъ всегда тѣнь, а иногда даже и вода, поставленная набожнымъ человѣкомъ. Не трудно быть признаннымъ за святаго у магомметанъ; мы встрѣчали разнаго рода ихъ: тотъ ни разу не осквернилъ водъ Нила, не плюнулъ въ нихъ, не выбросилъ никакого сора, даже кажется не дѣлалъ своихъ умовеній нильской водой, — и вотъ, многоуважаемая его могила возвышается въ Миніе; другой не пролилъ крови, даже курицы, не убилъ мухи, — и онъ святой. Въ Миніе есть еще могила святаго, который удерживаетъ крокодиловъ по Нилу: далѣе его могилы, не переступалъ ни одинъ крокодилъ; только до Жирже показывается это чудовище во всеувидѣніе, и чѣмъ выше, тѣмъ чаще; я еще не видалъ крокодила, хотя мы уже давно оставили Минію.

Гряда не высокихъ горъ подходитъ къ правому берегу Нила въ Атфе и уже не оставляетъ его, служа гранью разлива и оплотомъ плодородной полосѣ противъ песковъ: она извѣстна подъ именемъ аравійской цѣпи; другая гряда, ливійская, идетъ съ лѣвой стороны по теченію Нила, за Юсуфовымъ каналомъ и потому почти не видна.

Мы забыли указать монастырь св. Антонія, по ниже немного Бенисуэфа, на противоположной его сторонѣ; это монастырь коптовъ греческаго исповѣданія, но если васъ не предварятъ объ этомъ, то не скоро догадаетесь. Только крестъ, этотъ символъ спасенія, который во время службы безпрестанно выносятъ изъ алтаря, указываетъ значеніе мѣста. Одежда, смѣсь языка арабскаго и коптскаго, самая церковь, поражаетъ васъ страннымъ образомъ: это не нищета, а запустѣніе! Монастырь св. Антонія стоитъ въ живописномъ положеніи, на крутомъ, обрывистомъ берегу.

Объ Миніе можно сказать то, что и объ каждомъ египетскомъ городѣ, исключая Александріи и Каира, то есть, что онъ хуже предшествовавшаго. Во время путешествія вверхъ по Нилу это становится болѣе и болѣе замѣтнымъ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ вы достигнете Судана, гдѣ люди и звѣри живутъ и промышляютъ за-одно, какъ мать природа ихъ научила.

ГЛАВА V.

ОТЪ МИНІЕ ДО ЭСНЕ.

Какъ хороши ночи, какъ теплы, звѣздометны! являются новыя звѣзды, а наши сѣверныя горятъ иначе; днемъ жарко: 20° въ полдень — очень обыкновенно. На небѣ порою расхаживаютъ тучи: не надо забывать, что это зима, что генварь мѣсяцъ только въ половинѣ. Нашъ пароходъ несется быстро, спотыкаясь объ мели; того и смотри, что втиснится носомъ въ илистый берегъ Нила, изъ котораго его не скоро вытанцинь. Капитанъ парохода — арабъ; знанія его ограничены; къ этому присоединяется безпечность араба, который, какъ угорѣлый, равнодушно смотритъ на все совершающееся передъ нимъ, повторяя: «Аллахъ керимъ! о чемъ же хлопочутъ эти Московы и куда торопятся? вѣдь какъ написано тамъ, свыше, такъ тому и быть. Иншъ-Аллахъ!...» Сколько разъ благодарилъ я мысленно Мегеметъ-Али за то, что онъ далъ мнѣ пароходъ; во первыхъ, мы проѣзжали въ день то, для чего обыкновенно нужно

пять и шесть дней на баркѣ, во вторыхъ, онъ далъ мнѣ возможность увеличить наше общество нѣсколькими русскими еще дней на пять.

Конечно, слышали и прежде берега Нила русскую рѣчь, видѣли русскаго человѣка, хотя изрѣдка, но вѣрно въ первый разъ услышали хоровую русскую пѣснь. — Время шло быстро, незамѣтно. Предметы смѣнялись другими предметами. Деревни, города бѣжали отъ насъ, какъ бы угадывая что мы ѣдемъ съ нарочнымъ приказомъ отъ паши. Хуже всего въ этихъ городахъ и деревняхъ то, что они имѣютъ видъ высушенной грязи, и это по весьма естественной причинѣ: они выстроены изъ грязи, или изъ кирпичей, сдѣланныхъ изъ илу, съ небольшою примѣсью соломы и высушенныхъ на солнцѣ. Одно нѣсколько разнообразитъ ихъ — это голубятни, возвышающіяся въ видѣ перешницъ, выбѣленные и даже выглаженные. Голубятенъ множество повсюду; голубей здѣсь ѣдятъ, ими торгуютъ, между тѣмъ какъ въ Константинополѣ, въ Меккѣ, считается преступленіемъ убить голубя. Есть деревня Бурачь, на лѣвомъ берегу Нила, которую мы недавно проѣхали: въ этой деревнѣ поставлено правиломъ не позволять никому жениться, пока не обзаведется своей голубятней. Вотъ что однажды случилося по этому поводу.

Нѣкто, Мугамметъ-Али или Али-Мугамметъ, (здѣсь Мугамметъ-Али и Али-Мугамметовъ больше, чѣмъ у насъ Иванъ-Ивановичей), захотѣлъ жениться, а голубятни нѣтъ. Вотъ онъ и идетъ сначала къ отцу

невѣсты, а потомъ къ мулѣ. — А гдѣ твоя голубятня? спрашиваетъ послѣдній!...

— Нѣтъ, а скоро будетъ.

— Тогда и женишься.

— Отецъ не станетъ ждать съ дочерью.

— Выберешь другую.

— Никто другой не отдастъ за меня, потому что я бѣденъ.

Мула призадумался, однако отпустилъ его съ отказомъ.

Черезъ нѣсколько времени Али-Мугамметъ приходитъ къ нему опять: тотъ же вопросъ. Молодой человѣкъ отвѣчалъ утвердительно. Мула пошелъ удостовѣриться и увидѣлъ, что жилище жениха превращено въ голубятню.

— А гдѣ ты станешь самъ жить?

— Этого законъ не спрашиваетъ, отвѣчалъ Мугамметъ-Али, и вслѣдъ за тѣмъ женился, устроивъ брачное ложе въ какой-то норѣ, которую наканунѣ вырылъ.

Въ домахъ большей части крестьянъ вы ничего не увидите, развѣ какой горшокъ, да множество дѣтей; обломокъ пальмы служитъ мебелью, а рогожа изъ пальмовыхъ листьевъ — ложемъ; рогожа почти у каждаго есть, болѣе или менѣе тонкая, смотря по богатству хозяина; да и зачѣмъ ему имѣть больше этого?—или турокъ возметъ, или Нилъ унесетъ во время разлива. Впрочемъ, надо правду сказать, что причиною нищеты, не столько налоги, — налоги, какъ увидимъ, не такъ значительны, —

сколько злоупотребленіе властей, а больше безпечность арабовъ.

Насъ очень забавляли безпрестанно-встрѣчавшіеся плоты глиняной посуды, сплавляемые съ верхнихъ частей Нила: это довольно остро придумано. Тысячи горшковъ и кувшиновъ, гули, связанныхъ въ три слоя, нижніе обращенны внизъ горлами, плывутъ-себѣ въ видѣ огромнаго плота, саженей въ 15 длиною и почти такой же ширины; четыре полунагихъ гребца распоряжаются на верху; въ рукахъ у нихъ, вмѣсто веселъ, пальмовыя вѣтки, кое-какъ перепутанныя и связанныя въ концѣ, и такъ проплываютъ внизъ по Нилу какую-нибудь тысячу верстъ. При приближеніи парохода они стараются уйти какъ можно далѣе, въ сторону, потому что волненіемъ плоты коробитъ какъ листья; воображаю, что съ ними дѣлается во время сильнаго вѣтра,—а вѣтры бываютъ довольно сильные на Нилѣ.

Мы останавливались каждый день на нѣсколько часовъ, чтобы запастись каменнымъ углемъ. Это приходилось конечно въ главнѣйшихъ городахъ. Сіутъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ городовъ въ Египтѣ; въ немъ 20,000 жителей. Сюда укрылись нѣкогда возмутившіеся мамелюки и придали ему видъ независимости, какимъ еще не давно отличались его жители; но Мегеметъ-Али умѣлъ подвести ихъ подъ общій уровень: не то чтобы онъ придалъ вліяніе народу, чтобы уравнялъ его въ правахъ съ образовавшеюся здѣсь самовольно своего рода ари-

стократіей, приподнялъ стоявшихъ очень низко на ступеняхъ гражданства, а притиснулъ къ нимъ тѣхъ, которые высовывали изъ-за нихъ высоко свои головы, приведя всѣхъ къ одному общему знаменателю: это своего рода равенство. Разъ спросилъ я греческаго священника, не притѣсняютъ ли его паству магометане?

— Нынче нѣтъ разновѣрцевъ въ Египтѣ, отвѣчалъ онъ, у Мегеметъ-Али всѣ равны.

— И всѣмъ хорошо? — продолжалъ я спрашивать. Осторожный грекъ ничего не отвѣчалъ.

Сіутъ опрятенъ, чистъ. Между домами рѣзко отличается дворецъ, гдѣ жилъ Ибрагимъ-паша, когда былъ правителемъ верхняго Египта. — Нынѣшній городъ стоитъ на мѣстѣ древняго Ликополиса.

Жюрже былъ также довольно значительнымъ городомъ, но Нилъ мало-по-малу срылъ едва ли не третью часть его. Нынѣшній городъ стоитъ не далеко отъ древней Птоломеи и нѣкогда служилъ столицей сеидовъ. Нынче въ немъ едва ли есть 9,000 жителей, считая и принадлежащихъ къ бумажной фабрикѣ Мегеметъ-Али.

Я посѣтилъ эту фабрику и осмотрѣлъ во всей подробности. Въ ней работаютъ до 700 человѣкъ ежедневно; плату они получаютъ задѣльную, съ количества пряжи и со штуки бумажной матеріи, что приходится копѣекъ пятьдесятъ ассигнаціями въ день, — плата значительная по здѣшнему. Помѣщеніе просторное, чистое, люди одѣты опрятно,

имѣютъ веселый, здоровый видъ и работаютъ такъ ловко, какъ бы не ожидалъ отъ арабовъ! Какъ сообразить это съ повсемѣстной нищетой и съ тѣмъ, что вообще слышишь и видишь кругомъ. Такимъ образомъ, описывая только то, что представляется глазамъ, не притягивая своихъ убѣжденій силою къ прежде составленному мнѣнію, невольно будешь иногда себѣ противорѣчить или колебаться въ опредѣленіи вещи, пока наконецъ рядъ долгихъ, къ несчастію слишкомъ долгихъ опытовъ, не позволитъ вывести положительнаго заключенія.

Мы были въ католическомъ монастырѣ. Человѣкъ въ чалмѣ и полутурецкомъ, полуарабскомъ, довольно щегольскомъ нарядѣ встрѣтилъ насъ: — это былъ священнослужитель, монахъ францисканскаго ордена, родомъ изъ Тосканы. Церковь хороша, но богослуженіе слишкомъ искажено: хотя все-таки меньше того, что мы видѣли въ монастырѣ св. Антонія.

Въ отвѣсныхъ скалахъ песчаника, сопровождающихъ теченіе Нила, чернѣются пятна, иногда видны колонны: это древніе некрополисы или пещеры, въ которыхъ нѣкогда скрывались христіане отъ гоненій, и многія, многія изъ этихъ пещеръ ознаменованы мученическою смертію страдальцевъ. Грустно подумать, что въ годину страшныхъ бѣдствій, въ самомъ началѣ своемъ, христіанская церковь распространялась шире и быстрѣе чѣмъ нынче, во время совершенной вѣротерпимости.

Въ Кене есть агентъ нашего генеральнаго кон-

сульства для покровительства русскихъ магометанскихъ хаджи, поклонниковъ, отправляющихся обыкновенно отсюда, черезъ Коссейръ, въ Мекку, этотъ агентъ—коптскій купецъ, агентъ почти всѣхъ державъ. Кене находится за полчаса отъ Нила, на грязномъ каналѣ и не представляетъ ничего хорошаго.

Наконецъ единообразіе рощъ финиковой пальмы, Phœnif dactylifera, оживилось появленіемъ новаго вида пальмы, извѣстнаго здѣсь подъ именемъ ду́ма, Cucifera thebaica. Это единственная вѣтвистая пальма; она довольно тѣниста, съ яркою, желтоватою зеленью; широкіе, остроконечные листья торчатъ пуками вверхъ; плодъ большой, съ ядромъ въ серединѣ, заключающимъ въ себѣ пріятную жидкость: самый плодъ терпкаго вкуса.

Мы посѣтили древніе Ѳивы, посѣтили Луксоръ и Карнакъ, и утомленная душа опять пробудилась.... Я уже не думалъ, чтобы что-нибудь могло поразить меня въ такой степени. Вилькенсонъ почти правъ, говоря что это самыя огромныя и самыя великолѣпныя развалины древнихъ и новыхъ временъ. Шампольіонъ младшій, восхищенный чуднымъ зрѣлищемъ этихъ развалинъ восклицаетъ: «я удержусь описывать здѣсь что-нибудь; мои изображенія или не достигнутъ и тысячной доли того, чѣмъ онѣ должны быть, или наконецъ, если я представлю хотя легкій эскизъ, лишенный красокъ, то прольву энтузіастомъ и можетъ быть даже сумасшедшимъ.»

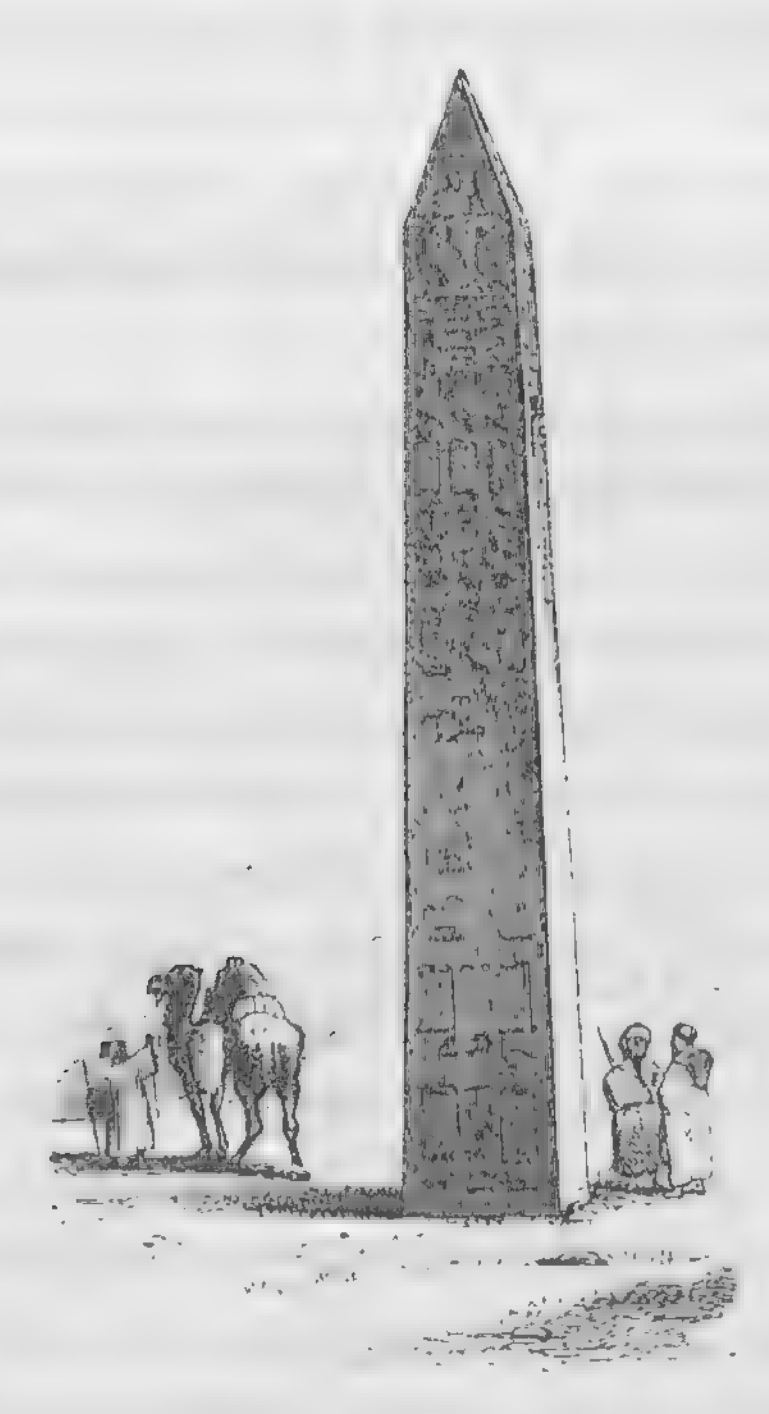
Я не стану здѣсь описывать древнихъ Ѳивъ подробно: они требуютъ глубокаго изученія; на обратномъ пути посвящу нѣсколько дней осмотру ихъ и можетъ быть нѣсколько страницъ описанію. Теперь представлю вамъ одинъ очеркъ престольнаго города фараоновъ.

Изъ Луксора къ развалинамъ храма и дворца Карнака ведетъ рядъ сфинксовъ, цѣлая улица сфинксовъ огромнаго размѣра, передъ которыми два нашихъ были бы карлики; но все это изуродовано, избито, до половины занесено пескомъ. Вы вступаете въ Карнакъ между пилонами, вполнѣ сохранившимися и покрытыми іероглифами снизу до верху. Отсюда открывается на право цѣлый рядъ колонъ, такихъ размѣровъ, до которыхъ нынче и приблизиться не смѣютъ; сквозь нихъ свѣтится яркая полоса Нила, осыпанная лучами заходящаго солнца, а далѣе, за нею, сто-вратыя Ѳивы, которыя разбиты, разметаны до того, что едва видны остатки ихъ. Только такъ называемая статуя Мемнона, да еще другая стоятъ у некрополиса, поля смерти.

И все это подъ чуднымъ, прозрачнымъ небомъ, на горизонтѣ котораго ярко рисуются отдѣльныя купы пальмъ; тутъ именно, у этихъ величавыхъ развалинъ, при этихъ важно задумчивыхъ лицахъ сфинксовъ, подъ вѣяніемъ тайны окружающей васъ отовсюду, именно тутъ у мѣста эти пальмы.

Обратимся къ Карнаку. По уцѣлѣвшимъ во многихъ мѣстахъ стѣнамъ, по сотнѣ колонъ, еще стоя-

щихъ и поддерживающихъ капители чудовищныхъ размѣровъ, по обелискамъ, изъ которыхъ одинъ только стоитъ въ первобытной красѣ своей, — отъ



другихъ остались обломки или цоколи, — по всему этому вы легко представите себѣ цѣлое: одна зала почти равняется размѣрами церкви св. Петра въ Римѣ! а груды наваленныхъ камней, поражающіе своею огромностью, показываютъ ясно чѣмъ она

была обставлена. Тутъ нѣтъ мазанокъ арабовъ, кромѣ прильнувшихъ съ лѣвой стороны, въ видѣ ласточкиныхъ гнѣздъ, и это даетъ возможность обнять все мѣсто развалинъ съ одного раза. Не то въ Луксорѣ. Вы должны отыскивать стѣны храма по всей арабской деревнѣ на которую стаетъ ихъ; тамъ примкнута изба, тамъ высится голубятня; комната древней гробницы служитъ жилищемъ цѣлой семьи; подъ портикомъ помѣщается хлѣбный магазинъ паши.

Въ Луксорѣ поражаетъ васъ обелискъ: это лучшій какой мнѣ случалось видѣть; другой, соотвѣтствующій ему, находится въ Парижѣ; примѣчателенъ также гигантскій сфинксъ. Луксоръ, подобно Карнаку, составляетъ послѣдовательный рядъ памятниковъ, изъ которыхъ древнѣйшіе временъ Аменофиса III, а позднѣйшіе Рамзеса. Еще ряды колоннъ разсѣяны тамъ и сямъ и подавляютъ своею огромною массою бѣдную деревушку, среди которой теперь находятся; многіе до половины занесены пескомъ и соромъ; иные поросли колючимъ кустарникомъ и тощею травой; но не видно и слѣдовъ моста, которымъ бы соединялась эта часть города съ находящеюся по правой сторонѣ и некрополисомъ; если мостъ существовалъ, то, вѣроятно, на понтонахъ, а скорѣе всего черезъ Нилъ переправлялись въ лодкахъ.

ГЛАВА VI.

АЛЬМЕ ВЪ ЭСНЕ И ВООБЩЕ ЖЕНЩИНЫ НА ВОСТОКѢ.

Мы уже кажется имѣли случай замѣтить, что египтяне предназначены Мегеметомъ-Али къ роли очень незначительной въ системѣ общаго управленія Египтомъ; впрочемъ, такова была судьба арабовъ при всѣхъ завоевателяхъ; такъ уже опредѣлено свыше, говорятъ они съ удивительнымъ самоотверженіемъ. Всѣ должности, даже второстепенныя въ рукахъ турокъ, или бывшихъ рабовъ черкесовъ, мамелюковъ, какъ называютъ здѣсь вообще бѣлыхъ рабовъ, наконецъ грековъ и армянъ. Египтяне всѣхъ цвѣтовъ и многоразличныхъ племенъ служатъ въ рядахъ солдатами или въ нижнихъ офицерскихъ чинахъ, въ деревняхъ—это феллахи, бѣдные феллахи... А между тѣмъ многихъ изъ нихъ образуютъ въ школахъ, часто даже за границей, и все-таки не опредѣляютъ ни къ какимъ административнымъ должностямъ! Впрочемъ, едва ли они и способны къ чему другому. Въ египтянинѣ нисколько нѣтъ чувства самоувѣренности, нѣтъ силы

воли, характера, нѣтъ и тѣни личнаго достоинства и уваженія къ себѣ. Не есть ли это послѣдствіе постояннаго уничиженія и рабства, въ которомъ они издавна находятся? По окончаніи курса наукъ, арабы, берберы, копты и другіе туземцы поступаютъ иногда учителями въ школы, чаще служителями къ Мегеметъ-Али и его пашамъ, переводчиками и наконецъ надзирателями на фабрики. Много, много что̀ поручаютъ имъ наконецъ самимъ управленіе фабрикой, пароходомъ или другимъ небольшимъ судномъ.

Если въ такомъ положеніи находится мужская половина египетскаго населенія, то женская, которая на востокѣ вообще, а на магометанскомъ востокѣ и того болѣе считается породою низшаго разряда, которая если не исключается, то избавляется во многихъ случаяхъ даже отъ молитвы и обрядовъ религіи, какъ не достойная ее, какъ такая, на которую Богъ не обращаетъ вниманія, женская половина въ Египтѣ унижена болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Аристократія, т. е. турки берутъ себѣ женъ изъ своего круга, а чаще невольницъ изъ горъ Кавказа, изъ Греціи, или абиссинянокъ. Бѣлизна тѣла — необходимая принадлежность красоты для турка; туземныя женщины безъ исключенія и раздѣленія принадлежатъ къ низшему классу жителей. А между тѣмъ, между ними много хорошенькихъ: онѣ высокаго роста, стройны, хорошо сложены, цвѣту коричневаго, пепельнаго, или смуглыя, смотря потому, какому племени принадлежатъ, съ прекра-

сными бѣлыми зубами, съ чертами лица, не рѣзкими, сглаженными, далеко отличающимися отъ лицъ Нубіи Сенаара, какъ увидимъ ниже. Старѣются скоро: въ 10 лѣтъ часто уже выходятъ замужъ; въ Сенаарѣ — въ 8. Въ городахъ женщины закрываютъ лица; въ деревняхъ рѣдко. Апатія и лѣнь — свойства также общія между ними, какъ и между мужчинами.

Нѣкоторые французскіе писатели распространили мнѣніе, что необразованность, фанатизмъ и нетерпимость на востокѣ зависятъ преимущественно отъ отсутствія изъ общества женщинъ, ихъ заточенія, невольничества. Постараемся доказать неосновательность такого мнѣнія. Во-первыхъ, женщина на востокѣ не невольница: это пора бы узнать по крайней мѣрѣ тѣмъ, кто берется о ней писать, развѣ названію невольницы придадутъ слишкомъ обширное значеніе. Она выходитъ или выѣзжаетъ изъ-дому, смотря по ея состоянію, когда хочетъ, посѣщаетъ бани, базары, дѣлаетъ визиты своимъ пріятельницамъ, неспросясь мужа, и конечно безъ него; потому что выйти въ сопровожденіи мужчины ей также предосудительно, какъ у насъ выйти безъ мужчины, одной: это предубѣжденіе, предразсудокъ, какъ и всякой другой, безъ значенія и послѣдствій. Болѣе, мужъ, увидѣвши у порога комнаты своей жены папуши посѣтительницъ, не посмѣетъ войти въ комнату, ни спроситъ объ имени гостей. Женщина выбираетъ знакомства по сердцу, во все несправляясь *съ интересами* супруга, и ни-

когда, ни одинъ мужъ не рѣшился употребить ее орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей, хотя на востокѣ это было бы одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ, и только сила или слишкомъ хитро веденная интрига могутъ извлечь женщину изъ чужаго гарема. Женщину въ гаремѣ окружаетъ возможное довольство, даже роскошь, если мужъ богатъ. Всегда умѣренный въ желаніяхъ, самъ онъ живетъ въ комнатахъ, гдѣ едва есть бѣдный диванъ, одѣвается просто, не тратитъ денегъ для себя и жертвуетъ всѣмъ для украшенія гарема: это его земный рай, въ которомъ онъ проводитъ большую часть свободныхъ часовъ. Только обьевропеевшіеся турки ищутъ развлеченія въ обществахъ. Придайте этой жизни хотя нѣсколько колорита, энергіи чувствъ, а не одной чувственности, и вы поймете, какого значенія *могла бы быть* домашняя, внутренняя, сосредоточенная около одного предмета жизнь восточной женщины; потому что здѣсь, какъ и у насъ, это не больше какъ условленный раздѣлъ занятій между мужемъ и женой: мужъ несетъ обязанности общественныя, если онъ поставленъ въ уровень съ ними, или хлопочетъ о прокормленіи семьи, если этой работы достаточно, чтобы поглотить его дѣятельность; женѣ отдана лучшая, но и труднѣйшая часть: семья, попеченіе о мужѣ, о томъ, чтобы вознаградить его раемъ домашней жизни за труды, страданія, лишенія всякаго рода, борьбу не скончаемую, которую онъ ведетъ въ этомъ водоворотѣ свѣта, между тѣмъ какъ

Взглянемъ на вопросъ съ другой, болѣе матеріальной точки зрѣнія: участіе женщины въ обществѣ породило въ одной Франціи тысячи преступленій. Въ Турціи въ 1847 году было 20, въ Египтѣ 18 женщинъ сужденныхъ и осужденныхъ. Вѣрьте послѣ этого, что женщины умягчаютъ нравы! всѣ, или почти всѣ, были судимы за гаремныя преступленія, измѣну супружеской вѣрности, за что у насъ и не судятъ, за отравленія, побудительной причиной которыхъ была ревность. Правда, эти гаремныя преступленія бываютъ иногда ужасны, но развѣ исторія съ Лафаржъ и другія подобныя ей совершились не на нашихъ глазахъ.

Повторяю, что я во все не гонитель женщинъ изъ общества, но совершенно убѣжденъ, что не отсутствіе ихъ причиною невѣжества востока;—имѣли же турки и безъ нихъ высокія добродѣтели, ещё и нынѣ имѣютъ нѣкоторыя; убѣжденъ что женщина на востокѣ не невольница, не вѣчная страдалица, она даже часто имѣетъ вліяніе на общественныя дѣла, какъ напримѣръ, теперь, въ Константинополѣ, въ самомъ дворцѣ султана.... Она въ нѣкоторыхъ случаяхъ унижена, особенно если смотрѣть на предметы съ европейской точки зрѣнія, но мысль о ея неприкосновенности, заключается въ самыхъ правахъ мусульманъ: такимъ образомъ, преступникъ, достигшій порога гарема султана, и вообще своего судьи, по закону прощается: онъ подъ покровительствомъ женщины....

Вотъ если намъ будутъ говорить о важности образованія женщинъ на востокѣ, то мы съ этимъ совершенно согласны, во первыхъ, по весьма естественной причинѣ, что образованіе хорошо во всѣхъ народахъ и въ обоихъ полахъ, во вторыхъ, дѣти здѣсь остаются долѣе, чѣмъ у насъ подъ вліяніемъ женщинъ, живя въ гаремѣ. Но, скажутъ, коранъ противится образованію женщины: это одно изъ общихъ мѣстъ, весьма несправедливо усвоенныхъ европейцами. Нѣтъ свода законовъ сговорчивѣй корана; онъ разрѣшаетъ все; стоитъ только порядочно растолковать его. Блестящимъ доказательствомъ можетъ служить нынѣшнее правленіе Мегеметъ-Али: чего не разрѣшилъ коранъ, чего не простилъ ему! Вице-король, какъ бы желая показать торжество свое надъ святою книгой, надъ книгою книгъ, подстрекаемый неутомимымъ Клотъ-беемъ, рѣшился основать училище для образованія повивальныхъ бабокъ, и это теперь одно изъ лучшихъ учебныхъ заведеній; мусульманки учатся медицинѣ и анатоміи, дѣвочки, которыя еще недавно ни за что не рѣшились бы показаться безъ покрывала мужчинѣ, съ открытымъ лицемъ слушаютъ самыя странныя рѣчи франковъ, и — торжество торжествъ, — своими руками разрѣзываютъ трупъ человѣческій; трупъ, — святыня, неприкосновенность, подъ ножемъ мусульманки!... Послѣ этого нельзя не согласиться, что коранъ разрѣшитъ все; надо только умѣть взяться за него, и Мегеметъ-Али мастеръ этого дѣла. Паша умѣлъ убѣдить свое ду-

ховенство, нѣкогда сильное, доставившее ему власть и довѣріе въ народѣ, что онъ гораздо лучше распорядится богатымъ имуществомъ мечетей и отобралъ его себѣ, выдавая мулламъ, что за благоразсудитъ изъ милости, и такимъ образомъ распоряжаясь имъ по произволу; вслѣдствіе чего оставилъ мечети на жертву разрушенія подъ тѣмъ предлогомъ, что грѣхъ прикасаться святынѣ нечистыми руками мастеровыхъ.

Послѣ всего сказаннаго мною, не странно ли встрѣтить въ Египтѣ Альме и Гавазе, что нынче слилось въ одно и то же и нравами и одеждой. Общій уровень, подъ который не подходитъ только паша, въ Египтѣ составляетъ условіе и законъ жизни, едва ли не важнѣйшій самаго корана. Альме и Гавазе платили нѣкогда подать наравнѣ со всѣми женщинами сомнительнаго поведенія: эта отрасль промышленности приносила вице-королю огромныя суммы. Развратъ, особенно въ Каирѣ и Александріи, превосходилъ всякое описаніе. Муллы, люди съ нравственностію не совсѣмъ гибкою и европейскіе консулы, возмущенные зрѣлищемъ соблазна, безпрестанно представлявшагося во всеувидѣніе на площади Эзбекіе, старались убѣдить вице-короля уничтожить этотъ новаго рода откупъ, но тщетно. Наконецъ одинъ дервишъ рѣшился на дѣло смѣлое. Объ руку съ Альме вышелъ онъ на дорогу, по которой долженъ былъ проѣзжать паша; завидя его, дервишъ расположился со своею спутницей въ положеніи самомъ со-

блазнительномъ. Мегеметъ-Али пріостановился; дервишъ продолжалъ свое дѣло, не обращая ни какого вниманія.... наконецъ паша велѣлъ прикрыть обоихъ бурнусомъ и поѣхалъ дальше. Рѣдко увлекаемый первымъ чувствомъ гнѣва и обдумавъ происшествіе, онъ увидѣлъ, что не вправѣ былъ наказать дервиша, потому что самъ поощрялъ развратъ. Какъ бы то ни было, это ли обстоятельство, настоятельное ли требованіе другихъ было причиною, только паша отмѣнилъ подать съ женщинъ и тогда началось на нихъ ужасное гоненіе. Не только торгующія собою, но даже тѣ, которыя были какъ либо причастны къ этой торговлѣ изгонялись изъ Каира; ихъ били, ссылали въ далекія провинціи; Альме и Гавазе, безъ которыхъ прежде не обходился ни одинъ праздникъ правовѣрныхъ, были сосланы въ Эсне. Не знаю, почему именно Эсне избранъ для ихъ мѣстопребыванія, но здѣсь онѣ, направахъ ссыльныхъ, получаютъ солдатскій паекъ и даже отправляютъ прежнее занятіе танцовщицъ, разумѣется только для любознательныхъ путешественниковъ, стремящихся съ такою жадностію поучиться всему въ далекихъ странствованіяхъ своихъ и достигающихъ до Эсне съ единственною цѣлію испытать сильныя ощущенія, доставляемыя этими женщинами. Таково уже кочующее племя путешественниковъ! У вторыхъ пороговъ оно однако изчезаетъ, возвращаясь отсюда домой, гдѣ съ гордостію разсказываетъ, что

оно переступило черезъ тропики, видѣло пирамиды, крокодиловъ, Ѳивы и Альме!...

Почти всѣ Альме и Гавазе собрались въ домъ, гдѣ мы остановились. Тутъ были сиріянки, гречанки, коптки и наконецъ сама Софія.... Софія нѣкогда была любимицей *важнаго лица* и несмотря на открывшуюся измѣну, такъ легко за нее поплатилась. Привели музыку: эта восточная музыка извѣстна: скрыпящая, жужжащая, гремящая; она состоитъ изъ разныхъ барабановъ, чего-то въ родѣ скрипки объ одной струнѣ и дудки и тѣмъ лучше, чѣмъ сильнѣе подираетъ по кожѣ своими звуками. Альме сначала пѣли, потомъ двѣ изъ нихъ вышли впередъ и стали танцовать. Онѣ были въ коротенькихъ, весьма богатыхъ, шитыхъ золотомъ курточкахъ; подъ этими курточками, едва застегнутыми внизу, безъ рукавовъ, виднѣлись кисейныя сквозистыя рубахи; головы украшались ниспадающими въ прядяхъ роскошныхъ черныхъ волосъ золотыми и серебреными монетами и шнурками; на рукахъ были толстыя браслеты; наконецъ широкія шаравары, ниспадавшія въ видѣ юбки, довершали нарядъ. Пляска Альме состояла большею частію въ позѣ, мимикѣ, въ дрожаніи нижней половины тѣла, но эти движенія были такъ сладострастны, такъ гибки, полны нѣги, трепета, волненія, что дѣйствительно нельзя было не удивляться имъ. Пляска цыганокъ жива, сладострастна, но въ ней много дикаго, много оргіи; у Альме больше нѣги, спокойствія. Это климатическое отличіе.

Альме пѣли, пили и курили. Развеселившись, нѣкоторыя изъ нихъ рѣшились танцовать «Осу» нахле. Дѣло состоитъ въ томъ, что танцующая воображаетъ, будто ее укусила оса и ищетъ этой осы въ своемъ платьѣ. Альме вышла на сцену; она долго не рѣшалась танцовать; наконецъ, побуждаемая пѣснями, тѣлодвиженіями, музыкою, гиканьями, которые становились все громче, изступленнѣе, разгорячаемая виномъ, она мало-по-малу воспламенялась и съ припѣвомъ «нахле-эгу! нахле-эгу!» т. е. ой оса, ой оса! Начала искать роковую пчелу, сбрасывая съ себя платье....

И ни однѣ тѣлодвиженія Альме изображаютъ эту негу, эту роскошь тѣла. Лицо полно сладострастія; глаза томны, полуприкрыты рѣсницами, щеки пылаютъ, уста полураскрыты. Она сочувствуетъ вполнѣ своей пляскѣ; она наслаждается ея сладострастіемъ до изступленія.

Эсне примѣчателенъ въ другомъ отношеніи. Въ немъ находится извѣстный храмъ съ изображеніемъ Зодіака.

Храмъ этотъ, еще недавно заваленный до самыхъ капителей, нынче очищенъ. Земля и соръ вынуты, конечно не для того, чтобы представить его во всемъ великолѣпіи глазамъ путешественника, но чтобы употребить землю на выдѣлку селитры. Портикъ храма сохранился прекрасно; двадцать четыре колонны, покрытые гіероглифами, поддерживаютъ его: все это огромныхъ размѣровъ, которые видишь только въ древнихъ зданіяхъ Египта. Ны-

нѣшнее названіе Эсне Шамполіонъ прочелъ въ іероглифахъ. Греки называли его Латополисомъ, будто бы потому, что близь него, въ Нилѣ, находилось много рыбы, называвшейся лато. Копты называютъ его Сна. Не далеко за Эсне едва видны на берегу полуразрушенныя пирамиды Комъ-эль-Ахмаръ.

Часа за два до Ассуана, обрывистые, безжизненные песчаники врѣзываются въ гранитъ, который за Ассуаномъ сжимаетъ Нилъ, вторгается въ его русло и образуетъ первые пороги; отсюда начинается частая съ нимъ борьба, гораздо энергическѣй той, какую до сихъ поръ Нилъ велъ съ песками Ливіи.

Ассуанъ послѣдній городъ собственно Египта; онъ находится подъ 24° 4′ 45″ широты и былъ всегда важенъ для него, какъ пограничный пунктъ съ дикими народами. Римляне имѣли тутъ свой гарнизонъ; христіане — свое епископство въ началѣ распространенія христіанской вѣры; при калифахъ тутъ была знаменитая академія; нынче нѣтъ ничего, кромѣ полуразрушившихся домовъ съ 5,000 жителей. Чего не порѣшили чума и время, то покончили набѣги нубійцевъ. Здѣсь было первоначальное обученіе и сформированіе египетской арміи, подъ начальствомъ Солимана-паши (Сева), который ознаменовалъ себя многими подвигами и отчаянной смѣлостью при этой реформѣ.

Я не безъ намѣренія умалчиваю объ этомъ человѣкѣ, съ которымъ былъ довольно коротко знакомъ. Пускай прилагаемый здѣсь портретъ, очень

похожій, говоритъ за меня: если только наружность есть выраженіе душевныхъ качествъ человѣка.

Здѣсь покинули мы пароходъ, и пока губернаторъ распоряжался перевозкой на верблюдахъ нашихъ вещей, по ту сторону пороговъ и изготовленіемъ барокъ для дальнѣйшаго плаванія, мы осмотрѣли славные въ древности Эльфантину и Филоэ.

Эльфантина вся состоитъ изъ обломковъ памятниковъ египетскихъ, римскихъ и арабскихъ; въ ней нѣтъ ничего, почему бы можно создать воображеніемъ цѣлое, какой-нибудь отдѣльный портикъ или даже колонну: тамъ кусокъ сфинкса, тамъ нога огромнаго размѣра, тамъ барельефъ; и все перемѣшано съ надгробными памятниками новаго кладбища, и можетъ быть рука Мемнона-Ра подпираетъ чалму на могилѣ правовѣрнаго!... Превратности всего свойственнѣй востоку. Окрестная природа соотвѣтствуетъ этимъ развалинамъ. Горы изрыты, разметаны, разрушены, но напрасно думаютъ, что теченіе Нила, прорвавшагося черезъ пороги изуродовало горы; ложе его было приготовлено прежде, другимъ переворотомъ.

Мы вернулись въ Ассуанъ. Ассуанъ прежняя Сіэна, знаменитая своими каменоломнями. Древніе здѣсь полагали тропики; говорили даже, что тутъ находился глубокій колодецъ, на днѣ котораго во время равноденствія отражался солнечный лучь. Но этого колодца нѣтъ и слѣдовъ, и напрасно силятся отыскать его именно здѣсь. Трудно вообразить, чтобы греки и римляне (и даже египтяне) могли такъ ошибаться въ означеніи линіи тропиковъ; скорѣе самый городъ Сіэну должно отнести нѣсколько дальше. Великолѣпныя развалины около деревни Келябши, именно подъ тропиками, оправдываютъ подобное предположеніе, тѣмъ болѣе, что знаменитая сіэнская каменоломня все-таки прійдется недалеко отсюда, только съ другой стороны.

Отъ Ассуана надо объѣзжать пороги сухопутно; разстояніе не велико: около полутора часа пути; развалины, однѣ развалины и тутъ! Барки еще не были готовы и верблюды не пришли. Мы воспользовались временемъ и отправились на островъ Филоэ.

Филоэ очень хорошъ. Это небольшой островокъ, на которомъ прекрасно сохранился древній храмъ, посвященный Изидѣ. Портикъ, еще какъ видно не оконченный и цѣлыя галлереи колоннъ! Мы опишемъ его на возвратномъ пути, когда займемся исключительно описаніемъ древностей. Колонны, храмы, пилястры такъ и сквозили на прозрачномъ небѣ; Нилъ тутъ тише и покойнѣе; природа роскошнѣе, чѣмъ гдѣ-либо до сихъ поръ; на противоположной сторонѣ островокъ Битче; на немъ также развалины. Это мѣсто избрано для дѣйствія въ «Тысячѣ и одной ночи»; дѣйствительно, тутъ есть гдѣ разыграться фантазіи. Мы провели ночь на бивуакахъ, но на другой день, силою угрозъ, подвинули всѣ власти къ дѣятельности необычайной; часамъ къ 8 утра все было готово и при легкомъ попутномъ вѣтрѣ, мы двинулись впередъ.

ГЛАВА VII.

НУБІЯ ВДОЛЬ НИЛА.

Нубія,—страна людей «дикихъ, сильныхъ, вооруженныхъ огромными щитами и мечами,» говорили древніе. Теперь такой Нубіи здѣсь не ищите. Отъ древней ея извѣстности остались только нагота и черный цвѣтъ кожи народа. Нубійцы слабы, немощны и довольно тихи. Правда, они вооружены еще маленькими копьецами, иногда даже напитанными растительнымъ ядомъ; но Мегеметъ-Али очень поусмирилъ ихъ и только весьма не многіе деревни ускользнули отъ общаго налога, скрывшись въ дикихъ и недоступныхъ для солдатъ горахъ.

Горы здѣсь ближе подходятъ къ берегамъ. Двумя узкими лентами тянутся обработанныя полосы земли по обоимъ берегамъ Нила, и недалеко за ассуанскими порогами песчаники опять смѣняютъ граниты.

Вѣтеръ къ вечеру становился тише и тише. Какъ хорошъ вечеръ! Солнце западало за Ливійскія горы, которыя покрылись какимъ-то золотистымъ

паромъ; между тѣмъ, вершины противоположной, аравійской гряды уже темнѣли, хмурились; подошвы были блѣднаго, побѣжалаго цвѣта; на нихъ рисовались яркою, живописной зеленью пальмы и кустарники акаціи, которые при дневномъ свѣтѣ вообще не взрачны. Но вотъ солнце скрылось совсѣмъ, только алая полоса осталась по закатѣ; на ней ливійскія горы очерчивались рѣзкими, ломаными линіями. Небо было чистаго, высокаго цвѣта сафира, ни облачка на немъ; мнѣ даже было досадно, зачѣмъ такъ пусто оно; но вотъ на востокѣ засвѣтилась звѣзда, другая, и вдругъ все небо заискрилось; настала ночь: все это совершилось быстро; тихо скользили наши четыре дагабіи по гладкимъ волнамъ Нила; паруса едва надувались легкимъ сѣвернымъ вѣтромъ. Была тишина окрестъ; арабы сидѣли, поникнувъ головой, какъ будто ночь давила ихъ къ землѣ, наводила тоску больше чѣмъ день: это не то, что кочевыя племена киргизовъ или монголовъ и даже негровъ, которые оцѣнили бы вполнѣ красоты подобной ночи, и несмыкаючи глазъ провели бы ее подъ звѣздометнымъ небомъ. Дѣйствительно, хороша была эта ночь; на землѣ все было таинственно, полу-темно, какъ будто земля говорила: мнѣ такъ лучше, виднѣе небо.

Отъ чего жъ и я, подобно арабу, грустно гляжу на ночь, анатомически изслѣдую ее? Такъ ли я описывалъ подобныя ночи, такъ ли я проводилъ ихъ, такъ ли наслаждался ими? Я сознаю высокую художественность нерукотворнаго эфекта этой но-

чи; но что же молчитъ душа моя! Право не знаю. Вотъ на одной изъ барокъ кто-то замурлыкалъ русскую пѣсню. Грустно! Я думаю здѣсь воздухъ сухъ; нельзя сказать чтобъ было жарко, но легкіе не охотно впиваютъ этотъ воздухъ, даже послѣ душнаго дня, не то что прохладу вечеровъ неаполитанскихъ. Полно такъ ли? Положимъ, что такъ.... Все спитъ. На баркахъ стухли и огни, и мы плывемъ тихо и незримо, какъ духи волшебныхъ сказокъ. Неспится. Право досадно, что не спится. Горькая мысль такъ и тѣснитъ грудь: высказаться хочетъ. На что ее! Давай намъ дѣла, фактовъ, говоритъ читатель, а не мечтаній... Къ дѣлу, къ дѣлу. Терпѣніе, мой добрый читатель. Завтра, завтра! Вотъ и луна взошла; время около полуночи, пора спать. Спите и вы, если можете спать спокойно. Сонъ добрая вещь.

На другой день мы переѣхали линію тропиковъ близъ деревни Келапше подъ 23° 37′ 44″. Бальби справедливо замѣчаетъ, что тропики рака самыя жаркія и трудно-обитаемыя. Направо отъ насъ нѣсколько развалинъ, далѣе, величественный входъ въ пещеры.

Было $\frac{15}{27}$ генваря. Солнце жгло. За тропиками нѣтъ болѣе ночной росы; дождей никогда не бываетъ внѣ линіи періодическихъ дождей, которая около двадцатаго гр. Одинъ Нилъ питаетъ землю, сакіи день и ночь подымаютъ изъ него воду для поливки полей; воздухъ очень сухъ.

Мы всходили на Ливійскія горы, которыя очень

тѣсно сжимаютъ Нилъ. Вершины ихъ представляютъ обширную каменистую равнину; кругомъ ни признаковъ жизни: ни былинки, ни животнаго! Мы спрашивали туземныхъ нубійцевъ, далеко ли идетъ эта каменистая пустыня, достигаетъ ли до пустыни песчаной? — А кто туда ходилъ! отвѣчали они, кто знаетъ!... Между тѣмъ бедуины ливійскихъ оазисовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проходятъ эти горы, ища воды и прохлады у береговъ Нила. Есть даже, какъ я уже выше замѣтилъ, постоянные обитатели горъ, — это негры, бѣжавшіе рабы, которыхъ всякой, кто осилитъ, ловитъ и продаетъ опять въ неволю и нубійцы, укрывающіеся здѣсь на время отъ платежа податей и отъ египетскихъ солдатъ.... а между тѣмъ самые звѣри боятся этихъ горъ!

Съ берегу только и слышенъ пронзительный визгъ сакій и шедуфовъ; шедуфъ — то же что нашъ малороссійскій журавль для подъема воды. Черезъ перекладину проходитъ длинная жердь; на одномъ концѣ ея кожаный мѣшокъ или другой сосудъ; на другомъ — камень, для перевѣса. Воду черпаютъ руками, изъ одного бассейна въ другой, до возвышеннаго берега, гдѣ находятся посѣвы. Механизмъ сакіи похожъ на тотъ, которымъ вычищаютъ каналы. Съ колеса, вертикально установленнаго, опускаются веревки, на которыхъ укрѣплены два ряда горшковъ. Когда опускается одинъ рядъ горшковъ пустыхъ, тогда поднимается другой, наполненный водой и опоражниваетъ ихъ въ особенный бассейнъ. Движеніе непрекращается. Механизмъ очень

простъ, удобенъ; онъ приводится въ движеніе быками или лошадьми. Цѣль его все таже: поднять воду съ Нила на горизонтъ посѣвовъ. Жатва посѣваетъ скоро: для ячменя, напримѣръ, нужно менѣе двухъ мѣсяцевъ отъ посѣва, пока онъ совсѣмъ созрѣетъ. Въ годъ собираютъ двѣ и даже три жатвы, смотря по труду; нужно только безпрестанно поливать поле; солнце работаетъ сильно.

Тамъ, гдѣ прибрежныя горы не высоки или узки, пески пустынь переносятся черезъ нихъ до плодоносныхъ береговъ Нила, мѣстами вытѣсняя всякую растительность, распространяя опустошеніе и смерть. Гдѣ-гдѣ еще устоитъ одинокая пальма или кустъ мимозы; но скоро все поглотится заметами песковъ.

Какъ живообразно выражена древними (*) борьба стихій въ тройственномъ миѳѣ Озириса, Изиды и Тифона. Подъ именемъ Озириса, жрецы египетскіе разумѣли Нилъ, подъ именемъ Изиды — землю. Страшный Тифонъ былъ выраженіемъ пустыни, мечущей громады песку на берега Нила и заносящей его самаго. Отсюда вѣчная борьба этихъ боговъ. Озирисъ, во время владычества своего, былъ умерщвленъ братомъ, чудовищнымъ Тифономъ. Изида, супруга Озириса, отмщаетъ смерть смертью Тифона и царствуетъ сама.

Кирисъ очень веселое мѣстечко, на правомъ берегу Нила. Долина довольно обширна и покрыта ра-

---

(*) Heliodor. Aethiop. l. IX.

стительностью. Домики или мазанки разбросаны пестро. Мы заходили во многіе изъ нихъ,—пусто, какъ и въ Египтѣ. У болѣе богатыхъ есть дворикъ, вымощенный камнемъ; чтобы понять эту роскошь, надобно прибавить, что дворъ-то и составляетъ главное жилище; со двора закоулокъ, такъ что вы упретесь въ заднюю стѣну дома, и только обогнувши его кругомъ, попадете въ дверь; явно намѣреніе хозяина укрыть ее отъ взоровъ любопытныхъ, но все такъ миніатюрно, что дитя не заблудится въ этомъ мнимомъ лабиринтѣ. Въ домикѣ — изъ глины сбитая кровать; въ стѣнѣ углубленіе для голубей, есть еще ножъ, кувшинъ — вотъ и весь домашній скарбъ. Вмѣсто кровли — горсть соломы, сквозь которую проходитъ свѣтъ; впрочемъ, эти клѣтки довольно чисты, не то, что въ Египтѣ. Pariset (*) говоритъ, что семья помѣщается въ нихъ съ буйволами и верблюдами; да если бы верблюдъ сюда голову просунулъ, то опрокинулъ бы весь домъ; къ этой клѣткѣ прислонена другая, для жены и дѣтей. Во дворѣ найдете большой горшокъ съ ячменемъ или дурой: это домашній запасъ для уплаты подати. Самому нубійцу нужно немного, и онъ обыкновенно пользуется пищею прямо съ поля. Тутъ у него всего понемножку и во всякое время что-нибудь поспѣло, или бобы, или ячмень, или горохъ, чечевица, дура; разнообразіе въ хлѣбѣ и овощахъ большое, но всего скудно; не понимаешь, какъ

(*) Mémoire sur les causes de la peste 1847. p. 127.

могутъ существовать эти люди и оплачивать подати. Рѣдко кто имѣетъ пять шесть барановъ и верблюда. Вы спросите, гдѣ же ихъ земледѣльческія орудія, бороны, застунъ, топоръ? Почти ничего этого нѣтъ и въ поминѣ. Есть родъ плуга, но лучше бъ его и не было. Обыкновенно же на нильскомъ илѣ дѣлаютъ руками ямочки и сажаютъ въ нихъ по нѣскольку зеренъ. Солнце и Нилъ, или правильнѣе — сакія, довершаютъ остальное; за то уже послѣдняя работаетъ и день и ночь.

Нубійцы цвѣтомъ кожи темнѣе египтянъ; послѣдніе пользуются названіемъ бѣлыхъ, не совсѣмъ впрочемъ справедливо, первые — названіемъ красныхъ. Тѣ и другіе, — я разумѣю феллаховъ, — ходятъ полунагіе; въ тѣхъ и другихъ мало отличія, кромѣ языка. Нубійцы впрочемъ добрѣе, лучше арабовъ. Барабра, населяющая Донголу, народъ вѣрный, преданный своему господину, и потому предпочтительно предъ другими принимается въ слуги въ Каирѣ и Александріи.

Въ Нубіи христіанство первоначально занесено Св. Евангелистомъ Матѳеемъ и нубійцы оставались христіанами даже до 1500 года. Въ нижнемъ Египтѣ христіанская религія распространена Св. Евангелистомъ Маркомъ, а Абиссинія, которая и нынѣ остается болѣе или менѣе вѣрною нашей церкви, была обращена Св. Фрументіемъ въ IV вѣкѣ.

Какъ пустынепъ Нилъ. Отъ Каира до Ассуана гдѣ—гдѣ мы видѣли дагабію; отъ Ассуана, втеченіи пяти дней, встрѣтили только три большихъ барки съ

невольниками изъ Сенаара; надо, впрочемъ, замѣтить, что воды были низки. Ни лодки рыбачьей! Береговые жители, которымъ часто нечего ѣсть, могли бы имѣть большое подспорье въ рыбѣ; но у нихъ нѣтъ даже удочки, не только сѣти; послѣ разлива Нила собираютъ однако остающуюся вмѣстѣ съ иломъ не большую рыбку, которая едвали и названіе имѣетъ: нѣчто костлявое и не хорошее, въ родѣ нашей плотвы.

Наконецъ мы увидѣли вблизи крокодила. Огромное животное, сажени въ три длиною, нѣжилось на пескѣ. Птица, въ родѣ сѣраго ибиса, не отлучная спутница его на землѣ, стояла возлѣ, на стражѣ. Видно она разбудила его, боясь нашего приближенія; крокодилъ вильнулъ хвостомъ и свалился съ берега въ воду. Эта птица не трохлидосъ древнихъ, потому что та, если вѣрить имъ, состоитъ по особой части при крокодилѣ: она вынимаетъ червей изъ его языка, который, какъ извѣстно, очень глубоко въ горлѣ, и исполняетъ другія подобнаго рода порученія. Этому назначенію вполнѣ соотвѣтствуетъ птичка, съ красивымъ раздвоеннымъ чубомъ на головѣ, съ загнутымъ клювомъ, нѣсколько больше вальдшнепа.

Гумбольдтъ замѣтилъ, что нѣкоторые крокодилы ѣдятъ людей, другіе нѣтъ,—и это справедливо. Туземцы знаютъ, гдѣ обитаютъ крокодилы — людоѣды и остерегаются ихъ; въ другихъ же мѣстахъ безпечность ихъ удивительна, и надо замѣтить, что они не рѣдко платятся за нее. Дѣти и животные

мелкаго разряда, теленки, ослы, всего чаще дѣлаются ихъ жертвами. Нерѣдко крокодилъ справлялся съ быкомъ. Обвивши хвостомъ, онъ утаскивалъ его на дно рѣки и тамъ уже пожиралъ.

Древніе жители Омбиса дѣлали ручными маленькихъ крокодиловъ. Самцы ведутъ страшную войну съ самками. Дорого платятся послѣднія за любовь первыхъ; вообще онѣ убѣгаютъ ее, во первыхъ, потому, что эта любовь сопровождается страшными знаками крокодильей нѣжности, во вторыхъ, самки знаютъ, что плодъ любви можетъ сдѣлаться жертвою ихъ ненасытной прожорливости. Вотъ почему онѣ кладутъ свои яйца въ мѣстахъ, сколь возможно недоступныхъ, въ высокихъ берегахъ, зарываютъ въ песокъ, и истребляютъ всѣ слѣды около нихъ; яйца эти дѣлаются также жертвою ихнеумона. Ихнеумона боготворили въ древности, и было за что; онъ ведетъ не примиримую войну со всѣмъ крокодильимъ родомъ. Нубійцы ѣдятъ крокодилье мясо, вырѣзавши изъ него, сей часъ послѣ того, какъ убьютъ, мѣшечки съ мускусомъ, но все таки ѣдкій запахъ мускуса сильно отзывается.

Часа за три до Короско, Нилъ до того сжимается горами и песками, что только самый отклонъ берега, т. е. пространство сажени въ двѣ-три обработано,—далѣе пустыня, смерть, царство Тифона!... И таковъ Нилъ почти вездѣ. Если подумаешь, что все населеніе Египта и Нубіи тѣснится на узкихъ берегахъ его, за исключеніемъ не многихъ

оазисовъ и дельты, то невольно раждается вопросъ, что сталось бы съ этимъ населеніемъ, простирающимся до 5.000,000 жителей, если бы Нилъ былъ занесенъ песками пустынь, которыя осаждаютъ его отовсюду, а это легко могло бы случиться, если бы ежегодные приливы не разчищали русла.

У самаго Короско Нилъ круто поворачиваетъ на западъ, описывая дугу; по этому, часто, даже въ полную воду, когда катаракты не опасны, оставляютъ его и идутъ на перерѣзъ, пустыней; тутъ выигрываютъ дней десять пути и минуютъ вторые, самые большіе пороги Нила, которые въ малую воду никакъ нельзя переплыть, и нѣсколько незначительныхъ.

Прежде большая Нубійская пустыня была непроходима отъ нападеній арабовъ, и караваны избирали обыкновенно путь черезъ Донгольскую пустыню; (мы узнаемъ и ее на обратномъ пути) но нынче Мегеметъ-Али заключилъ условіе съ племенами Абабди, обязавъ его водить и оберегать караваны, и путь, въ этомъ отношеніи, совершенно безопасенъ.

Вслѣдствіе такихъ обстоятвльствъ, Короско, созданный въ недавнее время, получилъ нѣкоторую важность. Тутъ останавливаются караваны со слоновою костью, сене и невольниками (невольники здѣсь не больше, какъ товаръ), и нагружаются на барки, а отсюда отправляются на верблюдахъ разные припасы для военнаго отряда, расположеннаго въ Суданѣ и товары купцовъ, словомъ все, что

идетъ до Короско на баркахъ, потому-что, какъ мы уже замѣтили, двойная необходимость заставляетъ проходить пустыню, какъ ни ужасна она. Короско расположенъ въ красивомъ мѣстоположеніи и погруженъ въ зелень своихъ пажитей, пальмъ и думовъ: маленькіе домики его видны только, когда приближаешься къ нимъ. Дѣятельности, жизни въ немъ много, а довольства нѣтъ какъ нѣтъ! Гдѣ же оно, если и тутъ его нѣтъ?

ГЛАВА VIII.

БОЛЬШАЯ НУБІЙСКАЯ ПУСТЫНЯ.

Дикій гулъ отдавался въ ушахъ; я не могъ хорошенько сообразить, во снѣ это или на яву? Безбрежная степь, занесенная снѣгомъ, лежала передо мною; верблюдъ за верблюдомъ тянулись длинной вереницей; по бокамъ заметы: верблюдъ упалъ, его сбросили въ снѣжную бездну, какъ въ море, за нимъ другого, третьяго. Но вотъ, гулъ стихъ; дикіе крики раздались отвсюду.... А! я въ горахъ. — Спужъ возлѣ; турки сдѣлали вылазку. Съ именемъ Божіимъ, мы кинулись на нихъ; стукъ, крикъ; я невольно вздрогнулъ и плотнѣе закуталъ голову. Потомъ, казалось, все стихло. Плѣнительная картина раскинулась передо мною. Небольшая деревенька; сквозь чащу дикой рощи проглядывалъ пестрый, красивый домикъ; возлѣ лугъ, перерѣзываемый игривою рѣчкой; я перешелъ черезъ мостикъ: шелъ рощей, лугомъ, уже приближался къ красивому

домику, уже слышалъ веселый говоръ, несшійся изъ него; тамъ меня ждали, оттуда манили меня; я уже готовъ былъ переступить знакомый порогъ; вдругъ, дикій, пронзительный ревъ потрясъ всю внутренность мою.... веселый домикъ, тишина, счастье, — все исчезло, все это былъ сонъ! только пронзительный ревъ не затихалъ и на-яву.... Я вышелъ изъ палатки. Сотня верблюдовъ, колѣнопреклоненныхъ, ревѣли благимъ-матомъ. Ихъ вьючили.

Какой ревъ, какіе заунывные крики вожатыхъ! это еще хуже, чѣмъ въ Киргизской степи; можетъ быть то уже забылось, а это слышалось тутъ, во всей злопредвѣщающей дикости.

«Ге, шейхъ Абдель-Кадеръ! ге, шейхъ Абдель-Кадеръ! Ахметъ! Басъ-Бочъ! Басъ-Бочъ! Я, яволетъ! шейхъ Абдель-Кадеръ!» раздавалось отвсюду: Абдель-Кадеръ — имя покровителя каравановъ въ здѣшнихъ пустыняхъ, — имя, которое безпрестанно призываютъ на помощь.

Суматоха продолжалась еще нѣсколько времени. Арабы спорили между собою, у кого больше ноши для верблюда; иные, изъ нашихъ, отыскивали лучшаго дромадера, другіе не знали, на какого сѣсть, третіе не умѣли какъ сѣсть, и съ ужасомъ смотрѣли на эту башню, которая, между тѣмъ, преклонялась передъ ребенкомъ и раболѣпно подставляла ему свой горбъ. Бѣдный верблюдъ! чего ни дѣлаютъ

съ нимъ во всѣхъ концахъ свѣта, гдѣ только существуетъ онъ!

«Гé, шейхъ Абдель-Кадеръ!» раздалось въ послѣдній разъ, и караванъ пошелъ!... Это было 20 января (1 февраля н. ст.), въ 8 часовъ утра, а солнце жгло, какъ никогда не жжетъ оно въ Петербургѣ среди лѣта, среди бѣлаго дня; а бѣлые дни, какъ извѣстно, такъ рѣдки въ Петербургѣ.

Горы то тѣснились одна къ другой, то расходились. Между ними лавировалъ нашъ караванъ, какъ корабль между подводными камнями, не касаясь ни одной изъ нихъ. Странное образованіе песчаниковъ этихъ горъ, во многихъ мѣстахъ обнаруживающихъ свое волканическое происхожденіе, я описалъ въ отдѣльной статьѣ.

Сначала, на пути — были признаки жизни: дерево другое акціи, но, Боже, что это за дерево! только полуизсохшія вѣтки да иглы; воронъ, вьющійся надъ караваномъ, но и тотъ къ вечеру вернулся назадъ; пещера, въ которой еще видны слѣды гіены, но и гіена недолго жила въ этихъ безводныхъ мѣстахъ. На другой день пустыня явилась во всемъ ужасѣ разрушенія и смерти. Остовы верблюдовъ и быковъ попадались на каждыхъ десяти шагахъ, иногда чаще. Ни червяка, ни мухи, ни изсохшей былинки: какъ-будто здѣсь и не было никогда жизни! Измененныя, отдѣльныя, разбросанныя, до половины занесенныя пескомъ горы имѣли совершенное, поражающее подобіе могилъ. Расположенныя на безбрежной песчаной равнинѣ, онѣ прида-

вали ей видъ кладбища. Ничего не видѣлъ я ужаснѣе въ жизни! Небо также пусто, какъ земля, — еще пустынѣе ея, потому-что горизонтъ шире. Солнце жгло; жаръ доходилъ до 34° по реомюру, а на пространствѣ десяти дней пути только въ одномъ мѣстѣ вода, и то такая горько-соленая, что одна неволя заставляла пить ее.

Караванъ, еще вчера шумный, говорливый, подвигался въ тишинѣ, въ тоскливомъ расположеніи духа, въ изнеможеніи тѣла. Миражъ покуда занималъ тѣхъ, которые не видали его, но на третій день, когда мы вышли на такъ называемое Море Песковъ, Бахръ-эль-гатабъ, миражъ уже не сходилъ съ глазъ, и это было для насъ предметомъ новыхъ мукъ. Озера растилались до края горизонта, рѣки текли передъ нами, отражая всю роскошь растительности, и это еще болѣе распаляло жажду, глаза изнурялись отъ напряженія, болѣли отъ яркаго свѣта песковъ, облитыхъ лучами солнца. Арабы называютъ миражъ навожденіемъ дьявола. Разъ, въ долинѣ, будто въ морѣ, увидѣли мы какія-то странныя, колеблющіяся въ видѣ гигантовъ фигуры; мы было приняли ихъ за миражъ, но онѣ не изчезали, не отдѣлялись при нашемъ приближеніи, только мельчали и облекались въ образы; черезъ часъ времени, мы поравнялись съ ними; это былъ караванъ, заключавшій въ себѣ гаремъ паши Судана: жены съ дѣтьми сидѣли на прикрѣпленныхъ къ горбамъ верблюдовъ кроватяхъ, съ пе-

большимъ навѣсомъ, и качались, словно въ корабельныхъ койкахъ. Продолжительная ѣзда на вер-

блюдѣ, во всякое время тяжелая, утомляющая своею качкой, теперь казалась невыносимою. Здѣсь верблюды, и даже дромадеры, одногорбые, и положеніе сѣдока на горбѣ походитъ на положеніе

индѣйскихъ фокусниковъ, вертящихся на концѣ заостренной палки. Во время своихъ караванныхъ путешествій, я никогда не ѣздилъ на верблюдѣ: всегда бывала у меня лошадь, и только теперь, я понялъ вполнѣ слова, бывшаго съ нами въ Хивинской экспедиціи, генерала М., который говорилъ, что если на картинкѣ увидитъ верблюда, то выцарапаетъ ему глаза. Впослѣдствіи времени, къ счастію, я нашелъ въ караванѣ осла и продолжалъ путь частію на немъ, а частію пѣшкомъ, потому-что оселъ, котораго поили только черезъ два дня, изнемогалъ подо-мною, какъ ни силенъ египетскій оселъ.

Мнѣ стали понятны мученія Александра Македонскаго, шедшаго черезъ пустыню Ливійскую на поклоненіе Аммона-Ра; но, на третій день путешествія, небо ниспослало Александру дождь; небо берегло его и вознаградило, потомъ, сказавши ему, что онъ происходитъ отъ Юпитера; а мнѣ сулило оно однѣ только горькія послѣдствія подобнаго же путешествія. Теперь понятно, какимъ образомъ была погребена подъ знойными песками Ливіи цѣлая армія Камбиза, шедшая на разрушеніе тѣхъ храмовъ, которымъ поклонялись Геркулесъ, Персей и Александръ Великій; понятно, отчего погибаютъ безпрестанно караваны и путники въ этой, такъ называемой Большой Нубійской пустынѣ, одной изъ самыхъ страшныхъ пустынь въ Африкѣ.

Самумъ, или, какъ его называютъ арабы, хамъсимъ, пятидесятница, потому-что онъ дуетъ въ пе-

ріодъ пятидесяти дней, въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, разумѣется не постоянно, иначе онъ въ пятьдесятъ дней опустошилъ бы весь Египетъ, — хамъ-симъ, который неожиданно, иногда, налетаетъ и въ другое время года, всегда почти сопровождается гибелью путешествующихъ въ пустынѣ.

Приближеніе самума трудно предвидѣть. Правда, воздухъ сгущается заранѣе, принимаетъ пурпуровый цвѣтъ; лицо путника наливается кровью; глаза, кажется, хотятъ выскочить изъ орбитъ, голова кружится; но все это настаетъ такъ быстро, что люди и животныя, хорошо понимающіе эти признаки, едва имѣютъ время кинуться ницъ на землю и сунуть голову, какъ можно глубже, въ песокъ. Самумъ пронесся, кажется, благополучно, прикрывъ караванъ только тонкою полостью песку. Люди и животныя поднимаются; изсохшія уста жаждутъ воды; всѣ кидаются къ гербе, кожаннымъ мѣшкамъ съ водою.... о, ужасъ! воды ни капли. Самумъ въ одинъ мигъ изсушаетъ мѣшки, полные водою, если не успѣютъ ихъ убрать и закрыть цыновками или землею; а мы уже замѣтили, какъ трудно предузнать приближеніе самума. Тогда положеніе каравана, если онъ далеко отошелъ отъ воды или за-долго до нея, ужасно. Обыкновенно, вотъ что дѣлается въ немъ: невольники, которыхъ цѣлыя толпы проводятъ черезъ пустыню, садятся въ кружокъ, и въ молчаніи ожидаютъ смерти; вожатые-арабы расчитываютъ очень вѣрно, часто по опыту, могутъ ли они дойти до воды съ запасомъ

верблюжьей крови, или нѣтъ, и принимаютъ свои мѣры; если могутъ, то каждый убиваетъ своего верблюда и отправляется, немедля, впередъ; если нѣтъ, то никто изъ нихъ не станетъ понапрасну безпокоиться, и каждый, съ покорностью и вѣрою въ судьбу, обрекаетъ себя смерти. Тогда въ этой таинственной пустынѣ раздаются пѣсни, которыми обыкновенно отпѣваютъ покойниковъ, и вопли, сопровождающіе въ другую жизнь: это страшнѣе тишины нетровъ; но турки никогда не погибаютъ безъ борьбы со смертью, борьбы отчаянной, до послѣдней минуты жизни; большею частію это владѣльцы каравана; отъискавши гдѣ-нибудь между вьюками нѣсколько глотковъ воды или водки, запасшись также верблюжьей кровью и выбравши лучшаго дромадера въ караванѣ, они скачутъ по направленію къ Нилу; никто не противится имъ, потому-что вожатые-арабы и въ самомъ отчаяніи сохраняютъ уваженіе къ господину. На этомъ переѣздѣ бо́льшею частію погибаютъ они въ страшныхъ мукахъ.

Не одинъ самумъ бываетъ причиною гибели путниковъ. Каждый годъ насчитываютъ нѣсколько несчастныхъ случаевъ въ этой пустынѣ и безъ самума. Бо́льшая часть горъ и мѣстъ носятъ названіе своихъ жертвъ. Тамъ погибъ начальникъ кавалеріи Судана: вожатый его принялъ одну гору за другую и заблудился въ пустынѣ. Тутъ погибли двѣнадцать кавасовъ Мегеметъ-Али: вожатый отправился отъискивать отставшаго верблюда; кавасы долго жда-

ли; было уже близко отъ Нила, а кто переходилъ пустыню, тотъ знаетъ, съ какою жадностью стремятся люди и животныя къ свѣжей водѣ. Они же шли этимъ путемъ не въ первый разъ, а потому и отправились одни. Вожатый, между тѣмъ, воротился; не нашедши ихъ на мѣстѣ, онъ отправился по свѣжимъ слѣдамъ; но ни кавасы, ни вожатый не возвращались. Впослѣдствіи ихъ нашли не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другого; крайняго за четыре часа до Нила. Всѣхъ несчастныхъ случаевъ не перечтешь.

Трупы остаются очень долго нетлѣнными; ни хищныхъ, ни другихъ звѣрей, ни насѣкомыхъ, какъ мы замѣтили, здѣсь нѣтъ, такъ некому истреблять ихъ. Изсушенные солнцемъ, трупы лежатъ, какъ живые, и часто ошибаешься, глядя на нихъ издали.

Вотъ гора, называемая Габешь, Абиссинскою. Тутъ, когда-то, послѣ самума, осталась, въ числѣ прочихъ, абиссинянка, невольница. Другіе невольники терпѣливо ожидали смерти, но ей, молодой и прекрасной собой, конечно пользовавшейся лучшею жизнію, чѣмъ они, жалко было разстаться съ нею; въ страшныхъ мукахъ и терзаніяхъ ожидала она смерти. Въ это время наѣхали на нее два каваса, турокъ и черкесъ. Они то же со своимъ караваномъ были настигнуты самумомъ, но успѣли спасти одну замзамію, — маленькій кожанный мѣшокъ съ водой, — спрятали ее отъ другихъ, и убѣжали на дромадерахъ. Абиссинянка кинулась къ нимъ; рыдая мо-

лила, заклинала ихъ взять ее съ собою. Турокъ колебался.

— Послушай, говорилъ онъ товарищу, вѣдь если довеземъ ее въ Каиръ, можемъ продать за десять тысячъ піастровъ.

— Правда, отвѣчалъ черкесъ: — а если подѣлимся съ нею водой, то можемъ умереть всѣ трое.

— До Нила недалеко, говорилъ турокъ, къ нуждѣ мы привыкли....

Абиссинянка поняла, что турокъ принялъ ея сторону: она усилила свои мольбы, обращая ихъ исключительно къ нему. Отчаяніе придало ей силы, краснорѣчія и можетъ быть красоты. Турокъ былъ тронутъ и рѣшительно настаивалъ взять ее съ собою.

— Хорошо, сказалъ его спутникъ, повидимому тоже колебавшійся: — только сажай ее къ себѣ на дромадера.

Турокъ можетъ быть того и хотѣлъ. Отправились. Черкесъ, ѣхавшій позади, вынулъ пистолеты, пустилъ одну пулю въ абиссинянку, другую въ турка, который не успѣлъ выхватить своихъ пистолетовъ, потомъ взялъ замзамію, и благополучно доѣхалъ до Бербера. Говорятъ, онъ самъ разсказывалъ эту исторію своимъ, прибавляя, что еслибъ пришлось подѣлиться водою только съ туркомъ, то и тутъ не достало бы и что все-таки одинъ другаго долженъ былъ убить, а сумасшедшій турокъ взялъ еще третьяго потребителя, вовсе не привыкшаго къ нуждѣ, и что онъ во всякомъ слу-

чаѣ оказалъ благодѣяніе — абиссинянкѣ, прекративъ ея терзанія, а турку, — отправивъ на тотъ свѣтъ не одного, но съ женщиной, которую онъ до того полюбилъ, что готовъ былъ умереть за нее.

Мы шли по двѣнадцати и тринадцати часовъ въ день, нигдѣ не останавливаясь. Верблюды не измѣняли своему ровному, мѣрному шагу, отъ начала дня до конца, отъ перваго привала до послѣдняго. Подножный кормъ и воду они могли только видѣть издали, и то во время миража. Имъ давали горсти по двѣ дуры — родъ проса — вечеромъ, и только. Арабы, находившіеся при верблюдахъ, съѣдали по горсти дуры въ день, даже меньше, и больше ничего. Они шли, втеченіи всего перехода, тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ, какъ и верблюды, — вожатые впереди, нигдѣ не присѣдая, не пріостанавливаясь. Жаръ, казалось, не имѣлъ на нихъ вліянія; для нихъ даже это не былъ жаръ.

— Неужели бываетъ жарче? спросилъ кто-то изъ насъ араба.

Бедуинъ засмѣялся.

— Развѣ жарко? сказалъ онъ. Теперь все-таки зима, хоть и на-исходѣ; лѣтомъ иначе.

— Какъ же иначе?

— Да такъ, что и мы не можемъ итти черезъ пустыню днемъ, а ходимъ ночью.

— Хорошо же должно быть лѣтомъ: это удовольствіе для насъ впереди.

Во время-то ночныхъ переходовъ всего чаще бываютъ несчастія съ караванами. Арабы-бедуины

плохо различаютъ звѣзды; они руководствуются значками, поставленными на горахъ, самымъ положеніемъ нѣкоторыхъ горъ и наконецъ костями людей и животныхъ, которыя высовываются изъ песку или еще не занесены пескомъ. Во время темной ночи, они не видятъ своихъ руководителей и часто принимаютъ одну мѣстность за другую, особенно на безбрежныхъ пескахъ. Тѣмъ еще легче ошибиться, что песчаные бугры безпрестанно переносятся съ мѣста на мѣсто, а слѣдствія малѣйшей ошибки легко предвидѣть.

Я уже, кажется, имѣлъ случай замѣтить, что вожатыми служатъ, по преимуществу, арабы племени Абабди. Они говорятъ, что если абабди пройдетъ черезъ пустыню разъ и обронитъ булавку, то на обратномъ пути найдетъ ее; иначе онъ не абабди. Абабди врутъ; они, какъ и всѣ арабы, любятъ прихвастнуть, особенно, когда рѣчь идетъ о себѣ. Дѣло въ томъ, что они уступаютъ въ искусствѣ вожатыхъ нашимъ киргизамъ. Для киргиза все служитъ признакомъ въ степи: звѣзды, а онъ ихъ хорошо знаетъ, наклоненіе травы, направленіе вѣтра, могилы, которыя никто другой не отличитъ отъ тысячи такихъ же могилъ, разсѣянныхъ въ степи, перелетная или залетная птица. Днемъ или ночью, онъ выведетъ васъ съ одного конца степи на другой, какъ по стрункѣ; но ужъ никто не сравнится съ арабами въ перенесеніи трудовъ пути. Подходя къ привалу, послѣ тринадцати-часовой ходьбы, послѣ нѣсколькихъ такихъ переходовъ,

арабы выскакиваютъ впередъ, танцуютъ, кривляются и паясничаютъ. Киргизъ этого не сдѣлаетъ, хотя всякому, бывалому въ степи, извѣстно, къ какимъ лишеніямъ, къ какому труду способенъ онъ.

Абабди вели постоянную войну съ другими родами арабовъ, и особенно съ бишари: это уже общая участь кочевыхъ народовъ (теперь Мегеметъ-Али унялъ ихъ); но у здѣшнихъ арабовъ меньше удальства, чѣмъ у нѣкоторыхъ, разумѣется немногихъ, родовъ киргизовъ. Сходства, однако, между тѣми и другими, какъ между всѣми кочевыми народами, довольно. Тѣ и другіе, хотя магометане, однако въ вѣрѣ очень слабы; арабы, по сосѣдству съ Меккой, нѣсколько богомольнѣй. Скотъ — все ихъ богатство. Осѣдлость, земледѣліе—ихъ ужасъ, ихъ бичъ. Дикая независимость—ихъ кумиръ. Гостепріимство—условное у тѣхъ и у другихъ. Мщеніе за нанесенную обиду переходитъ изъ рода въ родъ. Киргизы вооружены луками, стрѣлами и длинными пиками, арабы—небольшими копьями и мечами, въ родѣ старыхъ рыцарскихъ; ружья рѣдки у тѣхъ и другихъ, и большею частію безъ замковъ, съ фитилями.

Арабы-бедуины довольно высокаго росту, сложены прекрасно и хороши собой. Они во всемъ отличаются отъ арабовъ-феллаховъ. Первые свободны. Хотя они и въ подданствѣ Мегеметъ-Али, однако обязанности ихъ довольно ничтожны, и тутъ еще они легко находятъ случай уклониться отъ нихъ. Мегеметъ-Али даже самъ платитъ нѣко-

торымъ племенамъ арабовъ извѣстную сумму за обезпеченіе своихъ границъ и меккскихъ поклонниковъ, а шейху абабди предоставлено право снимать коплину со скота, прогоняемаго черезъ Большую Нубійскую пустыню, безъ различія, принадлежитъ ли скотъ Мегеметъ-Али или купцамъ: съ верблюда по три піастра, а съ осла полтора. Тоже дѣлаютъ шейхи другихъ родовъ въ своихъ пустыняхъ. Между тѣмъ, какъ участь феллаховъ такова, что я по сю пору не рѣшился говорить о нихъ подробно. Можетъ быть, когда всмотрюсь въ предметъ, онъ представится мнѣ не въ такомъ темномъ видѣ, какимъ кажется съ перваго взгляда. Путешественники, пробѣжавшіе Египетъ, гдѣ онъ удобопроходимѣй, судили и рѣшили объ этомъ по первому впечатлѣнію или, чаще, по постороннему вліянію, и потому-то мнѣнія ихъ такъ разногласны, такъ преувеличены, поверхностны, что поневолѣ заставятъ быть осторожнымъ въ этомъ дѣлѣ.

Нашъ вожатый, Ахметъ, былъ вожатый по превосходству. Богатый и лучшаго роду изъ племени абабди, онъ употреблялся только въ важныхъ случаяхъ; тѣмъ не мѣнѣе, онъ былъ до половины нагъ, а лѣтомъ небольшой лоскутъ холста, у мѣста повѣшенный, служилъ ему полнымъ костюмомъ. За то его ферде драпировалось прекрасно, подобно тогѣ какого-нибудь скульптурнаго Нерона или Цицерона; вообще арабы-бедуины носятъ ее очень

живописно. Ахметъ былъ хорошо сложенъ; волосы тщательно завиты и намаслены (это важная часть туалета полу-нагого арабскаго племени, мужчинъ и женщинъ, безъ исключенія), тѣло достаточно покрыто жиромъ. Черты лица его, блескъ глазъ, живость разговора, жестикуляція, наконецъ страсть къ деньгамъ напоминали рѣзко потомка еврейскаго племени. Здѣсь не мѣсто излагать всѣ факты, ссылки и доказательства, собранныя мною на мѣстѣ; но я буду имѣть случай изложить ихъ особо, въ подтвержденіе того, что арабы-бедуины племени абабди и внутренней части Африки происходятъ отъ евреевъ, отсталыхъ, бѣжавшихъ изъ Палестины и оставшихся въ Египтѣ.

Вожатый шелъ впереди, напѣвая унылую импровизированную, по обычаю всѣхъ кочевыхъ народовъ, пѣсню. Пѣснь говорила, какъ и всегда, про женщину, верблюда, ночь, всего чаще ночь, и, какъ водится, была очень нескладна.

— Ахметъ, что̀ это за гора?

— Чортова гора.

— Отчего жъ она Чортова?

— Ночью тутъ слышится чортова музыка.

— Ты слышалъ?

— Сколько разъ!

— Хорошо?

— Только трубы, да по временамъ барабаны: настоящій шабашъ. Ну ее совсѣмъ!

— Зачѣмъ же тутъ музыка?

— Долго разсказывать.

— Успѣешь, хоть начни отъ Адама.

Правду сказать, арабы, о чемъ бы ни заговорили, начинаютъ всегда такъ издалека, что едва достанетъ терпѣнія дослушать, но въ пустынѣ радъ-радехонекъ, когда хоть часъ пройдетъ не замѣтно. Обыкновенно выживешь его сознательно до секунды, выстрадаешь до послѣдней капли терпѣнія. Всякая остающаяся до привала минута дастъ себя почувствовать, какъ-будто хочетъ сказать: ты нѣкогда говорилъ, что дорожишь мною, ты готовъ былъ остановить солнце, чтобы удержать меня; ну, вотъ солнце остановилось прямо надъ головою у тебя; живи себѣ, наслаждайся мною, вотъ я вся тутъ, и длинна и скучна!...

Ахметъ началъ, но началъ и продолжалъ гораздо длиннѣе, чѣмъ стану говорить я.

Въ Суданѣ жилъ чортъ, лихо жилъ, — пока не женился! тутъ пришлось ему худо. Говорятъ, женщина у мусульманъ — ничто, вещь, дрянь; все это кажется такъ, съ-виду; въ-сущности, женщина вездѣ женщина, и если захочетъ, не только турка, сатану въ руки возьметъ. Исторія представляетъ много тому примѣровъ; этотъ еще не вошелъ въ исторію. Чорту пришлось такъ худо, что онъ въ одну прекрасную ночь покинулъ свой благословенный Суданъ и бѣжалъ, куда глаза глядятъ, бѣжалъ, куда не могла послѣдовать за нимъ его дражайшая половина, въ Большую Нубійскую пустыню, которая и тогда носила это же названіе, и тогда была такъ страшна, какъ теперь. Только здѣсь, на горѣ, онъ

пріостановился перевести духъ, и довольный тѣмъ, что уже далеко отъ жены, задалъ себѣ пирушку, которая была слышна на другомъ концѣ пустыни. Въ это время проходилъ тутъ ученый, изъ Каира; шелъ онъ долго, усталъ, проголодался, и какъ ни подозрителенъ казался этотъ гамъ среди пустыни, но онъ рѣшился итти на него: голодъ и ученымъ придаетъ храбрость. Чортъ обрадовался посѣтителю: видите ли, онъ былъ чортъ соціабельный и скучалъ въ одиночествѣ. Пошли распросы, какъ, зачѣмъ, откуда?

— Изъ Каира, отвѣчалъ эфенди.

— А я въ Каиръ, говорилъ чортъ. — Что тамъ?

— Худо! Отъ жонъ житья нѣтъ. Я ушелъ отъ жены.

— Вотъ хорошо! а я убѣжалъ отъ своей изъ Судана.

Извѣстно, что несчастія сближаютъ людей, но неизвѣстно было, что они сближаютъ чорта съ человѣкомъ. Нечистый, за веселымъ ужиномъ съ эфенди, предложилъ ему слѣдующую сдѣлку.

— Идемъ въ Каиръ, сказалъ онъ, — и дадимъ себя знать женщинамъ; я стану поселяться то въ той, то въ другой, разумѣется знатнѣйшей и богатѣйшей, стану мучить ее, тѣшиться ею, а ты станешь заклинать и выживать меня; я буду слушаться и оставлять свое жилище, переходя въ другое, еще избраннѣйшее, а ты станешь наживать деньги за свое искусство. Натѣшимся въ-волю.

Ученый былъ не промахъ. Помялся, будто и не

по немъ сдѣлка; представилъ затрудненія со стороны совѣсти, жены и прочаго, насказалъ, что говорится въ подобныхъ сдѣлкахъ съ чортомъ, и кончилъ тѣмъ, что согласился. Дьяволъ даже не выторговалъ себѣ при этомъ души эфенди, потому ли, что былъ добрый чортъ, или потому, что не дорожилъ такимъ пріобрѣтеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, чортъ ли ему въ душѣ эфенди! за рубль купишь ее въ Египтѣ.

При содѣйствіи нечистой силы, наши путники перенеслись скоро въ Каиръ. Чортъ началъ кутить. Прежде всего онъ поселился въ дочери визиря. Дѣвушка взбѣленилась; весь домъ переполошился. Стали искать знахаря, отыскали нашего эфенди, и тотъ, какъ рукою снялъ бѣду: чортъ выпрыгнулъ изъ хорошенькаго тѣльца, съ тѣмъ, чтобы перенестись еще въ лучшее, болѣе развитое, роскошное, полное нѣги и пламени, въ которомъ онъ зажилъ, какъ въ своей стихіи; не помню, кому принадлежало это тѣло, только эфенди и отсюда выгналъ его, не поморщившись отъ усилія. Словомъ, работа пошла спѣшно. Деньги сыпались на эфенди, который жилъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Наконецъ чортъ, какъ ни глупъ былъ, надоумился, что онъ работаетъ для другаго, работаетъ прилежно и безвозмездно. Онъ отправился къ эфенди и сталъ ему приводить резоны, что добытыя общими усиліями деньги слѣдуетъ раздѣлить по поламъ; но ученый мужъ, который, по турецкой привычкѣ,

спѣшилъ поважиться, зная, что завтрашній день не принадлежитъ ему, и видя, что нечего больше ожидать отъ своего товарища, потому-что тотъ уже обошелъ всѣ богатѣйшія семейства, отказалъ ему наотрѣзъ.

— Хорошо же, сказалъ дьяволъ: — я съумѣю погубить тебя; не помогутъ и богатства.

И онъ поселился въ женѣ и первой любимицѣ султана.

Эфенди понялъ его замыслы и, догадываясь, что чортъ, на этотъ разъ, ни за что не согласится выйти изъ своего жилища, бѣжалъ. Но бѣдняку поймали и объявили, что будутъ бить до тѣхъ поръ, пока не выживетъ нечистаго изъ султанши или пока не забьютъ его до смерти.

Ученый смутился передъ чортомъ, молилъ, заклиналъ, предлагалъ не половину — всѣ свои богатства; напрасно: чортъ рѣшился отомстить. Наконецъ эфенди спохватился.

— Хорошо, сказалъ онъ: — я погибну, это такъ, но и тебѣ будетъ не легче.

— А что?

Когда я бѣжалъ изъ Каира, мнѣ попалась навстрѣчу твоя жена и стала спрашивать, гдѣ отыскать тебя? Я все разсказалъ; она недалеко.

Чортъ опрометью кинулся изъ тѣла султанши и пустился бѣжать, куда глаза глядятъ, а эфенди зажилъ себѣ припѣваючи, сдавши жену какому-то бѣдняку съ значительною прибавкою денегъ.

— А музыка-то на горѣ отчего? а Чортова гора

отчего? спросилъ я, уже позабывши начало разсказа.

— Какъ, отчего! говорилъ Ахметъ:—оттого, что чортъ тутъ останавливался и пировалъ съ эфенди: музыка съ тѣхъ поръ отдается на горѣ.

— Такъ, такъ!

Боже, какая жара! какая жажда! и что должны мы пить! На полъ-пути, у горько-соленыхъ колодцевъ Мурата, наполнили мы водою гербе; но эта вода, которую едва можно было пить въ началѣ, на третій день, сбитая въ кожаныхъ мѣшкахъ съ растворившеюся подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей солью, приняла запахъ, вкусъ и цвѣтъ отвратительный. Возьмите стаканъ чистой воды, смѣшайте въ ней ложки двѣ грязи, прибавьте соли и часть гнилого яйца, настойте все это на полынь, и вы получите воду, во всемъ подобную той, которую мы послѣднее время пили въ пустынѣ.

Отъ этого напитка и жару, къ которому мы еще не привыкли, кожа на лицѣ и всемъ тѣлѣ покрылась красными пятнами.

Я не обозначилъ вамъ названій нашихъ ночлеговъ; къ чему послужатъ названія, которыя вы сейчасъ забудете! притомъ же, вы найдете ихъ на картѣ. Путь черезъ пустыню опредѣленъ мною географически и возвышенности измѣрены посредствомъ барометра, сколько жаръ и жажда дозволяли это сдѣлать.

Конечно, едва ли найдется, — какъ бы это выразить поделикатнѣе, — ну, словомъ, едва ли найдет-

ся *человѣкъ*, который бы вздумалъ посѣтить Большую Нубійскую пустыню; но путешественникъ легко можетъ случиться въ подобномъ моему положеніи въ другомъ мѣстѣ; для того предлагаю слѣдующій совѣтъ: никогда не принимать въ началѣ сильныхъ средствъ, и беречь ихъ для будущаго; какъ ни худо вамъ, имѣйте въ виду, что подъ-конецъ будетъ еще хуже. — Если, напримѣръ, вы почувствуете, отъ жару, круженіе головы, приподымите только свою шляпу; самый слабый вѣтеръ, дрожаніе воздуха, неизбѣжное въ пустынѣ, достаточно охолодитъ васъ на первый случай. Впослѣдствіи, когда это не будетъ дѣйствовать, можете нѣсколько времени употреблять о-де-колонь, потомъ, конечно, и это окажется недѣйствительнымъ, тогда нюхайте спиртъ и наконецъ уже, какъ къ крайнему средству, въ случаѣ продолжительныхъ обмороковъ, прибѣгайте къ кровопусканію. Иначе, вы привыкните къ сильнымъ средствамъ, и онѣ, впослѣдствіи, останутся не дѣйствительными. Голоду вы никогда не чувствуете въ пустынѣ; усталость и жажда отнимаютъ всякій апетитъ, но за апельсинъ, гранатъ, лимонъ вы заплатили бы очень, очень дорого; а потому, запасайтесь всѣмъ этимъ въ Каирѣ. Мѣсяцъ пути до пустыни не испортитъ ихъ, потому-что чрезвычайная сухость воздуха сжимаетъ герметически кору и высушиваетъ ее, какъ пергаментъ. Чай всего надежнѣе утоляетъ жажду и составляетъ единственную пищу и лучшее питье, какъ бы ни

дурна была вода. Кто не испыталъ на себѣ его благодѣтельнаго дѣйствія! Зимою, въ дорогѣ, когда, прозябшій до костей, путешественникъ входитъ въ комнату станціоннаго смотрителя, одинъ видъ кипящаго самовара уже оживляетъ его; веселое урчанье пробуждаетъ пріятныя мысли, и чувствуетъ бѣдный странникъ возвращеніе жизни, по мѣрѣ того, какъ благотворная влага проникаетъ въ остывшую кровь его!

Въ Нубійской пустынѣ кожа у меня до того бывала суха, что, казалось, отставала отъ тѣла; голова горѣла; я весь былъ въ лихорадкѣ, но послѣ двухъ-трехъ чашекъ горячаго чаю, потъ выступалъ на тѣлѣ, и я оживалъ. Истинно благодѣтельный человѣкъ, кто первый ввелъ употребленіе чаю, и очень жаль, что имя его неизвѣстно благодарнымъ потомкамъ. Въ III столѣтіи уже находимъ Китай, опивающійся чаемъ. — Нельзя безъ страху вспомнить, что мы чуть не лишились на долгое время этого цѣлебнаго напитка: китайцы насильно, несмотря на всѣ знаки неудовольствія русскаго посольства, бывшаго въ XVIII столѣтіи въ Пекинѣ, навязали ему нѣсколько цибиковъ чаю; русскіе хотѣли выбросить его, но умные москвичи разчмаковали это зелье и умѣли оцѣнить его по достоинству. Давно ль было это дѣло, а теперь въ Россіи получается около 10 милліоновъ фунтовъ чаю, да въ Европу, которая около того же времени познакомилась съ чаемъ черезъ голландцевъ, и въ Америку отпускается до 50 мил. фунтовъ.

Жажда наша и отвращеніе отъ жидкости, хранимой въ гербе, были такъ велики, что съ послѣдняго привала, мы отправили нарочнаго за водою къ Нилу, чтобы хотя нѣсколькими часами ранѣе напиться вдоволь. Часу въ десятомъ утра, когда жаръ становился нестерпимымъ, мы встрѣтили нарочнаго съ водою, коршунъ слѣдовалъ за нимъ: это первое живое существо, которое мы увидѣли послѣ десятидневнаго перехода: хищныя птицы всегда, на сушѣ и на водѣ, встрѣчаютъ первыя человѣка, сопровождаютъ его послѣднія, до могилы, и на могилѣ остаются еще долго послѣ друзей и родныхъ его. Корысть выжидательнѣй всякой привязанности.

Можете вообразить нашу радость, когда мы добрались до воды. Нѣтъ, вы не можете ее вообразить, если не были въ подобномъ нашему положеніи. 29 января (10 февраля), часу въ третьемъ, мы увидѣли на горизонтѣ голубоватую полосу.... то былъ Нилъ. Вскорѣ показались сѣренькіе домики и купы пальмъ (Phoenix dactilifera) и дума (Cucifera thebaica), неизбѣжныхъ спутниковъ береговъ Нила въ Нубіи: это была деревня Абугамметъ.... Страданія наши, однако, не совсѣмъ еще кончились. Правда, мы уже на-долго не покинемъ благодѣтельнаго Нила, не будемъ нуждаться въ водѣ; но до Бербера — четыре дня пути — должны ѣхать на верблюдахъ или ослахъ. При другихъ обстоятельствахъ, это бы не бѣда, но при болѣзненномъ состояніи, въ которомъ каждый изъ насъ находил-

ся, при жарѣ въ 30° по реомюру, подобное путешествіе было нелегко.

Остановимся на-время и обратимъ взоры еще однажды назадъ, какъ ни странно позади насъ. Теперь, мы можемъ хладнокровнѣе смотрѣть на предметъ, исторгавшій прежде одно болѣзненное чувство.

А арабовъ еще остался обычай, котораго они держатся крѣпко, потому-что онъ доставляетъ имъ нѣсколько піастровъ. По выходѣ изъ горъ, въ пустыню, у такъ называемой Безводной рѣки, они складываютъ могилы для каждаго путешественника, съ воемъ и припѣвомъ оплакивая его предстоящую гибель. Какъ бы прося ихъ защиты и покровительства, путникъ кидаетъ нѣсколько денегъ, и они разметываютъ могилу, потомъ, съ веселыми пѣснями и плясками, отправляются впередъ.

Нубійская пустыня — могила, могила мертвая, если можно такъ выразиться, потому-что въ ней нѣтъ даже той микроскопической жизни, которая есть во всякой могилѣ. Но была ли здѣсь когда-либо жизнь и можетъ ли она здѣсь быть? Вотъ вопросы, которые неизбѣжно родятся въ каждомъ переходящемъ пустыню, если только голова его способна родить какой-либо вопросъ.

Древніе египтяне, оставившіе гигантскіе памятники, при видѣ которыхъ цѣпѣнѣетъ самое пылкое воображеніе, не внесли сюда жизни. Напротивъ, они бы ее разрушили, еслибъ она какъ-нибудь,

ненарокомъ, очутилась здѣсь. Для нихъ была нужна пустыня: она надежнѣе, чѣмъ сіенскіе пороги (первые катаракты), служила оплотомъ отъ набѣговъ дикихъ еѳіоплянъ. Нигдѣ не видно остатковъ древности, и, по всѣмъ моимъ распросамъ, нигдѣ ихъ нѣтъ. Только за день пути отъ Мурата, направо, къ сторонѣ Нила, есть цитерна, изсѣченная въ гранитѣ; но она принадлежитъ времени позднѣйшему и можетъ быть тому, когда правили Египтомъ калифы; вѣроятно, это дѣло какого-нибудь набожнаго мусульманина, а не правительства. Нынче, въ пустыняхъ, гдѣ только доступна вода, устраиваются колодцы частными лицами, по обѣщанію или изъ усердія. Есть еще нѣсколько колодцевъ, чрезвычайно глубокихъ, нѣсколько цитернъ, стоившихъ большихъ издержекъ, — это уже дѣло правленія Мегеметъ-Али; но, увы! всѣ издержки были тщетны: нигдѣ нѣтъ и капли воды. Періодическіе дожди иногда сюда заходятъ; но когда? лѣтъ въ десять, однажды; вотъ уже шестой годъ ихъ не было. Зато, тогда природа развертывается во всей красотѣ своей! Зыбучіе пески, горы, на которыхъ не видно и пяди наносной земли, равнины, — все покрывается зеленью, кустарниками; луга, цитерны, пещеры наполняются водою года на два, на три. Арабы, со скотомъ, стекаются сюда толпами, тѣснятъ другъ друга, дерутся за землю, которой прежде убѣгали; животныя, птицы являются еще прежде ихъ. Новый міръ создается быстро, но не надолго!.... Раскаленное

солнце разрушаетъ его въ два, три мѣсяца, тѣмъ болѣе, что росы здѣсь неизвѣстны; только караваны пользуются еще долго послѣдствіями періодическихъ дождей, находя воду въ извѣстныхъ впадинахъ и цитернахъ.

Значитъ, не вѣчной же смерти обречена эта пустыня! Если природа такъ быстро можетъ исторгнуть ее изъ рукъ смерти, то и человѣкъ, силою труда и времени, можетъ достигнуть того же.

Читатель помнитъ, что путь черезъ пустыню, сокращая разстояніе и огибая катаракты Нила, очень важенъ для Судана, съ недавняго времени, богатой провинціи вице-короля. Каналъ, который бы соединилъ Нилъ отъ одного колѣна до другаго, отъ Короско до Абугаммета, положилъ бы надежный путь непрерывнаго водяного сообщенія и далъ бы просторъ населенію и хлѣбопашеству. Предпріятіе огромное, но не невозможное, какъ показали мои барометрическія измѣренія. Я избавлю читателя отъ подробнаго разсмотрѣнія этого проэкта. Каналъ долженъ имѣть слишкомъ 300 верстъ въ длину, но во многихъ мѣстахъ есть готовое ложе для него (напримѣръ, высохшее русло Короско). Наконецъ, этотъ трудъ едва ли огромнѣе знаменитаго запруженія и поднятія Нила, которое продолжается уже нѣсколько лѣтъ, стоитъ столькихъ милліоновъ и Богъ знаетъ удастся ли въ той мѣрѣ, какъ ожидаютъ; онъ соединилъ бы провинціи Египта, которыя нынче до того раздѣлены безводною Нубійскою пустыней, что быкъ, стоющій въ Каирѣ 60

рублей, въ Суданѣ продается по 10 рублей ассигнаціями.

Покинувъ нагія горы песчаника, мы нашли, развитыми въ большой массѣ, кристаллическія породы. За три, четыре часа до эль-Мурата, почти на половинѣ дороги черезъ пустыню, мы взяли въ одномъ оврагѣ нѣсколько розсыпи и, промывши ее у колодцевъ, получили признаки золота; далѣе, нашли отдѣльные, отторгнутые отъ своихъ мѣсторожденій куски горныхъ породъ, окрашенные мѣдною зеленью. Кажется, нельзя сомнѣваться, что горный промыслъ не замедлилъ бы явиться къ обогащенію этой страны, которая была бы гораздо ближе соединена съ Ниломъ, и слѣдовательно съ Египтомъ, чѣмъ многіе отдѣльные оазы, разбросанные въ пустынѣ Ливіи. Держатся же они противъ всѣхъ усилій, натиска движущихся песковъ и невѣжества арабовъ.

Въ-лѣвѣ, восточнѣе нашего пути, есть другой путь черезъ пустыню, прямо изъ Ассуана; онъ днями пятью длиннѣе; тѣмъ не менѣе, однако, прежде, когда пошлина съ каравановъ невольниковъ собиралась въ Короско, многіе обходили его; нынче Мегеметъ-Али учредилъ таможню въ Ассуанѣ, и путь этотъ почти оставленъ. Еще восточнѣе, горы значительно возвышаются, вода въ нихъ встрѣчается часто; если не всегда есть трава, зато, повсемѣстенъ кустарникъ для скота: тутъ кочуютъ арабы вплоть до Чермнаго моря, гдѣ недостатокъ дождей замѣняется обильными росами.

ГЛАВА IX.

ОТЪ БОЛЬШОЙ НУБІЙСКОЙ ПУСТЫНИ ДО СОЕДИНЕНІЯ БѢЛАГО НИЛА СЪ ГОЛУБЫМЪ.

Абугамметъ, небольшая деревня, очень оживленная приходомъ и уходомъ каравановъ. Намъ показалась она особенно живописною, но это можетъ быть потому, что мы вышли изъ пустыни. Въ Египтѣ и Нубіи поражаетъ путешественника сильная растительность: въ одно и тоже время, онъ видитъ яркую зелень, цвѣты и плоды, и все это круглый годъ.

Въ январѣ здѣсь сѣютъ зернистую овощь: бобы, горохъ и проч. Апельсины, лимоны, гранаты—въ цвѣту; пшеница зеленѣетъ на поляхъ; въ иныхъ мѣстахъ срѣзываютъ сахарный тростникъ и сене, косятъ или скармливаютъ на полѣ трилистникъ. Въ февралѣ зелень покрываетъ бо́льшую часть полей; арбузы, дыни, огурцы спѣютъ; сѣютъ рисъ, жнутъ ячмень. Въ мартѣ цвѣтутъ растенія толстоствольныя и кустарники; собираютъ пшеницу, посѣянную въ декабрѣ. Въ апрѣлѣ сборъ цвѣтовъ розъ;

сѣютъ вновь пшеницу; второй сборъ трилистника. Въ маѣ — сборъ пшеницы зимняго посѣва; акація, хене цвѣтутъ; плоды, какъ-то, скороспѣлый виноградъ, фиги, анóна поспѣваютъ. Въ іюнѣ сѣютъ дуру; въ иныхъ мѣстахъ срѣзываютъ сахарный тростникъ. Въ Суданѣ — время сбора винограда, котораго впрочемъ немного. Въ іюлѣ сѣютъ рисъ и маисъ, собираютъ хлопчатникъ и ленъ; настоящая эпоха винограда въ Каирѣ. Въ августѣ третій сборъ сѣяной травы; непоферъ и жасмины цвѣтутъ повсюду; пальмы покрыты финиками. Въ сентябрѣ сборъ апельсиновъ, лимоновъ, тамарина, сливъ и опять риса. Въ октябрѣ травы въ полномъ ростѣ; душистая акація и колючіе кустарники въ цвѣту. Торопятся убирать все съ полей. Разливъ Нила. Въ ноябрѣ, послѣ ухода нильскихъ водъ, сѣютъ пшеницу; фіялки и нарцисы покрываютъ поля; сборъ финиковъ. Въ декабрѣ нѣкоторыя деревья теряютъ, или, правильнѣе, обновляютъ свои листья, но зато земля покрыта всходами различныхъ хлѣбовъ и цвѣтами; это настоящая весна.

Вотъ вамъ круглый годъ растительности, цвѣтенія и созрѣванія въ Египтѣ. Хотя, въ этомъ случаѣ, я справлялся у мѣстныхъ жителей, прибѣгалъ къ Шамполіону старшему и многое видѣлъ собственными глазами, тѣмъ не менѣе, однако, кое-что вѣрно упустилъ; еще теперь приходятъ мнѣ на мысль люпины, рѣповыя растѣнія, кукуруза, которая, впрочемъ, разводится не въ большомъ количествѣ.

Наши верблюды могли издали любоваться этой богатой растительностію; ихъ припущали только къ кустарникамъ мимозы, на которой были однѣ иглы, и то такого размѣра, что страшно было поднести къ нимъ руку, а проголодавшіеся верблюды съ жадностію кидались на нихъ. Не понимаю, какъ выдерживало ихъ нёбо эту раздирающую пищу; нѣсколько менѣе колючія листья пальмы давали имъ какъ лакомство.

Недавно ученый Риттеръ написалъ цѣлый трактатъ о томъ, что верблюдъ живетъ только въ странахъ, гдѣ есть пальма, а пальма безъ верблюда жить не можетъ, что это неразлучные спутники въ жизни, — трогательно, но совершенно несправедливо. Въ Монголіи, Киргизской степи, Крыму пальмы нѣтъ и въ-помнѣ, а верблюдовъ не менѣе, какъ и въ Африкѣ. Риттеръ забылъ о нихъ, увлекшись своею идеей. Справедливѣе, кажется, было бы сказать, что гдѣ есть кочевой человѣкъ, тамъ есть верблюдъ или олень для его услугъ; безъ нихъ не было бы кочевой жизни, и если верблюда такъ выразительно и краснорѣчиво называютъ кораблемъ песчаной пустыни, то оленя можно назвать фрегатомъ тундръ и трущобъ.

Я приглядѣлся на своемъ вѣку къ верблюду; хорошо ознакомился съ нимъ въ Африкѣ и Азіи, и могу сказать довольно достовѣрно, что сѣверный верблюдъ сильнѣе и переносчивѣе южнаго. Киргизскій верблюдъ несетъ шестнадцать пудъ, а че-

тырнадцать — его обыкновенная ноша; на здѣшнихъ нельзя навьючить болѣе двѣнадцати пудъ. Но я замѣчаю, что часто увлекаюсь за предѣлы своего описанія, когда говорю о верблюдѣ: что̀ дѣлать! предметъ близкій сердцу! — вы уже могли это видѣть и изъ прежнихъ моихъ путешествій, если вы ихъ видѣли, — до того близкій, что, кажется, мнѣ придется и вѣкъ свой кончить на верблюдѣ.

Какъ ни устали мы, какъ ни были больны, тѣмъ не менѣе, на другой день, отправились изъ Абугаммета. Поспѣшность, съ которою мы шли, чрезвычайно удивляла окружавшихъ насъ турокъ и египтянъ, и особенно тѣхъ, которымъ приводилось снаряжать и препровождать насъ въ дальнѣйшій путь. Когда, по пріѣздѣ своемъ въ Короско, я сказалъ правителю этого мѣстечка, что выхожу на другой день, а потому, чтобъ верблюды и кожаные мѣшки для воды были готовы поутру, онъ никакъ не могъ сообразить, какимъ образомъ изготовить до 100 верблюдовъ для такого труднаго перехода меньше чѣмъ въ сутки; но у насъ были и важные двигатели, приданные намъ вице-королемъ, для возбужданія дѣятельности египетскихъ властей, и правитель Короско, проработавъ ночь со всѣмъ своимъ народомъ, снарядилъ насъ къ вечеру другаго дня. Послѣ сказывалъ онъ, что никогда въ жизни не бывалъ въ такомъ отчаянномъ положеніи, и цѣлый мѣсяцъ прокутилъ послѣ нашего ухода. Мы имѣли

свои причины торопиться. Въ концѣ мая начинаются въ Фазоглу періодическіе дожди, отъ которыхъ бѣгутъ даже арабы, и мы сберегали въ запасѣ какъ можно болѣе времени для своихъ занятій. По этимъ причинамъ, и отъ Абугаммета мы дѣлали такіе же большіе переходы, какъ въ пустынѣ, хотя уже и не боялись недостатка въ водѣ.

Въ пять часовъ утра караванъ поднимался съ мѣста и въ пять или шесть вечера останавливался на ночлегѣ. Нилъ то открывался передъ нами во всей величавой тишинѣ, то скрывался за купами пальмъ и мимозъ. Растительность здѣсь разнообразнѣе, обработанная полоса земли шире. Замѣтно приближеніе линіи тропическихъ дождей, которые иногда, хотя рѣдко, задѣваютъ и здѣшній край.

Въ избахъ самыхъ бѣдныхъ встрѣчается небывалая до того мебель — деревянная кровать, разумѣется, безъ постели: это предметъ не роскоши, а крайней потребности. На землѣ нельзя спать: множество ползающихъ насѣкомыхъ, между которыми очень обыкновенны скорпіоны, змѣи, тарантулы и другіе ядовитые гады пугаютъ даже безпечныхъ туземцевъ. Ужаленіе змѣи, скорпіона, обыкновенно, но рѣдко кончается смертію; туземцы знаютъ многія спасительныя средства. Путешественникъ долженъ имѣть всегда аммоніакъ, нисколько не медля помазать имъ больное мѣсто и раза два принять внутрь по десяти капель.

На иностранца укушеніе скорпіона или змѣи дѣйствуетъ гораздо опаснѣе чѣмъ на туземца.

На другой день мы ночевали въ Багерѣ, очень живописной деревнѣ. Мы ни разу не останавливались въ домахъ, даже въ городахъ, но разбивали свои кочевыя палатки въ полѣ; если шли по Нилу, то проводили ночь на баркѣ.

Отсюда начинается катарактъ Уади-хамаръ, самый большой и опасный послѣ катаракта Уади-гальфа. Нилъ покрытъ островами, купами осоки, словно выходящей изъ воды, и рядами гранитныхъ валуновъ. Шумъ разбивающейся о нихъ и кипящей воды слышенъ издалека, но все-таки неоглушаетъ пришельца, какъ писали древніе о первомъ ассуанскомъ катарактѣ, который далеко слабѣе этого; паденіе воды на всѣхъ порогахъ довольно незначительно; опасны собственно камни.

Какое счастье пить свѣжую воду, когда захочешь, и еще воду Нила!

Въ четверо сутокъ мы прошли 180 верстъ и, усталые, изнеможенные, еще подъ вліяніемъ утомительнаго перехода черезъ пустыню, кое-какъ притащились въ Берберъ, гдѣ кончилось путешествіе наше на верблюдахъ, увы, кончилось только на этотъ разъ!

Берберъ—городъ, городъ въ родѣ тѣхъ, которыхъ мы много видѣли въ Египтѣ, и о которыхъ такъ мало можно сказать хорошаго; впрочемъ, онъ имѣетъ свою отличительную черту: это тукули, плетеные круглые домики, привѣтливые снару-

жи и, главное, съ крышами. Отсюда начинаются конусообразныя крыши, возвѣщающія о періодическихъ дождяхъ. Между сѣрыми, глиняными домами, они представляютъ очень хорошій видъ. Еще отличительность Бербера: здѣсь развратъ во всеувидѣніе. Этого мы не встрѣчали о-сю-пору. Въ Египтѣ онъ преслѣдуется, даже въ Эсне прикрытъ нѣкоторою тайной; въ Нубіи мы посѣщали деревни, которыхъ жители, большею частію, разбѣгались передъ нами, и пустыни. Берберъ — первый городъ Судана!

Здѣсь живетъ шейхъ арабовъ колѣна абабди и мамуръ, зависящій отъ мудира Донголы. Чтобы пояснить всѣ эти названія, мы теперь же разскажемъ управленіе восточнаго Судана.

Суданъ зависитъ отъ генералъ-губернатора (гакумъ-дара), котораго власть обширна. Физическое богатство провинціи, отдаленность отъ Мегеметъ-Али, недоступность для войска его, подали смѣлую мысль Ахметъ-пашѣ Абуданъ (отецъ ушей, длинноухій) отдѣлиться отъ вице-короля, и подъ покровительствомъ турецкаго султана сдѣлаться независимымъ. Примѣръ Мегеметъ-Али соблазнителенъ. Ахметъ-паша повелъ дѣло довольно осторожно, издалека; деньгами и ласкою привязалъ къ себѣ войска, находившіяся въ Суданѣ, усилилъ ихъ невольниками, вошелъ въ тайныя связи съ пашей, управлявшимъ Аравіей, съ которымъ легко ему было пересылаться черезъ Сауакинъ. Но въ одинъ черный день явился къ непокорному пашѣ

посланный изъ Каира, и потребовалъ его именемъ вице-короля въ Каиръ. Ахметъ-паша отозвался подъ предлогомъ приготовленій къ завоеванію Дарфура, что составляло одну изъ любимыхъ идей Мегеметъ-Али. Вице-король обѣщалъ прислать отрядъ войска, пользуясь затѣваемымъ походомъ, но конечно съ намѣреніемъ окружить пашу своими людьми и наблюдать за нимъ вблизи; нелегко, однако, было провести Абудана; онъ отвѣчалъ, что ему не нужно солдатъ, что въ Суданѣ можно набрать до 14,000 невольниковъ, и потому просилъ прислать только опытныхъ офицеровъ, назвавъ людей преданныхъ себѣ. Далѣе, манилъ вице-короля блестящими надеждами на открытіе золота; словомъ, старался держаться въ довѣренности правителя сколько возможно долѣе, пока не получитъ положительнаго отвѣта отъ порты. Вице-король прислалъ ему офицеровъ, но не тѣхъ, кого тотъ требовалъ, и потомъ, получивъ новыя свѣдѣнія о преступныхъ замыслахъ паши, рѣшительно потребовалъ его къ себѣ. Ахметъ-паша долго еще отговаривался болѣзнію, наконецъ, собрался къ отъѣзду; сорокъ лучшихъ дромадеровъ готовы были въ путь; но не въ Каиръ хотѣлъ онъ ѣхать: видя, что замыслы его открыты преждевременно, онъ рѣшился бѣжать изъ Бербера въ Саукинъ, и оттуда въ Аравію, въ турецкія владѣнія. Наканунѣ замышляемаго отъѣзда явился къ нему извѣстный Омаръ-ага, съ письмомъ, заключавшимъ въ себѣ только нѣсколько словъ: Меге-

метъ-Али требовалъ отъ него немедленнаго отвѣта — явится ли онъ въ Каиръ, или нѣтъ? Паша отвѣчалъ Омаръ-агѣ, что готовъ къ отъѣзду, и вмѣстѣ съ нимъ отправился на барку, гдѣ уже были всѣ его вещи; но вышедши на берегъ, онъ увидѣлъ на противоположной сторонѣ Нила четыреста человѣкъ арнаутовъ. Побѣгъ былъ невозможенъ. Отложивши отъѣздъ, подъ предлогомъ припадка болѣзни, до другого дня, онъ воротился домой. Тутъ велѣлъ своему евнуху подать ящикъ съ аптекой; досталъ какой-то порошокъ, распустилъ его съ сахоромъ въ чашкѣ воды, выпилъ и черезъ часъ умеръ съ истинно турецкимъ спокойствіемъ. Турки не умѣютъ жить, но умираютъ хорошо.

Послѣ этого происшествія, вице-король года два не назначалъ генералъ-губернатора въ Суданъ. Мегеметъ-паша Меликли управлялъ дѣлами въ видѣ контролера, повѣреннаго Мегеметъ-Али; наконецъ, года три тому назадъ, назначенъ генералъ-губернаторомъ Халидъ-паша, который и теперь управляетъ Суданомъ. Чельнеръ и тутъ ошибается, увѣряя, что Ахметъ-паша былъ застрѣленъ, въ присутствіи многихъ, посланнымъ отъ Мегеметъ-Али Омаръ-агою, и только за-то, что возбудилъ не совсѣмъ основательное подозрѣніе вице-короля. Трудно рѣшить въ какой степени былъ виноватъ Ахметъ-паша; каждый изъ насъ судитъ по слухамъ, которымъ придаетъ болѣе вѣры. Но смерть его — дѣло слишкомъ публичное, и я слышалъ объ этомъ проис-

шествіи въ Суданѣ отъ самого Омаръ-аги, а не въ Каирѣ, за 2000 верстъ отъ Картума, какъ слышалъ эту исторію Чельшеръ.

Суданъ состоитъ изъ 6 мудирлыковъ, округовъ. Вотъ они, считая съ сѣвера: Донгола, Картумъ, Кордофанъ, Сенааръ, Фазоглу и Така, простирающаяся до Чермнаго моря. Провинціи управляются мудирами, которымъ, послѣ происшествія съ Ахметъ-пашей, вице-король придалъ-было много власти и противопоставилъ ихъ генералъ-губернатору, но этимъ только поселилъ въ нихъ безконечные споры, и паша Судани все-таки остался самовластнымъ. Провинціи раздѣляются на округи, управляемые мамурами, округи на отдѣленія, подъ управленіемъ назаровъ, и наконецъ на деревни, состоящія подъ вѣдѣніемъ собственныхъ шейховъ: это почти таже самая администрація, что въ въ Египтѣ.

Мудиръ явился ко мнѣ въ сопровожденіи конта, секретаря, этого мелкаго двигателя всѣхъ большихъ вещей, то есть всего зла. Контъ, какъ и вся его братья, выступалъ важно въ своемъ длинномъ платьѣ; вытянутыя губы, склоненная на бокъ голова, мѣдная чернильница за поясомъ, чалма на головѣ и перо за ухомъ придавали ему видъ многозначительный въ глазахъ феллаховъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Юсуфъ-эфенди приказалъ мудиру изготовить для насъ барки, мудиръ обратился съ тѣмъ же требованіемъ къ секретарю, секретарь отвѣчалъ, что въ настоящее время въ

Берберѣ свободной барки по бумагамъ не числится. Тогда Юсуфъ накинулся на копта всею силой своей власти и гнѣва: онъ называлъ его непокорнымъ, бунтовщикомъ, бранилъ, грозилъ ему висѣлицей и курбачемъ; мамуръ повторялъ слова Юсуфа. Физіономія копта обратилась быстро изъ многозначительной во всеуниженную. Онъ увѣрялъ, что самъ готовъ превратиться въ барку, чтобы везти насъ, что если этого нельзя сдѣлать, то онъ по-крайней-мѣрѣ понесетъ всѣхъ насъ на плечахъ. Неумолимый Юсуфъ требовалъ барки, а плечи совѣтовалъ поберечь для палокъ, которыя готовилъ ему.

Слѣдствіемъ такихъ энергическихъ мѣръ было то, что вскорѣ барка генералъ-губернатора, лучшая въ Суданѣ, явилась у пристани; за нею слѣдовала другая, для нашихъ людей. Здѣсь никогда не должно отчаяваться отъ перваго отказа; напротивъ, надо быть готовымъ на него и все-таки не оставлять своего требованія.

Не знаю, сказалъ ли кто прежде меня, но вѣрно всякій замѣтилъ, что въ Египтѣ кто не бьетъ, тотъ будетъ битымъ; въ обращеніи съ туземцами, и особенно съ властями, надо имѣть всегда холодный, повелительный видъ, не требовать отъ нихъ невозможнаго, но всегда выдерживать свои требованія; тонъ фамильярности погубитъ васъ въ ихъ мнѣніи, потому-что сами они невысоко ставятъ себя, еще хуже будутъ цѣнить тѣхъ, кто низойдетъ до нихъ.

На другой день, $\frac{3}{15}$ февраля, мы отправились изъ Бербера.

Опять Нилъ съ его крокодилами и гипопотамами, опять Нилъ, окаймленный узкими лентами зеленыхъ береговъ, съ таинственной тишиной!.... Вскорѣ миновали мы устье Атбары. На обратномъ пути я опредѣлилъ положеніе его и нашелъ небольшую разность съ картами, или можетъ быть устье рѣки съ нѣкотораго времени измѣнилось.

Нилъ — единственная рѣка въ мірѣ, которая, на пространствѣ слишкомъ двухъ тысячъ верстъ, то есть, съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Голубой Нилъ соединяется съ Бѣлымъ и гдѣ начинается собственно Нилъ, до Средиземнаго моря, принимаетъ въ себя только одну рѣку, Атбару (*). Отъ самого начала своего до раздѣленія на вѣтви, образующія дельту, онъ почти одинаково широкъ; у Атбары нѣсколько глубже, и вообще обильнѣе водою вверху, чѣмъ на серединѣ, чѣмъ у устьевъ, потому-что воды его теряются въ пескахъ, въ испареніи, отводятся на поля, въ каналы и не имѣютъ другихъ притоковъ, кромѣ дождей, падающихъ въ верховьяхъ его.

Окрестности Нила, какъ мы замѣтили, нѣсколько измѣнились; пальма становилась рѣдкою; за то

(*) Такъ думалъ я, подобно всѣмъ другимъ, но какъ увидимъ ниже, я отыскалъ въ Малой Нубійской пустынѣ еще одну рѣку, впадающую въ Нилъ съ лѣвой стороны.

акація густо покрывала берега и живописные островки, которые встрѣчались часто и затрудняли путь, потому-что Нилъ, и безъ того мелкій, разбиваемый островами на нѣсколько вѣтвей, въ эту пору становился еще мельче. Обработанная полоса вдавалась глубже внутрь страны, но все еще робко, нерѣшительно; жители еще боязливѣй: это были берберы и частію арабы, приходившіе сюда на кочевку со стадами.

Медленно подвигались мы, влекомые, за безвѣтріемъ, десятками тремя, четырьмя разноцвѣтнаго нагого человѣчества, за которымъ шелъ чаушъ съ курбачемъ. Боже мой! скажетъ какой-нибудь Чельшеръ, и объ этомъ можно говорить такъ хладнокровно, и сердце ваше не разорвалось на части при такомъ зрѣлищѣ. Въ сторону, г. Чельшеръ, крупныя слова, кудрявыя фразы! Будетъ время, и я напишу, что думаю, объ этомъ человѣчествѣ: теперь еще рано; надо, чтобы мысленные сопутники мои познакомились съ нимъ хорошенько и сами были въ состояніи судить.

На третій день поднялся попутный вѣтеръ и быстро донесъ насъ на трехъ-мачтовой дагабіи до Шенди.

Узнавши, что здѣсь мудиръ Картума, мы вышли на берегъ. Солиманъ-паша — правитель, мудиръ Картума и вмѣстѣ помощникъ генералъ-губернатора восточнаго Судана; за отсутствіемъ перваго въ экспедицію, съ которою мы, впослѣдствіи, должны были соединиться, онъ исправлялъ его должность.

Это человѣкъ пожилой, очень привѣтливый и веселый, не смотря на сокрушавшую его болѣзнь. Солиманъ-паша турокъ, какъ почти всѣ власти египетскія; неизбѣжная фигура конта находилась и при немъ. Предоставивъ конту написать всѣ распоряженія на случай нашего пріѣзда въ Картумъ, мы занялись куреніемъ трубки, питьемъ кофе и бесѣдой. Паша спросилъ нашего доктора, который еще недавно служилъ въ Картумѣ и былъ его домашнимъ врачемъ, о здоровьѣ своего сына, — сынъ съ матерью оставались въ Каирѣ. Докторъ доставилъ ему благопріятныя свѣдѣнія.

— А что же не спросите вы о женѣ? сказалъ онъ, шутя.

— Что жена! это почва, которую всегда можно перемѣнить; а сынъ—сѣмя, цвѣтъ и плодъ; погибнетъ, такъ, Богъ знаетъ, дождусь ли другого.

Женщина на востокѣ только и пріобрѣтаетъ значеніе когда родитъ; поэтому дѣти составляютъ предметъ всегдашнихъ раздоровъ гарема и нерѣдко платятъ жизнію за ревность другихъ женъ къ своей матери. Еще недавно, въ одномъ изъ знатнѣйшихъ гаремовъ, жена нырнула ножемъ другую, которая была беременна, для того только, чтобы та не получила превосходства надъ нею: такіе примѣры не рѣдки.

Городъ Шенди былъ прежде великъ, но послѣ ужасной катастрофы 1822 года не можетъ оправиться. Теперь въ немъ до 4 тысячъ жителей. Мы посѣтили мѣсто, гдѣ былъ сожженъ живымъ лю-

бимый сынъ Мегеметъ-Али, Исмаилъ-паша, храбрый завоеватель Сенаара, — печальная исторія сама по себѣ, ужасная по своимъ послѣдствіямъ. Я разскажу впослѣдствіи эту исторію.

Пробывши часа три-четыре въ Шенди, мы получили нужныя бумаги и простились съ Солиманъ-пашей. Дагабіи быстро понеслись къ Картуму, при попутномъ вѣтрѣ.

Часа за три до соединенія Бахръ-эль-абіадъ съ Бахръ-эль-азракъ, Бѣлаго Нила съ Голубымъ Ниломъ, мы уже замѣтили, что воды дѣлились на двѣ струи, которыя мало-по-малу опредѣлились и наконецъ обозначились ясно: воды, катившіяся у праваго берега, были бѣлаго цвѣта; у лѣваго — голубовато-зеленаго. Двѣ рѣки никакъ не хотѣли слиться въ одну. Прибрежные жители далеко предпочитаютъ воду Голубого Нила илистой водѣ Бѣлаго, а потому съ лѣваго берега обыкновенно посылаютъ за водой на правый. Это мнѣ живо напомнило рѣки Бію и Катунь, которыя, соединившись вмѣстѣ и составивъ Обь, долго еще катятъ розно свои воды: одна — мутныя, бѣлыя, другая — свѣтлыя, прозрачныя.

Миновавъ городокъ Гальфай, гдѣ расположена часть кавалеріи вице-короля, 8 (20) февраля, мы пріѣхали въ Картумъ, столицу Сенаара и всего восточнаго Судана.

ГЛАВА X.

КАРТУМЪ И СЕНААРЪ.

Кромѣ настоящаго, законнаго имени, арабы обыкновенно придаютъ людямъ и вещамъ кличку по шерсти, по отличію: у Ахметъ-паши длинныя уши, и онъ Абу-данъ, отецъ ушей, и не обижается прозваніемъ. Нилъ у Картума изгибается въ видѣ слоноваго хобота, и городъ названъ слоновымъ хоботомъ — Картумъ.

Въ Картумѣ, какъ и во всемъ Суданѣ, строили прежде дома съ крышами, разумѣется, соломенными; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, это запрещено въ городахъ, потому-что пожарамъ не было конца; теперь нечему горѣть въ глиняномъ городѣ, и пожары сами собою уничтожились; зато, во время періодическихъ дождей, городъ расползается въ разныя стороны, такъ-что жильцы съ трудомъ находятъ развалины своихъ жилищъ. Дома разбросаны довольно живописно, окружены садами, за которыми мало надо уходу: растутъ-себѣ по милости благодатнаго климата и періодическихъ

дождей; на улицахъ чисто, на единственной площади просторно; Голубой Нилъ у самыхъ стѣнъ, Бѣлый — на виду. Словомъ, Картумъ, послѣ Каира и Александріи, едва ли не лучшій городъ въ Египтѣ. Въ немъ считаютъ до 18,000 жителей и безчисленное множество голубей....

Едва причалили мы къ берегу, какъ явились къ намъ по обыкновенію турецкія власти; они приглашали переѣхать съ барки въ городъ на отдыхъ. Отдыхъ намъ былъ нуженъ: мы, втеченіи цѣлаго мѣсяца пути, нигдѣ не останавливались; притомъ же, если не удобство, то просторъ вѣрно есть въ домѣ, а барочная жизнь свернула насъ въ бараній рогъ, съежила, какъ сухую губку, и самыя дѣла требовали ближайшаго надзора. Здѣсь мы должны были пополнить нашу экспедицію и взять то, что́ было забыто генералъ-губернаторомъ, дожидавшимъ насъ въ землѣ негровъ; надо было также предъувѣдомить его о сборномъ пунктѣ, хотя это не легко было сдѣлать, потому-что насъ раздѣляли около мѣсяца пути и множество различныхъ препятствій.

Намъ отвели лучшее помѣщеніе въ городѣ. Между ходами и переходами, крытыми и открытыми, составлявшими одинъ обширный дворъ, было запутано нѣсколько домовъ: мы избрали тотъ, который стоялъ уединеннѣй и глядѣлъ въ садъ: это былъ гаремъ прежняго владѣльца. Глиняныя стѣны, глиняные диваны, глиняный полъ, — вотъ вся роскошь помѣщенія. Вскорѣ, однако, принесли

кое-какую мебель, обмели пыль, стѣны и полъ полили водою до того, что образовалась грязь, и стало прохладно и просторно, и мы были совершенно довольны, особенно, когда толпа различныхъ властей и служителей наконецъ оставила насъ однихъ.

Еще на дагабіи посѣтили насъ миссіонеры папской пропаганды, пріѣхавшіе сюда за нѣсколько недѣль до насъ. Они состояли подъ начальствомъ епископа, Кацолани, но тотъ самъ находился подъ начальствомъ іезуита, Рилло, человѣка слишкомъ извѣстнаго въ католическомъ мірѣ, не столько какъ ректора школы пропаганды, сколько по религіозному и политическому вліянію....

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, худой, блѣдный: климатъ Судана уже оказалъ на него свое разрушительное дѣйствіе. Только глаза Рилло горѣли, обличая весь пылъ внутренней жизни. Онъ уменъ и краснорѣчивъ, но такъ и хотѣлось ему сказать, что этимъ даромъ могъ онъ увлечь, совратить женщину — только.... Чувствуется какъ-то неловко, тяжело въ присутствіи такого человѣка; лучше никого не видать.... Рилло выбиралъ мѣсто для колоніи; ему хотѣлось поселиться на границѣ Абиссиніи и Судана, а не въ центрѣ негровъ, и онъ располагалъ-было послать со мною своихъ миссіонеровъ въ Фазоглу. Любопытно знать, къ чему поведетъ это болѣе политико-коммерческое, чѣмъ религіозное предпріятіе. Невольно вспомнилъ я встрѣчу съ архимандритомъ Макаріемъ, у Тѣлен-

каго озера, въ глубинѣ Сибири, въ дичи, въ трущобѣ, окруженнаго своею преобразованной паствой. Тотъ былъ преисполненъ высокою идеей обращенія идолопоклонниковъ въ христіянство, и только одною этою идеей; у Рилло много другихъ замысловъ, въ число которыхъ, если и входитъ религіозная мысль, то только стороной, какъ средство, а не цѣль. Тотъ молился и убѣждалъ, указывая на небо; этотъ увлекаетъ, указывая на папу. Рилло, вѣроятно, прочтетъ эти строки, онъ очень хорошо знаетъ нашъ языкъ и нашу литературу...

Сенааръ и Кордофанъ завоеваны первоначально Измаилъ-пашей, старшимъ сыномъ Мегеметъ-Али, въ 1820 году; послѣ трагической смерти завоевателя, весь восточный Суданъ возсталъ; но зять вице-короля, извѣстный своимъ злодѣйствомъ Дефтердаръ, прошелъ по немъ съ мечемъ и огнемъ, по праву возмездія, и Сенааръ, а за нимъ и Кордофанъ, раззоренные и опустошенные, опять присоединены къ Египту.

Если вѣрить преданію, которое мы спѣшимъ сохранить для исторіи Судана, и немногимъ темнымъ указаніямъ древнихъ, Сенааръ составлялъ Макробею временъ Камбиза. Послѣ него владѣли Сенааромъ десять царицъ и двѣнадцать царей. Потомъ явились арабы изъ Геджаса. Наконецъ фунги, съ береговъ Бѣлаго Нила; это было уже въ 890 году эгиры, или въ 1484 нашей эры. Послѣ рѣшительной побѣды у Арбагой, они овладѣли всѣмъ полуостровомъ, образу-

емымъ Бѣлымъ и Голубымъ Ниломъ, и основали новое, огромное царство. Фунги, по очерку лица и языку, кажется, несомнѣнно принадлежатъ къ племени негровъ-шилукъ, живущихъ по Бѣлому Нилу. Фунги значитъ завоеватели, и, вѣроятно, приняли это названіе по завоеваніи Судана или части королевства Бурумъ, куда проникли еще прежде того. Они владѣли до самой Уади-Гальфы на сѣверѣ; на югѣ, какъ и нынче, границы восточнаго Судана исчезаютъ въ земляхъ болѣе или менѣе покоренныхъ негровъ. Первый владѣтель изъ племени фунги былъ Амара-ду, который царствовалъ 42 года; за нимъ слѣдовали двадцать девять другихъ, ознаменовавшихъ себя бо́льшею частію одними битвами съ различными племенами. Послѣдній былъ Бади, сынъ Табли; при немъ Измаилъ-паша покорилъ Сенааръ.

Главное правленіе Мегеметъ-Али сначала кочевало изъ города въ городъ, смотря по вкусу генералъ-губернатора. Оно было въ Сенаарѣ, столицѣ фунговъ, въ Уадъ-Мединѣ, основанной Измаилъ-пашей, въ Кордофанѣ, и наконецъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, Хошрудъ-паша выстроилъ Картумъ и перенесъ туда главное управленіе.

$\frac{10}{22}$ февраля мы оставили Картумъ. Обгибая находящійся противъ него островъ, мы увидѣли на немъ нѣсколько десятковъ крокодиловъ, лежащихъ на солнцѣ съ открытою пастью, наслаждающихся кейфомъ. Отсюда, вверхъ по Нилу, ихъ чрезвычайно много, но такихъ, что́ пожираютъ людей, мало:

они на перечетѣ. Напримѣръ, въ нынѣшнемъ году явился у самого Картума; у Уадъ-Медины лѣтъ десять живетъ крокодилъ, который втеченіи каждаго лѣта похищаетъ нѣсколько человѣкъ. Есть у Камлина и еще кое-гдѣ. Тамъ принимаютъ противъ нихъ нѣкоторыя предосторожности, но въ другихъ мѣстахъ жители не обращаютъ на крокодиловъ и малѣйшаго вниманія: купаются и переплываютъ Нилъ въ-виду ихъ.

Вотъ одно изъ самыхъ крокодильскихъ ухищреній: послѣ нѣжностей любви, самой изступленной, самецъ, будто по разсѣянности, оставляетъ свою дражайшую подругу на пескѣ; изнеможенная, она никакъ не можетъ подняться сама, бьется и терзается, а крокодилъ, говорятъ, издалека наслаждается ея мученіями, пока туземцы не увидятъ и не убьютъ ее.

Мѣстами берега Нила покрыты стадами верблюдовъ и барановъ: вещь невиданная въ Египтѣ, гдѣ одинъ буйволъ или верблюдъ уже составляетъ богатство фелаха. Стада эти принадлежатъ арабамъ-бедуинамъ, которые каждые два-три дня пригоняютъ ихъ къ Нилу, на водопой; они и барановъ пріучили терпѣть и переносить жажду.

Берега, поросшіе tamarix, ивой, акаціей гумифора и множествомъ ползущихъ растеній, становятся диче и диче. Мы видѣли стада сернъ и дикихъ ословъ, приходившихъ къ водопою. Дикіе ослы красивѣй домашнихъ: они гибки, на высо-

кихъ ногахъ; только уши, ослиныя уши, безобразятъ ихъ.

Бахръ-эль-азракъ, Голубой Нилъ, быстрѣе настоящаго Нила: онъ протекаетъ три и даже $3^1/_4$ версты въ часъ, теперь, когда воды низки; Нилъ я измѣрялъ мѣсяцъ тому назадъ: воды были выше; быстрота его $2^3/_4$ версты въ часъ. Голубой Нилъ чистъ, свѣтелъ, воду не нужно отстаивать и очищать, какъ воду Нила: она и безъ того прозрачна.

Нильская вода, какъ извѣстно, самая легкая въ свѣтѣ; она почти не содержитъ постороннихъ веществъ и, отстоенная отъ своего неизбѣжнаго ила, можетъ употребляться въ аптекахъ, вмѣсто дистилированной. Во дворцѣ султана, въ Константинополѣ, говорятъ, не употребляютъ другой воды, кромѣ нильской.

Поздно вечеромъ пріостановились мы у деревни Сабо. Съ полъ-часа отъ берега находятся развалины Сабо, которыя приписываютъ многіе, несправедливо, христіянскому городу. Открытый случайно въ прошломъ году овенъ, съ гіероглифами на цоколѣ, и капители колонъ опровергаютъ это предположеніе; жаль, что ученый Лепсіусъ не видалъ послѣднихъ открытій.

Попутный вѣтеръ несъ быстро нашу маленькую флотилію по волнамъ Голубого Нила, на которыхъ въ первый разъ развивался русскій флагъ. На другой день мы проѣхали Камлинъ, единственную фабрику въ Суданѣ. Здѣсь дѣлаютъ мыло, ромъ и са-

харъ; нынче фабрика въ плохомъ состояніи, потому-что и прежній владѣлецъ ея, Ахметъ-паша, и мастеръ, нѣмецъ Бауэръ, умерли, первый, какъ мы уже сказали, отъ яда, второй — отъ мѣстной лихорадки. Этимъ обыкновенно оканчиваются здѣсь всѣ предпріятія: продолжать некому. Осталось отъ Бауэра нѣсколько свиней, которыя, несмотря на нетерпимость магометанскаго закона къ этимъ бѣднымъ животнымъ, живутъ себѣ и жирѣютъ, потому-что барбаринамъ ни-до-какого закона нѣтъ дѣла.

Рѣку Рагатъ нашли мы безъ воды.

Въ три съ половиною дня доплыли мы до Уадъ-Медины, несмотря на то, что безпрестанно садились на мѣль. Уадъ-Медина — городъ; въ немъ тысячи четыре жителей, въ томъ числѣ 1,200 солдатъ. Дни за четыре до нашего пріѣзда, негры составили было заговоръ убить всѣхъ бѣлыхъ, то есть разноцвѣтныхъ, и удалиться въ свои горы; но, несмотря на то, что въ гарнизонѣ было до 1,000 черныхъ и только 200 человѣкъ арабовъ, турокъ и пр., заговоръ не удался. Это уже не первая попытка къ возмущенію невольниковъ, но до сихъ поръ всѣ ихъ замыслы кончались нѣсколькими побѣгами и убійствами. Когда подумаешь, однако, что изъ всей арміи Судана, едва ли $^1/_8$ часть египтянъ, турокъ и черкесовъ, и тѣ мрутъ, какъ мухи, отъ дѣйствія климата, то невольно призадумаешься надъ униженіемъ туземцовъ передъ пришельцами, которое одинаково проявляется повсюду — въ Индіи,

въ Африкѣ, въ Америкѣ.... Какъ-будто состояніе невольничества само собою убиваетъ всю нравственную силу невольниковъ.

Рано утромъ отправились мы изъ Уадъ-Медины (Уадъ-Модейна на картахъ). Отмели Нила покрыты дичью: журавли миріадами тянулись съ юга на сѣверъ, улетая отъ періодическихъ дождей и лѣтнихъ жаровъ. Ночью нельзя было спать отъ шуму и крику, если случалось приставать въ томъ мѣстѣ, гдѣ они избирали себѣ ночлегъ; на берегу, въ кустарникахъ, множество пентадъ, что̀ называется у насъ цесарскими курицами; мясо ихъ очень вкусно. Стада обезьянъ забавляли всѣхъ своими кривляньями и нелѣпыми скачками: онѣ, кажется, дразнили насъ. Здѣсь странный способъ ловить обезьянъ: ставятъ подъ деревомъ большой жбанъ съ пивомъ, прибавляя въ него меду; обезьяны съ жадностію кидаются на лакомство, пьянѣютъ, дерутся, буйствуютъ и наконецъ, полусонныя, валятся съ дерева на-земь, гдѣ ихъ берутъ руками. За піастръ, (шесть копѣекъ серебромъ), даютъ обезьяну на выборъ. Нельзя описать ихъ изумленія, досады, гнѣва, когда, потомъ, они просыпаются въ неволѣ; но очень скоро дѣлаются ручными.

Вечеромъ того же дня проѣхали мы мимо Диндиръ (Дендеръ на картахъ), довольно значительной рѣки.

Между Уадъ-Мединой и Сенааромъ много львовъ. Года три тому, около деревни Сабиллы, они напа-

ли на маленькій караванъ, состоявшій изъ шести — семи ословъ и пяти человѣкъ и истерзали людей и ословъ.

Опять на мель. Мы вышли на берегъ противъ деревни Саба-дулебъ. Какая природа! какая разительная противоположность съ Египтомъ. Здѣсь все дичь; въ Египтѣ не увидишь дикой травки, здѣсь трава что́ камышъ; правда, все поблекло и высохло, но это въ ожиданіи періодическихъ дождей. Дикія яблони, небекъ, sisifus spina christi, акаціи различныхъ родовъ и tamarix у опушки до того покрыты ліанами, дикимъ виноградникомъ и всякими ползущими растеніями, что подъ ними сидишь, какъ подъ сводомъ; и дѣйствительно, тутъ живутъ люди безъ всякаго другого крова; нидѣ, развѣ, нѣсколько пучковъ травы, скученныхъ вмѣстѣ, служатъ стѣною съ навѣтренной стороны. И какіе люди и какъ живутъ! Между множествомъ обезьянъ, населяющихъ лѣса и толпящихся около этихъ жилищъ, ихъ не отличишь издали. Какъ хорошо здѣсь, особенно послѣ пустынь Нубіи и единообразной природы Египта, у которой все взяли, все вымучили, что́ могла она дать, какъ возьмутъ потомъ все у людей, гдѣ вездѣ возстаніе природы на человѣка, на жалкаго феллаха, который не знаетъ противъ кого обороняться, — противъ натисковъ ли песку, противъ палящаго солнца, или нападковъ мамура и приставовъ. Тутъ человѣка не тѣснятъ къ Нилу ливійскія или аравійскія горы, ливійскіе или аравійскіе пески: ему вездѣ жилье, мѣста сколько хочешь; приро-

да раскинулась широко, на русской ладъ; станетъ мѣста и человѣку, и дикимъ звѣрямъ, и миріадамъ птицъ, и всякимъ гадамъ, которые населяютъ эти лѣса,— еще самое меньшее пространство занимаетъ человѣкъ. Какое разнообразіе произрастеній, какое необыкновенное обиліе птицъ, какія собранія привеземъ для кабинетовъ! Здѣсь мы видѣли новыхъ колибри; попугаевъ множество.

Не всѣ, впрочемъ, жители кочуютъ въ лѣсахъ. Правительство заботится соединять берберишовъ въ деревни, иначе ихъ не найдешь для сбора податей, и, пожалуй, иные ускользнутъ отъ платежа. Дѣйствительно, въ этой чащѣ ничто не предвѣщаетъ жилища человѣка, и если наткнешься на него, то совершенно неожиданно.

У нѣкоторыхъ есть посѣвы табаку, хлопчатнику; но поливанія не употребляютъ. Сакіи за Куртумомъ попадаются рѣдко, а къ Сенаару совершенно исчезаютъ. Ихъ плачевный вой, ихъ тяжелый ходъ не мучатъ васъ болѣе. Жители сѣютъ во время періодическихъ дождей и собираютъ послѣ нихъ. Остальное время ничего не дѣлаютъ.

Да, здѣсь дышешь легко, свободно. Полденный жаръ не чувствуется такъ сильно въ этой густой чащѣ. Мы пробыли подъ тѣнью яблонь, пока люди возились около барки; только змѣи и скорпіоны пугали иногда. Быстро наставшая ночь, близкій вой гіены и ревъ льва заставили насъ воротиться на дагабію. Кстати о гіенѣ: мы видѣли здѣсь

особый видъ ея, довольно рѣдкій, съ бѣлыми полосами черезъ спину.

18 февраля (1 марта н. ст.) мы опять провозились на отмеляхъ. Къ вечеру пристали-было къ берегу; вдругъ, раздалось вблизи рычанье льва; на голосъ его отозвался другой, наконецъ третій, и все ближе и ближе, мѣлькала даже тѣнь одного изъ нихъ въ темнотѣ. Рейсъ хотѣлъ отчалить, но нѣкоторые изъ нашихъ были на берегу, и мы очень боялись за нихъ; наконецъ, въ противоположномъ краю, показались рядкомъ бредущіе по отмелямъ люди: это были наши. Они слышали ревъ львовъ также близко, какъ и мы, и рѣшились обойти ихъ водою, рискуя наткнуться дорогою на крокодиловъ: видимая опасность страшнѣе.

На другой день я оставилъ барку на мели и пѣшкомъ дошелъ до Сенаара; было часа три пути.

Сенаарь, какъ я уже замѣтилъ, основанъ предшественниками нынѣшнихъ владѣтелей, фунгами; здѣсь имѣли мѣстопребываніе короли, и, по имени города, все обширное владѣніе ихъ называлось Сенаарскимъ; туземцы, и нынче, называютъ пространство между Бѣлымъ и Голубымъ Иломъ — Сенаарскимъ полуостровомъ, что, по нашему мнѣнію, гораздо правильнѣе. Названіе Восточнаго Судана, обнимающаго и это пространство и Кордофанъ и часть другихъ земель Мегеметъ-Али, такъ же какъ и Судана вообще, которое придаютъ, на нашихъ картахъ, почти всей внутренней Африки, принято слишкомъ въ обширномъ смыслѣ

и не соотвѣтствуетъ своему значенію. Нынѣшнее раздѣленіе провинцій Мегеметъ-Али ничего здѣсь не значитъ, потому-что оно зависитъ совершенно отъ произвола, отъ бо́льшей или меньшей довѣренности къ лицамъ, управляющимъ ими, и многихъ другихъ случайностей; главное здѣсь, характеръ страны, родовое происхожденіе народа и естественное разграниченіе.

Городъ Сенааръ былъ прежде великъ. При фунгахъ въ немъ, говорятъ, было до 25,000 жителей; еще послѣ завоеванія Измаила-паши оставалось до 9,000, какъ свидѣтельствуетъ Кальо; но съ тѣхъ поръ, какъ турки перенесли главное управленіе въ Картумъ, Сенааръ опустѣлъ; въ немъ теперь едва ли 5,000 жителей, не исключая и солдатъ; торговля съ Абиссиніей упала, народъ обѣднѣлъ.

По опредѣленію Кальо, Сенааръ находится подъ 13° 36′ 51″ с. ш.; по моему—подъ 13° 40′ 2″ и 30° 24′ 34″ в. д.; на картахъ положеніе его означено различно.

ГЛАВА XI.

ТРИ ПАЛЬМЫ И БАОБАБЪ. РОССЕРОСЪ.

До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно по-крайней-мѣрѣ, въ Египтѣ и Суданѣ полагали двѣ пальмы, — обыкновенную, финиковую, Phoenix dactilifera и думъ, Cucifera thebaica; первая растетъ на всемъ пространствѣ отъ Александріи до Картума, постепенно рѣдѣя къ югу, вторая, начинаясь въ верхнемъ Египтѣ, опережаетъ ее; она еще видна у Россероса и нѣсколько далѣе; наконецъ, есть третій родъ пальмы который начинается между Сапааромъ и Валетъ-Мединой, именно у Саба-дулебъ, и доходитъ до Фазоглу.

Эта третья пальма называется здѣсь дулебъ. Листья ея очень похожи на листья дума и отличаются только сгибомъ, едва замѣтнымъ, если не всмотриться въ него хорошенько; плодъ совсѣмъ другой: видомъ, величиной и особенно запахомъ — похожъ на такъ называемую ананасную дыню; вкусомъ — терпкій; мякоть наполнена волокномъ; негры и арабы, впрочемъ, находятъ его очень вкуснымъ; въ серединѣ кость, какъ у плода дума. Тотъ

и другой, по моему, одинаково не вкусны. Но главное отличіе дулеба отъ дума, это въ стволѣ. Думъ, какъ мы уже замѣтили, развѣтвляется, почему его нѣкоторые отторгаютъ отъ породы пальмъ; дулебъ растетъ стройно, въ одинъ стволъ, штамной, какъ всякая пальма; но только, какъ онъ одинъ, утолщается на серединѣ, такъ-что внизу и вверху онъ всегда тоньше чѣмъ въ серединѣ.

Видъ финиковой пальмы сначала поразилъ меня, но постоянно — тянущіяся рощи вдоль единообразныхъ береговъ Нила утомляютъ взоры своею правильностью. Я уже замѣтилъ, что пальма гораздо лучше, когда стоитъ одна-одинехонька, среди пустыни песковъ, съ ярко обрисовывающейся, раскидистой вершиной на потухающемъ вечернемъ горизонтѣ. Тутъ она чудесна, и сколько разъ ни видѣлъ я ее, никогда не могъ довольно налюбоваться.

Послѣ единообразія финиковыхъ пальмъ, густота зелени и раскидистыя вѣтви дума нравятся, но скоро и въ немъ находишь свойственную пальмамъ правильность строенія. Развѣтвляется онъ непремѣнно на извѣстной высотѣ, сначала на двое, потомъ, каждая вѣтвь дѣлится еще на двѣ, совершенно одинаковыя, растущія соотвѣтственно одна другой, какъ близнецы; такое развѣтвленіе повторяется три, иногда четыре раза на деревѣ; правильность удивительная. Послѣ дума, дулебъ хорошъ! Но вдругъ поражаетъ васъ гигантъ растительности, размѣровъ котораго никогда не могло представить вамъ воображеніе: это баобабъ!

Баобабъ, adansonia gigitata (эль-омара) древнѣйшій жилецъ міра. Баобабу, находящемуся на одномъ изъ острововъ зеленаго мыса, Гумбольдтъ считаетъ гораздо за пять тысячъ лѣтъ; толщина его около тридцати футовъ въ діаметрѣ; мы мѣряли много деревьевъ, но ни одно изъ нихъ не превосходило 25 футовъ, возрастъ ихъ былъ тоже почтенный, т. е. за 5000 лѣтъ. Толщина баобаба безобразна, онъ не имѣетъ соотвѣтствующаго роста, стройности, граціозности вѣтвѣй, ихъ густоты, роскоши и соразмѣрности частей: это огромная масса, оканчивающаяся тонкими вѣтвями, это слонъ, мамонтъ растительности; цвѣтъ коры красивъ, металлической, стальной; но особенно поражаетъ въ баобабѣ то, что въ одно время вы видите на немъ распускающіеся листья, цвѣты и плоды. Зелень довольно мелкая, жидкая; цвѣты бѣлые, прелестные; середина цвѣтка махровая, какъ у штокъ-розы; края загнуты назадъ, какъ у лиліи; запахъ тонкій, миндальный; плодъ — какъ кокосовый орѣхъ; скорлупа довольно тонкая, подъ нею — мучнистое вещество, пріятное, кисловатое, очень прохладительное и множество косточекъ, которыя арабы иногда пережигаютъ вмѣсто кофе.

Баобабъ большею частію дуплистъ: внутри его свободно укрывается нѣсколько человѣкъ отъ солнечныхъ лучей и отъ непогоды во время періодическихъ дождей. Къ нему всегда прилетаются стволами, и даже совсѣмъ въ него врастаютъ, нѣсколько другихъ деревьевъ, особенно много пол-

зущихъ растѣній и паразитовъ и увеличиваютъ его тѣнь.

Въ пустыняхъ Кордофанской и Дарфурской кочующіе арабы высматриваютъ баобабы, гдѣ водятся пчелы и вынимаютъ медъ, предоставляя дупло дальнѣйшей обработки періодическихъ дождей. Дожди въ короткое время производятъ разрушеніе въ деревѣ, образуя настоящіе колодцы, въ которыхъ сохраняется вода въ самое сухое время года; такое дерево составляетъ предметъ богатства кочующей семьи, которая дорогою цѣною продаетъ страннику воду, — и, вѣрьте, умирай странникъ отъ жажды, арабъ не дастъ горсти воды, если тотъ не въ состояніи заплатить за нее.

Первый баобабъ встрѣчается около Арбажіи, дни три далѣе Іѣартума, но, собственно, отечество его въ Россеросѣ; очень много баобабовъ въ горахъ.

Отъ Санаара природа неизмѣняется: все тѣже низменные берега, поросшіе чащей; за ней, по-далѣ, деревенька, или кочевье арабовъ, которыхъ засуха переселила на берега Нила. Зачѣмъ же они не выходятъ на свѣтъ Божій, къ самому Нилу, на видъ проѣзжающаго? Правительство страшно, такъ страшно, что они покидаютъ жилища, завидя тарбушъ; да вѣдь тамъ, за чащей, львы, гіены! все же, видно, не такъ страшно!

Ревъ этихъ звѣрей, доходившій почти каждую ночь до насъ, заставлялъ рейса останавливаться у песчаныхъ островов. Мы выигрывали отъ этой предо-

сторожности и въ другомъ отношеніи; битая насыпь песчаной отмели доставляла прекрасное мѣсто для прогулки. Только и жили въ эту пору; грудь дышала свободно, жадно впивая прохладу ночи; ночь, всегда звѣздометная, какъ бы ни пасмурно было небо днемъ; кругомъ тишина совершенная, только ревъ дикаго звѣря или всплескиваніе гипопотома нарушали тишину. Все дико и пустынно; невольно сжимается сердце какъ-то тоскливо, когда вспомнишь гдѣ и съ кѣмъ находишься! И сколько такихъ ночей провели мы на пустынныхъ отмеляхъ Нила, и чего здѣсь не передумано было. Но мимо, мимо пустынные острова! далѣе, далѣе, но далѣе все тоже. А вотъ, за два дня отъ Сенаара, Серо бо̀льшое изъ здѣшнихъ мѣстечекъ, но оно точь-въ-точь какъ и другія, развѣ больше тукулей, да сбитые изъ глины домы правительства.

Мы спокойно продолжали путь, какъ сзади насъ, на другой баркѣ, разыгрывалась страшная сцена.

Было безвѣтріе; арабы брели по колѣно и глубже въ водѣ, таща бичевою барку. Вдругъ, одинъ изъ нихъ изчезъ и вслѣдъ за тѣмъ показался на водѣ; не прошло минуты и онъ опять пошелъ въ глубь, быстро, какъ свинецъ. Всѣ догадались, въ чемъ дѣло: подняли крикъ, шумъ, стали стрѣлять, и арабъ опять показался на водѣ, окровавленная фереде тащилась за нимъ; поспѣшно бросили веревку и онъ кое-какъ доплылъ до барки; кровь и вода текли съ него. Оказалось, что крокодилъ схватилъ его сначала выше ко-

лѣна; но, вѣроятно, запутался въ фереде, которою здѣшніе жители въ нѣсколько разъ обвертываютъ нижнюю часть тѣла и упустилъ свою жертву, оставивъ на тѣлѣ слѣды зубовъ; въ другой разъ, онъ схватилъ его за пальцы той же ноги, но крики и шумъ испугали его; крокодилъ откусилъ три пальца, словно ножемъ отрѣзалъ. Больному предлагали медицинскія пособія, но онъ отказался, говоря, что дома есть знахарь; первою его заботой была фереде, онъ осмотрѣлъ ее, сожалѣлъ что крокодилъ сильно попортилъ и просилъ чтобы его снесли домой; трое арабовъ отправились съ нимъ, а остальные пошли въ воду тащить дагабію, какъ-будто ничего не случилось. Славная земля! Къ берегу нельзя приблизиться въ-опасеніи львовъ и гіенъ; въ водѣ нельзя оставаться въ-опасеніи крокодиловъ. Впрочемъ, гдѣ тутъ беречься такое долгое время! Мы выходили на берегъ одни и купались съ безпечностью истинныхъ арабовъ — даже ночью!

На третій день отъ Серо, мы пріѣхали въ Россерось. Трущоба, состоящая изъ дума, дулеба и баобаба, повитая сверху ліанами и паразитами, отдѣляетъ деревню отъ Нила: воображаю, что тутъ во время періодическихъ дождей! вѣрно и звѣрь не протиснется сквозь чащу. Экваторіальная природа развернулась во всей своей могучей красѣ. Деревня Россерось расположена очень живописно, на холмахъ, съ которыхъ уже синѣются вдали отдѣль-

ныя горы. Въ Россеросѣ—мѣстопребываніе мудира, начальника округа Фазоглу; въ деревнѣ до 3,000 жителей, между которыми много негровъ.

Тутъ оставили мы дагабію, потому-что катарактъ преграждалъ путь водою. Дня два шли мы, не теряя изъ-виду Нила, слегка подымаясь; на пути встрѣчали въ-изобиліи черное дерево, dyospiros ebenos; на третій день достигли деревушки Фемаки, гдѣ, въ живописномъ мѣстоположеніи, на берегу Нила, увидѣли развалины какого-то зданія: его называли дворцемъ вице-короля, и вотъ по какой причинѣ: когда къ намѣстнику пристали съ ножемъ, чтобы онъ отказался отъ Сиріи и другихъ завоеваній, столь дорогихъ его сердцу, въ пользу порты, онъ объявилъ, что лучше уйдетъ въ Суданъ и будетъ тамъ независимымъ владѣльцемъ, чѣмъ согласится на такія унизительныя предложенія, и отдалъ приказаніе строить дворецъ въ Фемаки,—это былъ пуфъ. Паша долженъ былъ принять предложенія европейскихъ кабинетовъ; дворецъ, изъ необожженныхъ кирпичей, на подобіе здѣшнихъ казенныхъ домовъ и магазиновъ, развалился прежде, чѣмъ былъ совершенно оконченъ.

Нѣсколько выше Фемаки, гдѣ Нилъ не такъ глубокъ, перевели мы нашъ караванъ въ-бродъ; бѣдные верблюды, по грудь въ водѣ, едва могли держаться противъ быстрины теченія; на этотъ разъ обошлось безъ приключенія, но это рѣдко случается.

Отсюда шли мы между Голубымъ Ниломъ и Туматомъ, ближе къ первому. Туматъ падаетъ въ Нилъ ниже Фемаки около полу-часа пути. Почва видимо повышается; земля негровъ начинается вмѣстѣ съ предгорьями.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.

ГЛАВА I. Александрія. 1

ГЛАВА II. Первое впечатлѣніе, произведенное видомъ пустынь. Нилъ и Каиръ 17

ГЛАВА III. Мегеметъ-Али и пирамиды 32

ГЛАВА IV. Отъѣздъ изъ Каира и плаваніе по Нилу до Миніе. 64

ГЛАВА V. Отъ Миніе до Эсне 79

ГЛАВА VI. Альме въ Эсне и вообще женщины на востокѣ 73

ГЛАВА VII. Нубія вдоль Нила. 89

ГЛАВА VIII. Большая Нубійская пустыня. . . 100

ГЛАВА IX. Отъ Большой Нубійской пустыни до соединенія Бѣлаго Нила съ Голубымъ 127

ГЛАВА X. Картумъ и Сенааръ. 142

ГЛАВА XI. Три пальмы и баобабъ. Россеросъ . 155

ОГЛАВЛЕНІЕ КАРТИНОКЪ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

1. Фонтанъ въ Константинополѣ (виньетка) рис. Дороговъ, рѣз. на деревѣ бар. Клотъ.
2. Караванъ въ Большой Нубійской пустынѣ, рис. Дороговъ, рѣз. Линкъ.
3. Видъ Александріи (буква II.) рис. Тимъ, рѣз. Бернардскій.
4. Абиссинянка, невольница, рис. Тимъ, рѣз. Бернардскій.
5. Джелябъ, торговецъ невольниками, рис. Тимъ, рѣз. Бернардскій.
6. Мечеть въ Каирѣ, рис. Соколовъ, рѣз. Линкъ.
7. Переѣздъ гарема черезъ Большую Нубійскую пустыню, рис. Тимъ рѣз. Бернардскій.
8. Обелискъ, рис. Тимъ, рѣз. Д**.
9. Портретъ Сева (Солиманъ-паши) рис. Тимъ, рѣз. Д**.